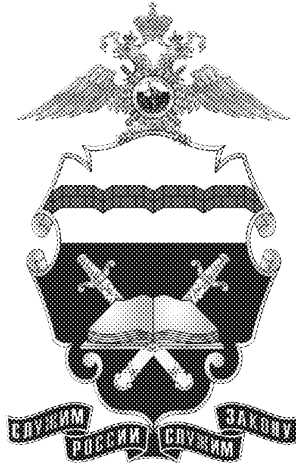

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>
Интернет-подписка
<http://www.pressa-rf.ru>;
<http://www.akc.ru>

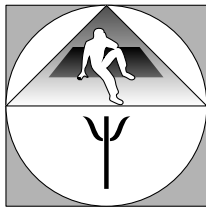

Научно-практический журнал

**Психопедагогика
в правоохранительных органах
Том 27
№ 4(91) октябрь – декабрь 2022 г.**

Scientific practical journal

**Psychopedagogy in Law Enforcement
Volume 27
No 4(91) October – December 2022**

ПСИХОПЕДАГОГИКА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ

Том 27, № 4(91) 2022

Издается с мая 1995 г. Выходит четыре раза в год

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>
Интернет-подписка
<https://www.pressa-ru.ru>
<https://www.akc.ru>

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям наук: психологические науки, педагогические науки, юридические науки

Редакционная коллегия

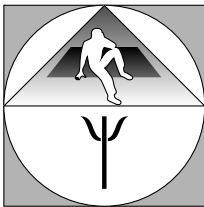
Г. Д. Бабушкин, д-р пед. наук, проф. (Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, Омск) — *заместитель главного редактора*
М. И. Марьин, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет) — *заместитель главного редактора*
И. Ф. Андрущишин, д-р пед. наук, проф. (Казахская академия спорта и туризма, Алматы)
Л. Н. Антилогова, д-р психол. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
Н. В. Астафьев, д-р пед. наук, проф. (Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России)
В. И. Барко, д-р психол. наук, проф. (Харьковский национальный университет МВД Украины)
М. Блашкова, д-р психол. наук, проф. (Полицейская академия Чешской Республики)
И. В. Вачков, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
В. В. Вахнина, д-р психол. наук, проф. (Академия управления МВД России, Москва)
В. В. Векленко, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет)
И. А. Ветренко, д-р полит. наук, проф. (Северо-Западный институт РАНХиГС, Санкт-Петербург)
И. А. Вишняков, д-р психол. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
О. П. Грибунов, д-р юрид. наук, проф. (Байкальский государственный университет, Иркутск)
Х. Х. Джейми, проф. военной психологии (Университет Англии Раскин, Великобритания)
Э. В. Зауторова, д-р пед. наук, проф. (Вологодский институт права и экономики ФСИН России)
Э. Р. Исхаков, д-р мед. наук, проф. (Уфимский юридический институт МВД России)
А. Карпава, д-р социальных наук, доц., научный сотрудник (Университет Гранады, Испания)
Т. Н. Кильмашкина, д-р юрид. наук, проф. (Академия управления МВД России, Москва)
М. П. Клейменов, д-р юрид. наук, проф. (Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского)
В. И. Коваленко, д-р пед. наук, проф. (Белгородский юридический институт МВД России им. И. Д. Путилина)
В. В. Кожевников, д-р юрид. наук, проф. (Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского)
И. О. Котенев, канд. психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
О. М. Красноярецова, д-р психол. наук, проф. (Томский национальный исследовательский государственный университет)
В. Б. Куликов, д-р филос. наук, проф. (Уральский федеральный университет им. первого президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург)
И. Б. Лебедев, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
Е. И. Мещерякова, д-р пед. наук, проф. (Воронежский юридический институт МВД России)
Е. А. Науменко, д-р психол. наук, проф. (Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск)
А. А. Нечепуренко, д-р юрид. наук, проф. (Омская академия МВД России)
В. Е. Петров, канд. психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
О. Л. Подлиняев, д-р пед. наук, проф. (Иркутский государственный университет)
Л. М. Прокументов, д-р юрид. наук, проф. (Томский национальный исследовательский государственный университет)
Д. С. Рудьман, канд. юрид. наук, доц. (Омская академия МВД России)
Н. Н. Савина, д-р пед. наук, доц. (Новосибирский государственный университет)
Н. В. Сердюк, д-р пед. наук, проф. (Академия управления МВД России, Москва)
А. Н. Сухов, д-р психол. наук, проф. (Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина)
П. Т. Тюрин, д-р психол. наук, проф. (Балтийская международная академия, Рига)
О. А. Ульянина, д-р юрид. наук, доц. (Российская академия образования, Москва)
А. Ю. Федотов, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
В. Л. Цветков, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя) — *заместитель главного редактора*
Е. В. Черный, д-р психол. наук, проф. (Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь)
Д. В. Четверяков, д-р психол. наук, проф. (Клиническая психиатрическая больница им. Н. Н. Солодниковой, Омск)

Г. С. Човдырова, д-р психол. наук, д-р мед. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
Ю. А. Шаранов, д-р психол. наук, проф. (Санкт-Петербургский университет МВД России)
А. С. Шаров, д-р психол. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
Е. П. Щербаков, д-р психол. наук, проф. (Омская гуманитарная академия)
М. С. Яницкий, д-р психол. наук, проф. (Кемеровский государственный университет)

Редакционный совет

В. Л. Кубышко, канд. пед. наук (МВД России, Москва) — *председатель редакционного совета*
В. М. Крук, д-р психол. наук, проф. (Главное управление по работе с личным составом МВД России, Москва) — *заместитель председателя редакционного совета*
А. Г. Абдуллин, д-р психол. наук, проф. (Южно-Уральский государственный университет, Челябинск)
К. Апдеш, д-р философии (Оборонный институт психол. исследований (ДИПР), организации оборонных исследований и разработок Министерства обороны, Индия)
М. В. Бавсун, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербургский университет МВД России)
Т. Ю. Базаров, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)
Б. Б. Булатов, д-р юрид. наук, проф. (Омская академия МВД России)
С. К. Буряков, канд. полит. наук (Омская академия МВД России)
Б. А. Вяткин, д-р психол. наук, проф. (Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)
Г. Г. Гонсалес, д-р пед. наук, доц., научный сотрудник (Университет Гранады, Испания)
А. В. Гусев, д-р психол. наук, проф. (Иркутский государственный университет)
В. А. Гузев, д-р юрид. наук, проф. (Омская академия МВД России)
Б. Ю. Дерешко, канд. юрид. наук, доц. (Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва)
Ф. К. Зиннуров, д-р пед. наук, проф. (Казанский юридический институт МВД России)
А. Г. Караян, д-р психол. наук, проф. (Санкт-Петербургский университет МВД России)
В. Н. Коновалов, д-р пед. наук, проф. (Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, Омск)
А. Г. Маклаков, д-р психол. наук, проф. (Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург)
С. Б. Малых, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
Н. А. Минжанов, д-р пед. наук, проф. (Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза, Республика Казахстан)
М. Мэтью, д-р психологии, проф. коммуникации и психологии (Оксфордский университет, США)
А. Н. Пастушена, д-р психол. наук, проф. (Академия МВД Республики Беларусь, Минск)
Ю. Ф. Подлиняев, д-р пед. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
В. М. Поздняков, д-р психол. наук, проф. (Российский университет дружбы народов, Москва)
А. А. Реан, д-р пед. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
Руван Джаятунге, врач по психическому здоровью в армии Шри-Ланки, психотерапевт (Онтарио, Канада)
В. Ю. Рыбников, д-р психол. наук, д-р мед. наук, проф. (Всероссийский центр экстренной и радиационной медицины им. А. М. Никифорова МЧС России, Санкт-Петербург)
Р. Х. Усманов, д-р полит. наук, проф. (Астраханский государственный университет)
С. Н. Федотов, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
Б. А. Федулов, д-р пед. наук, проф. (Барнаульский юридический институт МВД России)
Н. В. Чекалева, д-р пед. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
Ян Инвэнь, д-р права (Чжэцзянская академия СМИ и коммуникаций, КНР)
В. М. Ялтонский, д-р мед. наук, проф. (Московский государственный медико-стоматологический университет)

Учредитель издания: федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации». Главный редактор **А. Ф. Караваяев**. Редактирование, корректура **М. В. Виноградова**. Компьютерная правка и верстка **М. Ю. Чалкова**. Перевод, корректура **Ю. И. Алфёрова**. Адрес издателя, редакции и отделения полиграфической и оперативной печати (типографии): Россия, 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, ОМА МВД России. Тел.: +7-913-971-80-28, факс: 750-560. E-mail: karavaevmvd@mail.ru, <https://pp.omamvd.ru>, <https://ppe.omamvd.ru>. Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Реестровая запись ПИ № ФС 77-74589 от 24 декабря 2018 г. Выход в свет: 23.12.2022. Тираж 130 экз. Уч.-изд. л. 15,6. Усл. печ. л. 14,0. Заказ № 313. Цена свободная. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. © Омская академия МВД России, 2022

PSYCHOPEDAGOGY IN LAW ENFORCEMENT

Volume 27, No 4(91) 2022

Has been published quarterly since May 1995

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>
Internet Subscription
<https://www.pressa-rrf.ru>
<https://www.akc.ru>

The journal is included into the list of peer-reviewed scientific periodicals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation for the publication of main results of PhD and doctoral theses on the following sciences: juridical sciences, psychological sciences, pedagogical sciences

Editor-in-chief Aleksandr F. Karavaev — Honored Worker of Higher School of the Russian Federation (Omsk, Russia)

The Editorial Board

G. D. Babushkin, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor — *Assistant chief editor* (Omsk, Russia)
M. I. Mar'in, Doctor of Psychology, Professor — *Assistant chief editor* (Moscow, Russia)
I. F. Andrushchishin, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Almaty, the Republic of Kazakhstan)
L. N. Antilogova, Doctor of Psychology, Professor (Omsk, Russia)
N. V. Astafiev, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Tyumen, Russia)
V. I. Barko, Doctor of Psychology, Professor (Kharkov, Ukraine)
M. Blashkova, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Prague, Czech)
I. V. Vachkov, Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)
V. V. Vahnina, Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)
V. V. Veklenko, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)
I. A. Vetrenko, Doctor of Political Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)
I. A. Vishnyakov, Doctor of Psychology, Professor (Omsk, Russia)
O. P. Gribunov, Doctor of Law, Professor (Irkutsk, Russia)
H. H. Jamie, professor of Military Psychology (Kambridge, Great Britain)
E. V. Zautorova, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Vologda, Russia)
E. R. Iskhakov, Doctor of Sciences (Medicine), Professor (Ufa, Russia)
A. Kárpava, Doctor of Social Sciences, Associate-Professor (Granada, Spain)
T. N. Kil'mashkina, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
M. P. Kleymenov, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
V. I. Kovalenko, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Belgorod, Russia)
V. V. Kozhevnikov, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
I. O. Kotenev, Professor, Candidate of Psychological Sciences (Moscow, Russia)
O. M. Krasnoryadtseva, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Tomsk, Russia)
V. B. Kulikov, Doctor of Philosophy, Professor (Yekaterinburg, Russia)
I. B. Lebedev, Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)
E. I. Mescheryakova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Voronezh, Russia)
E. A. Naumenko, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Yugra State University, Khanty-Mansiysk)
A. A. Nechepurenko, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
V. Ye. Petrov, Candidate of Psychological Sciences, Professor (Moscow, Russia)
O. L. Podlinyaev, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Irkutsk, Russia)
L. M. Prozumentov, Doctor of Law, Professor (Tomsk, Russia)
D. S. Rudman, Candidate of Sciences (Law), Associate-professor (Omsk, Russia)
N. N. Savina, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate-professor (Novosibirsk, Russia)
N. V. Serdyuk, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Moscow, Russia)
A. N. Sukhov, Doctor of Psychology, Professor (Ryazan, Russia)
P. T. Tyurin, Doctor of Psychology, Professor (Riga, the Republic of Latvia)
O. A. Ulyanina, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
A. Yu. Fedotov, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Moscow, Russia)
V. L. Tsvetkov, Doctor of Psychology, Professor — *Assistant chief editor* (Moscow, Russia)
E. V. Cherniy, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Simferopol, Russia)
D. V. Chetveryakov, Doctor of Psychology, Professor (Omsk, Russia)
G. S. Chovydyrova, Doctor of Psychology, Doctor of Medical Sciences, Professor (Moscow, Russia)
Yu. A. Sharanov, Doctor of Psychology, Professor (St. Petersburg, Russia)

A. S. Sharov, Doctor of Psychology, Professor (Omsk, Russia)

Ye. P. Shcherbakov, Doctor of Psychology, Professor — executive secretary (Omsk, Russia)

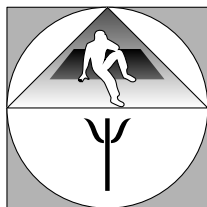
M. S. Yanitsky, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Kemerovo, Russia)

The Editorial Council

V. L. Kubysko, Candidate of Pedagogical Sciences — *chairman of the editorial council* (Moscow, Russia)
V. M. Kruk, Doctor of Sciences (Psychology), Professor — *Assistant chairman of the editorial council* (Moscow, Russia)
A. G. Abdullin, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Chelyabinsk, Russia)
K. Updesh, Ph. D. (New Delhi, India)
M. V. Bavsun, Doctor of Sciences (Law), Professor (St. Petersburg, Russia)
T. Yu. Bazarov, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Moscow, Russia)
N. A. Baturin, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Chelyabinsk, Russia)
B. B. Bulatov, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
S. K. Buryakov, Candidate of Political Sciences (Omsk, Russia)
B. A. Vyatkin, Doctor of Psychology, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia)
G. G. González, Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate-Professor (Granada, Spain)
A. V. Glazkov, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Irkutsk, Russia)
V. A. Gusev, Doctor of Sciences (Law), Professor (Omsk, Russia)
B. Yu. Dereshko, Candidate of Sciences (Law), Associate-professor (Moscow, Russia)
F. K. Zinnurov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Kazan, Russia)
A. G. Karayani, Doctor of Psychology, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)
V. N. Konvalov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Omsk, Russia)
A. G. Maklakov, Doctor of Psychology, Professor (St. Petersburg, Russia)
S. B. Malykh, Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)
M. Matthew, Doctor of Psychology, Professor of Communication and Psychology (New York, USA)
N. A. Minzhanov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Karaganda, the Republic of Kazakhstan)
A. N. Pastushenya, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Minsk, the Republic of Belarus)
Yu. F. Podlipnyak, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Moscow, Russia)
V. M. Pozdnyakov, Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)
A. A. Rean, Professor, academician of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)
Ruwan Jayatunge, Mental Health Doctor in Sri Lanka Army, Psychotherapist (Ontario, Canada)
V. Yu. Rybnikov, Doctor of Psychology, Professor, Doctor of Medical Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)
R. Kh. Usmanov, Doctor of Political Sciences, Professor (Astrakhan, Russia)
S. N. Fedotov, Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)
B. A. Fedulov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Barnaul, Russia)
N. V. Chekaleva, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Omsk, Russia)
Yang Yingwen, Doctor of Law (Zhejiang, China)
V. M. Yaltonsky, Doctor of Medical Science, Professor (Moscow, Russia)

Founder Federal State Public Institution of Higher Education «Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation».

Editor-in-chief Karavaev A. F. Editor and Proofreading Vinogradova M. V. Desktop publishing Chalkova M. Yu. Translation and Proofreading Alferova Yu. I. Publisher, editorial office, graphic arts and express printing group address (printing house): Russia, 644092, Omsk, pr. Komarova, 7, Omsk Academy of the Russian MIA. Tel.: +7-913-971-80-28, fax: 750-560. E-mail: karavaevmvd@mail.ru. <https://pp.omamvd.ru>, <https://ppe.omamvd.ru>. Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration entry PI No FS 77-74589 dated December 24, 2018. Issued: 23.12.2022. Circulation: 130. Published sheets 15,6. Conventional printed sheets: 14,0. Order No 313. Any use of publication's materials is possible only with reference to the journal. © Omsk Academy of the Russian MIA, 2022

ПСИХОПЕДАГОГИКА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ

Том 27, № 4(91) 2022

Издается с мая 1995 г. Выходит четыре раза в год

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>
Интернет-подписка
<https://www.pressa-rf.ru>
<https://www.akc.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА И НАДЕЖНОСТЬ

Ермолаев В. В., Марьин М. И., Воронцова Ю.
Ценностные регуляторы поведенческих норм в организационной культуре органов внутренних дел в современных представлениях управленческой элиты полиции 366

Ермолова Е. О., Тагильцева Е. А.
Нервно-психическая устойчивость и акцентуации характера сотрудников органов внутренних дел, несущих службу в штатном режиме и особых условиях 373

Евтихов О. В., Бекк А. А., Антилогова Л. Н.
Профессионально важные качества в структуре профессионально-управленческой компетентности руководителей подразделений органов внутренних дел 387

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Костина Е. В. Взаимосвязь доверия и текучести кадров в образовательных организациях МВД России 395

Кузнецова И. А., Тимко С. А., Купченко В. Е.
Чувство ответственности как предиктор личностного и профессионального роста сотрудников органов внутренних дел 403

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАПРЯЖЕННОСТИ И КОНФЛИКТОЛОГИИ

Васильева И. В. Оценка стрессовой реакции детей и родителей на сообщения об акте терроризма. 411

Муханова И. Ф. Биографический метод как способ познания жизненного пути личности на примере студенческой молодежи Донбасса 420

Аксюткина З. А., Ченская А. В., Шабышева Ю. Е.
Проблема эмоционального выгорания в отечественной и зарубежной психологии 429

ПСИХОКОРРЕКЦИЯ И РЕГУЛЯЦИЯ СОСТОЯНИЙ

Хотеева Р. И., Астальцева Д. А.
Особенности социального поведения волонтеров, работающих с детьми с ограниченными возможностями здоровья 436

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИАГНОСТИКИ И ПОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Арефьева О. В., Гайдамашко И. В. Основания для психофизиологических исследований кандидатов на службу в органы внутренних дел с применением полиграфа 446

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Касымова Г. К., Валеева Г. В., Сетяева Н. Н., Арпентьева М. Р. Социально-психологические проблемы развития субъектов цифрового образования 456

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

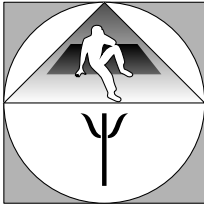
Булгаков В. В. Организация профессионально-педагогической подготовки курсантов вузов МЧС 467

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Ревягин А. В., Алафьев М. К.
Цена нераскрытой преступности 473

Информация для авторов 480

PSYCHOPEDAGOGY IN LAW ENFORCEMENT

Volume 27, No 4(91) 2022

Has been published quarterly since May 1995

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>
Internet Subscription
<https://www.ppressa-rf.ru>
<https://www.akc.ru>

CONTENTS

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

MORALLY-PSYCHOLOGICAL, PROFESSIONAL TRAINING AND RELIABILITY

Ermolaev V. V., Maryin M. I., Vorontsova Yu.
Value Regulators of Behavioral Norms
in the Organizational Culture of Law Enforcement
Bodies in Modern Views of the Elite of the Police
Management Staff.366

Ermolova E. O., Tagiltseva E. A. Neuro-Psychic
Stability and Character Accentuations
of Law Enforcement Officers serving
under Regular Conditions
and serving in Special Conditions.373

Evtikhov O. V., Bekk A. A., Antilogova L. N.
Professionally Important Qualities in the Structure
of Professional and Administrative
Competence of Law Enforcement
Divisions' Chiefs.387

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ASPECTS OF PERSONALITY FORMATION AND DEVELOPMENT

Kostina E. V. The Relationship between Trust
and Personnel Turnover in Educational
Organizations of the Russian Ministry
of Internal Affairs.395

Kuznetsova I. A., Timko S. A., Kupchenko V. E.
A Sense of Responsibility as a Predictor
of Law Enforcement Officers' Personal
and Professional Growth.403

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF TENSION AND CONFLICTOLOGY

Vasilieva I. V. Assessment of Children's
and Parents' Stress Response
to Reports about an Act of Terrorism.411

Mukhanova I. F. Biographical Method as a Way
of Getting to Know one's Life Path
on the example of Student Youth of Donbas.420

Aksyutina Z. A., Chenskaya A. V., Shabyшева Yu. E.
The Problem of Emotional Burnout
in Domestic and Foreign Psychology.429

PSYCHO-CORRECTION AND REGULATION OF STATES

Khoteeva R. I., Astaltseva D. A. Features
of the Social Behaviour of Volunteers
working with Disabled Children.436

METHODOLOGICAL ASPECTS OF PERSONALITY DIAGNOSTICS AND COGNITION

Arefieva O. V., Gaidamashko I. V.
Grounds for Using Psychophysiological
Polygraph Examination
of Applicants for Law Enforcement Service.446

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY

**Kassymova G. K., Valeeva G. V., Setyaeva N. N.,
Arpentieva M. R.** Socio-Psychological Problems
of Development of Subjects of Digital Education.456

PEDAGOGICAL SCIENCES

THEORY AND METHODS OF PROFESSIONAL EDUCATION

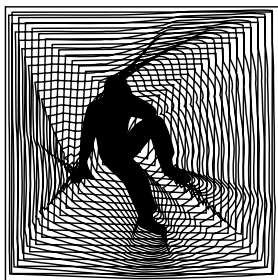
Bulgakov V. V. Organization of Cadets' Professional
Pedagogical Training in Higher
Educational Institutions of the Ministry
of Emergency Situations.467

JURIDICAL SCIENCES

GENERAL THEORETICAL AND BRANCH-RELATED ISSUES OF JURIDICAL SCIENCE AND PRACTICE

Revyagin A. V., Alafiev M. K.
The Cost of the Unsolved Crimes.473

Information for authors.480

Морально-психологическая, профессиональная подготовка и надежность

Morally-psychological and professional training and reliability

Научно-практическая статья

УДК 159.9.072 © В. В. Ермолаев, М. И. Марьин, Ю. Воронцова, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-491-366-372

5.3.9 Юридическая психология и психология безопасности

Ценностные регуляторы поведенческих норм в организационной культуре органов внутренних дел в современных представлениях управленческой элиты полиции

Виктор Владимирович Ермолаев¹, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии труда и психологического консультирования; evv21@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9206-9261>

Михаил Иванович Марьин², доктор психологических наук, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии; marin_misha@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>

Юлия Воронцова³, научный сотрудник отдела разработки методов диагностики функциональных состояний; jl.voroncova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-0363-5741>

¹ Московский педагогический государственный университет, 119435, Москва, Малая Пироговская ул., 1/1, Россия

² Московский государственный психолого-педагогический университет, 127051, Москва, ул. Сретенка, 29, Россия

³ Акционерное общество «НЕЙРОКОМ», 119361, Москва, Очаковская Б., 47 А, стр. 1, Россия

Реферат

Введение. Эмпирическое исследование имело целью выявить ценностные регуляторы поведенческих норм в организационной культуре органов внутренних дел в представлениях управленческой элиты. **Материалы и методы.** Исследование проводилось в 2021–2022 гг. с применением Google-форм. Объем выборки — 144 сотрудника полиции, состоящие на должностях старшего начальствующего состава и включенные в резерв кадров на выдвижение. Психодиагностический инструментарий: опросник терминальных ценностей (ОТеЦ) И. Г. Сенина; методика смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева; авторская анкета, направленная на выявление и оценку терминальных ценностей и факторов, побуждающих к эффективной служебной деятельности и препятствующих ей. **Результаты и обсуждение.** Эмпирический анализ данных свидетельствует о наличии приоритетных факторов, побуждающих к достижению целей и продолжению службы и препятствующих этому, определяющих вектор и интенсивность личностной и субъектной активности управленческой элиты в отношении реализации жизненной навигации. Представления управленческой элиты о ценностных регуляторах поведенческих норм указывают на особенность современной организационной культуры органов внутренних дел, основу которой составляют стремления к индивидуальному успеху и материальному благополучию в соответствии с доминирующими западно-либеральными целями-ценностями. **Выводы.** Представления управленческой элиты органов внутренних дел о ценностных регуляторах поведенческих норм характеризуются стремлением к принадлежности к кругу лиц, обладающих властью, что одновременно рассматривается и как фактор препятствия эффективному выполнению деятельности из-за необходимости избирательности в практике правоприменения. Приоритетной терминальной ценностью управленческой элиты органов внутренних дел является личный успех (развитие себя, высокое материальное положение и собственный престиж) при второстепенной роли духовной удовлетворенности службой среди совокупности побуждений к эффективной профессиональной деятельности.

Ключевые слова: организационная культура; представления; ценностные регуляторы; поведенческие нормы; управленческая элита; полиция; органы внутренних дел

Для цитирования: Ермолаев В. В., Марьин М. И., Воронцова Ю. Ценностные регуляторы поведенческих норм в организационной культуре органов внутренних дел в современных представлениях управленческой элиты полиции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 4(91). С. 366–372. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-491-366-372>

Scientific and Practical Article

UDC 159.9.072 © V. V. Ermolaev, M. I. Maryin, Yu. Vorontsova, 2022

doi: 10.24412/1999-6241-2022-491-366-372

5.3.9 Legal Psychology and Psychology of Security

Value Regulators of Behavioral Norms in the Organizational Culture of Law Enforcement Bodies in Modern Views of the Elite of the Police Management Staff

Viktor V. Ermolaev¹, Candidate of Sciences (in Psychology), Associate-Professor at the chair of Psychology of Labour and Psychological Consulting; evv21@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9206-9261>

Mikhail I. Maryin², Doctor of Sciences (in Psychology), Professor at the chair of Scientific Fundamentals of Extreme Psychology; marin_misha@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>

Yulia Vorontsova³, researcher of the department for the Development of Methods for Diagnosing Functional States; jl.voroncova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-0363-5741>

¹ Moscow State Pedagogical University, 1/1, Malaya Pirogovskaya st., Moscow, 119435, Russia

² Moscow State University of Psychology and Education, 29, Sretenka st., Moscow, 127051, Russia

³ Joint Stock Company "NEYROCOM", 47 A, bld. 1, Bolshaya Ochakovskaya st., Moscow, 119361, Russia

Abstract

Introduction. The results of an empirical study indicate that the value regulators of behavioral norms in the organizational culture of law enforcement bodies in the views of the management elite currently reflect rather Western liberal goals-values than those outlined in the National Security Strategy of the Russian Federation adopted in 2021. **Materials and Methods.** The study was conducted in 2021–2022 with the use of Google Forms. The sample includes 144 police officers who hold positions of senior commanding staff and are in the list of the reserve for promotion. Psychodiagnostic toolkit comprises questionnaire of terminal values developed by I. G. Senin; D. A. Leontiev methodology of life-meaning orientations; the authors' questionnaire aimed at identifying and evaluating terminal values and factors that encourage effective performance and hinder it. **Results and Discussion.** The empirical analysis of the data reveals the presence of priority factors that encourage achieving the goals, continuing service and hinder it, determine the direction and intensity of the personal and subjective activity of the management elite with regard to the implementation of life navigation. The ideas of the management elite about the value regulators of behavioral norms show the peculiarity of the modern organizational culture of law enforcement bodies, which is based on the striving for individual success and material well-being, in accordance with the dominant Western liberal goals-values. **Conclusions.** The views of the management elite of law enforcement bodies concerning the value regulators of behavioral norms are characterized by the desire to belong to the circle of persons in power, which is simultaneously considered as an obstacle to the effective performance of activities due to the need for selectivity in law enforcement practice. The priority terminal value of the management elite of law enforcement bodies is personal success (self-development, high financial position and own prestige) with a secondary role of spiritual satisfaction with the service among the totality of motives for effective professional activity

Keywords: organizational culture; views; value regulators; behavioral norms; management elite; police; law enforcement bodies

Citation: Ermolaev V. V., Maryin M. I., Vorontsova Yu. Value Regulators of Behavioral Norms in the Organizational Culture of Law Enforcement Bodies in Modern Views of the Elite of the Police Management Staff. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27, No. 4(91). Pp. 366–372. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-491-366-372>

Основные положения

1. Организационные ценности и нормы органов внутренних дел как социального института задаются реальным субъектом осуществления власти, правящей и управленческой элитами, определяющими особенности организационной культуры.

2. Ценностные регуляторы поведенческих норм в организационной культуре органов внутренних дел в представлениях управленческой элиты в настоящее время более отражают западно-либеральные цели-ценности, чем намеченные в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, принятой в 2021 г.

3. Особенностью современной организационной культуры ОВД являются стремление к индивидуальному успеху и материальному благополучию в соответ-

ствии с доминирующими в западно-либеральной идеологии целями-ценностями.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Организационные ценности и нормы социальных институтов не возникают спонтанно, автоматически. Они задаются определенной социальной группой — правящей элитой государства, которая является реальным субъектом осуществления власти [1], определяющим стратегические цели общественного развития и мобилизирующим ресурсы для их достижения [2], в том числе социальные институты защиты власти, такие как органы внутренних дел (далее — ОВД). В формировании центральной системы ценностей в любом обществе заинтересована в первую очередь правящая элита, а также управленческая

элита «тех подсистем, которые, будучи на периферии, признают над собой власть центра» [3, с. 16] и реализуют управленческие функции непосредственно на местах в подразделениях ОВД. Поэтому закономерно, что функционирование и развитие организационной культуры любого социального института, в том числе и ОВД, детерминировано как существующими внешними условиями — политическими и экономическими, так и внутренними — социально-психологическими, проявляемыми в виде идеологии, целей, ценностей и норм властвующей социальной группы, выступающей в качестве субъекта управления.

Вместе с тем из признания того, что ценностно-целевая составляющая деятельности полиции является системным фактором социального управления, сегодня формируется серьезная проблема, которая самым тесным образом связана как с исходными представлениями о роли организационной культуры ОВД в управлении социальными системами в целом, так и с представлениями управленческой элиты о ценностных регуляторах поведенческих норм сотрудников в частности. Проблема заключается в том, что ценностные регуляторы организационного поведения, которые поддерживаются управленческой элитой российской полиции, длительное время формировались именно на западно-либеральной идеологии и ценностях, все более вступающих в конфликт с российской ментальностью, особенно в условиях начавшегося передела мира и обострения глубинных культурно-цивилизационных различий между Россией и коллективным Западом. При этом конфликт с уровня признания приоритета национальных интересов неминуемо переходит на уровень пересмотра социальных ценностей, доминирующих в организационной культуре российских социальных институтов, обозначая усиление борьбы за власть группировок правящей и управленческой элиты, опирающихся на различные ценности и мировоззрение.

О борьбе за изменение ценностей как ядра организационной культуры социальных институтов свидетельствует принятая в 2015 г. стратегия национальной безопасности Российской Федерации¹, которая предусматривает приоритет духовного над материальным, ценность служения Отечеству, милосердия, справедливости, взаимопомощи, коллективизма и пр. На стремление к изменению ядра организационной культуры социальных институтов указывает и собственно перечень духовно-нравственных ценностей, который представлен в Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года². Стратегия предполагает развитие таких ценностей, как человеколюбие, справедливость, честь, совесть,

воля, личное достоинство, вера в добро и стремление к исполнению нравственного долга перед самим собой, своей семьей и своим Отечеством. В совокупности эти документы представляют собой предикцию вектора развития организационной культуры российских социальных институтов, кардинально отличающегося от целей группировки правящей и управленческой элиты, обеспечивающих управление организационной культурой на основе приоритета западно-либеральной идеологии, ценностей и поведенческих норм.

Характер обострения конфликта противоборствующих властных социальных групп за контроль над ядром организационной культуры ОВД как одного из ключевых социальных институтов определил *цель* исследования — выявить ценностные регуляторы поведенческих норм в организационной культуре ОВД в современных представлениях управленческой элиты полиции.

Материалы и методы

Объектом исследования явились ценностные регуляторы поведенческих норм в организационной культуре ОВД, предметом — ценностные регуляторы поведенческих норм в организационной культуре ОВД в представлениях управленческой элиты полиции.

В качестве гипотезы выступило предположение о том, что ценностные регуляторы поведенческих норм в организационной культуре ОВД в представлениях управленческой элиты в настоящее время более отражают западно-либеральные цели-ценности, чем намеченные в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, принятой в 2021 г. При выдвижении гипотезы мы руководствовались тем, что особая роль в изменении культурных основ принадлежит субъекту управления — правящей и управленческой элите [4], формирующей и трансформирующей организационную культуру социальных институтов путем изменения ценностей, норм и отношений организационной культуры и их внедрения в организационную жизнедеятельность [5]. На важность формирования ценностных регуляторов поведения у самих представителей управленческой элиты как объективную социально-психологическую проблему указывали Г. Моска [1], Ю. П. Зинченко [6], А. Л. Журавлев [7], А. В. Юревич [8] и др., отмечая, что ценности и идеалы являются наиболее универсальными регуляторами социального поведения и развития организационной культуры социальных институтов. Транслируемые управленческой элитой, они играют решающую роль в периоды изменения политических, социальных и идеологических устоев общества и остаются основой, которая позволяет объединять людей в те периоды,

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 09.07.2022).

² Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р. URL: <http://government.ru/docs/18312/> (дата обращения: 09.06.2022).

когда политические, правовые (законодательные), религиозные, административно-управленческие и иные социальные регуляторы становятся слабыми или временно утрачивают свою силу.

Исследование проводилось в 2021–2022 гг. с применением Google-форм на добровольной основе при условии анонимности, что позволило сформировать выборку, представляющую сотрудников полиции 9 управлений внутренних дел в субъектах РФ. В общий объем выборки вошли 144 сотрудника полиции, состоящие на должностях старшего начальствующего состава и включенные в резерв кадров на выдвижение. Пол, возраст, стаж службы и специальные звания респондентов не учитывались.

В качестве диагностического материала применялись следующие методики:

1. Опросник терминальных ценностей (ОТеЦ) И. Г. Сенина [9].

2. Методика смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева [10].

3. Авторская анкета, направленная на выявление и оценку терминальных ценностей и факторов, побуждающих к эффективной служебной деятельности и препятствующих ей. Анкета сформирована из трех отдельных блоков:

- цели и стремления в жизни (20 вопросов);
- побуждения к дальнейшей службе (24 вопроса);
- препятствия эффективному выполнению обязанностей (26 вопросов).

Обработка эмпирических данных проводилась при помощи статистических методов исследования с применением факторного анализа данных и коэффициента корреляции г-Пирсона в программе SPSS Statistics 23.

Методологическую основу исследования составил субъектно-элитологический подход к управлению социальными системами, согласно которому только правящая элита как социальная группа объединяет в себе два феномена (субъектность и организационную власть) при управлении государством и его социальными институтами.

Результаты и обсуждение

Понятие «представление» мы рассматривали как «степень субъективной определенности восприятия, понимания и воспроизведения социальной действительности и себя в ней» [11, с. 97], которая в целом выступает в качестве системы ценностей, идей и способов действия человека [12] и отражает позицию личности по отношению к затрагивающим ее социальным ситуациям [13].

При проведении исследования под ценностями понимался любой объект, имеющий жизненно важное значение для субъекта (индивида или группы) как в широком понимании — абстрактные привлекатель-

ные смыслы или конкретные материальные блага, так и в узком — духовные идеи, которые имеют высокую степень обобщения³. В качестве ценностных регуляторов рассматривались социально-психологические факторы упорядочения поведения полицейских на основе интериоризированных ценностей, а также представлений о тех образцах поведения, которые являются поощряемыми в организационной культуре ОВД.

Организационная культура ОВД определяется как «управляемое информационное поле, включающее в себя доминирующее мировоззрение, идеологию, ценности, смыслы, убеждения, верования и установки, психическое состояние сотрудников, принятые организационные нормы отношений и поведения, которое представляет собой прогнозируемый сценарий ее функционирования и развития, задаваемое субъектом организационной власти и способное трансформироваться посредством механизмов управления: целевого формирования картины мира и образов будущего, поведенческих норм и их морально-нравственных ориентиров — добра и зла, уникальной символики, системы селекции кадров, традиций, обычаев, ритуалов и обрядов» [14, с. 192].

Путем статистического анализа данных, полученных посредством анкетирования, были выявлены факторы, связанные с основными целями и стремлениями в личной жизни; побуждающие к дальнейшей службе; препятствующие эффективному выполнению служебных обязанностей.

Выявленные факторы подвергались корреляционному анализу. Данные приведены в таблице.

В результате корреляционного анализа были выявлены достоверные связи между факторами, сопряженными с основными целями, ценностями и стремлениями в личной жизни, побуждающими к дальнейшей службе, а также с факторами, мешающими эффективному выполнению служебных обязанностей. Особое внимание, на наш взгляд, необходимо обратить на следующие взаимосвязи:

1. Стремление к повышению личного благополучия (Ф1) связано с недостатком времени, рассматриваемым испытуемыми как фактор препятствия эффективному выполнению служебных обязанностей (Ф6) ($r=0,35$ при $p \leq 0,05$).

2. Стремление испытуемых к общению с лицами, обладающими властью (Ф3), коррелирует с проблемами законодательства и практики правоприменения как фактора, препятствующего эффективному выполнению служебных обязанностей (Ф5) ($r=0,30$ при $p \leq 0,05$). Выявленная связь свидетельствует о стремлении испытуемых к принадлежности к кругу лиц, обладающих властью. Вместе с тем эта принадлежность рассматривается как фактор препятствия эффектив-

³ Краткий психологический словарь / сост. Л. А. Карпенко ; под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М., 1985. 431 с.

Таблица. Корреляционный анализ факторов, побуждающих к эффективной служебной деятельности и препятствующих ей (Table. Correlation analysis of factors which encourage effective performance and which hinder it)

Факторы		Побуждения к дальнейшей службе				Цели и стремления в жизни		
		Ф1 Принадлежность к профессиональной группе	Ф3 Саморазвитие и помощь другим	Ф5 Перспективы карьеры	Ф6 Интерес к службе	Ф1 Личное благополучие	Ф3 Общение с людьми, обладающими властью	Ф5 Интерес и успех на службе
Цели и стремления в жизни	Ф1 Личное благополучие	-0,14	0,21	0,31	0,22	1	0,00	0,00
	Ф2 Обеспеченность семьи	0,13	0,11	0,30	0,28	0,00	0,00	0,00
	Ф4 Саморазвитие, доверие людей, совесть	0,25	0,30	-0,14	0,16	0,00	0,00	0,00
	Ф5 Интерес и успех на службе	0,38	0,08	0,44	0,08	0,00	0,00	1
Препятствия эффективному выполнению обязанностей	Ф4 Недостаток признания и уважения	0,02	0,15	0,11	-0,42	-0,09	0,12	0,36
	Ф5 Проблемы законодательства и практики правоприменения	-0,10	0,16	0,08	-0,27	-0,10	0,30	0,12
	Ф6 Недостаток времени	-0,15	-0,12	0,18	0,04	0,35	0,04	0,13
	Ф7 Недостаток опыта	-0,09	0,10	-0,01	0,38	-0,05	-0,15	0,05
	Ф8 Недостаток тех. средств	-0,19	-0,05	-0,04	-0,08	0,05	-0,13	-0,35

Примечание. Полужирным шрифтом отмечены достоверные коэффициенты корреляции при $p \leq 0,05$; курсивом — при $p \leq 0,01$.

ному выполнению деятельности из-за необходимости избирательности в практике правоприменения.

3. Побуждающий интерес к дальнейшей службе отрицательно связан с недостатком признания и уважения, рассматриваемого как фактор, препятствующий эффективному выполнению служебных обязанностей ($r = -0,42$ при $p \leq 0,01$). Выявленная наиболее сильная связь свидетельствует о том, что испытуемые побуждаются к более эффективной служебной деятельности каким-то иным, скрытым и мощным фактором, нежели социальное признание и уважение.

Полученные данные подтверждаются и уточняются результатами корреляционного анализа обнаруженного фактора недостатка признания и уважения, определяемого испытуемыми как фактор препятствия эффективному выполнению обязанностей с некоторыми шкалами, представленными методикой СЖО. Согласно результатам корреляционного анализа чем больше испытуемые считают себя сильными личностями ($r = 0,32$ при $p \leq 0,05$), обладающими достаточной свободой выбора и принятия решений ($r = 0,37$ при $p \leq 0,05$), чтобы построить свою жизнь в соответствии с целями, ценностями и представлениями о ее смысле, тем больше недостаток социального признания и уважения рассматривается ими как фактор препятствия эффективному выполнению служебных обязанностей.

Полагаем, что стремление к социальному признанию, прежде всего, имеет отношение к признанию внутри своей профессиональной группы.

Далее проанализируем результаты исследования терминальных ценностей испытуемых, полученных посредством применения методики ОТеЦ И. Г. Сенина (рис.).

Рис. Распределение значимости терминальных ценностей по методике ОТеЦ И. Г. Сенина

(Fig. Distributing the significance of terminal values according to questionnaire of terminal values developed by I. G. Senin)

Терминальные ценности испытуемых как фундаментальные убеждения, стабильные по времени и влияющие на поведенческие нормы, распределились следующим образом.

Наибольшая степень значимости испытуемыми проявлена в отношении достижений (18%), развития себя (17%), высокого материального положения (17%)

и собственного престижа (15%), т. е. наблюдается ориентированность на западно-либеральную идеологию и ценности, прежде всего индивидуальный успех и высокий уровень материального благополучия. Заслуживает внимания тот факт, что наименьшая степень значимости испытываемыми зафиксирована в отношении духовной удовлетворенности (3%), что свидетельствует о ее второстепенной роли в побуждении к эффективной служебной деятельности.

Полученные результаты согласуются с выводами Е. В. Селезневой о том, что представления определяют вектор и интенсивность личностной и субъектной активности человека в каждой из модальностей жизнеосуществления [15]. Полагаем, что представления управленческой элиты о ценностных регуляторах поведенческих норм указывают на особенность современной организационной культуры ОВД, основу которой составляют стремления к индивидуальному успеху и материальному благополучию в соответствии с доминирующими западно-либеральными целями-ценностями.

Выводы

1. Представления управленческой элиты ОВД о ценностных регуляторах поведенческих норм характеризуются:

— стремлением к принадлежности к кругу лиц, обладающих властью, что одновременно рассматривается и как фактор препятствия эффективному выполнению деятельности из-за необходимости избирательности в практике правоприменения;

— побуждением к более эффективной служебной деятельности скрытыми и мощными социально-психологическими факторами, не связанными с социальным признанием и уважением;

— стремлением к повышению личного благополучия, достижение которого тормозит недостаток времени, понимаемый как фактор препятствия эффективному выполнению служебных обязанностей.

2. Приоритетной терминальной ценностью управленческой элиты ОВД является личный успех (развитие себя, высокое материальное положение и собственный престиж) при второстепенной роли духовной удовлетворенности службой среди совокупности побуждений к эффективной профессиональной деятельности.

3. Ценностные регуляторы поведенческих норм в организационной культуре ОВД в представлениях управленческой элиты в настоящее время более отражают западно-либеральные цели-ценности, чем намеченные в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, принятой в 2021 г. Особенностью современной организационной культуры ОВД является стремление к индивидуальному успеху и материальному благополучию в соответствии с доминирующими целями-ценностями западно-либеральной идеологии.

Перспективы. Полагаем перспективным продолжение исследований мотивационных факторов, побуждающих сотрудников ОВД к дальнейшей службе и не связанных с социальным признанием и уважением.

Список источников

1. Mosca G. The Ruling Class. N. Y., 1939. 514 p.
2. Березкина О. С. Понятие элиты как инструмент анализа политических режимов // Вестник Московского университета. Серия 8, История. 2017. № 2. С. 75–93.
3. Гасилина Ю. И. Ценности властвующей элиты: социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2007. 140 с.
4. Ермолаев В. В. Правящая элита как групповой субъект управления организационной культурой органов внутренних дел // Человеческий капитал. 2021. № 3(147). С. 129–139. <https://doi.org/10.25629/НС.2021.03.11>.
5. Андреева Ю. А. Технологии формирования и изменения организационной культуры // Научный вестник Уральской академии государственной службы. 2008. № 4. С. 1–10.
6. Зинченко Ю. П. Теоретико-методологические основания психологических исследований: детерминация и социальное значение. М., 2011. 308 с.
7. Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М., 2003. 436 с.
8. Журавлев А. Л. Психология нравственности / отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юевич. М., 2010. 508 с.
9. Сенин И. Г. Опросник терминальных ценностей (ОТеЦ) : руководство. Ярославль, 1991. 19 с.
10. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М., 2000. 18 с.
11. Абульханова К. А. Социальное мышление личности // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 3 : Социальные представления и мышление личности. М., 2002. С. 88–103.
12. Moscovici S. Foreword Herzlich C. Health and Illness: A Social Psychological Analysis. London, 1973. Pp. 3–17.
13. Jodelet D. Représentations sociales: phénomènes, concept théorique / Psychologies sociales. S. Moscovici (ed.). Paris, 1984. Pp. 357–378.
14. Ермолаев В. В., Воронцова Ю., Четверикова А. И., Насонова Д. К. Вектор управления организационной культурой органов внутренних дел: психические состояния и «картина мира» сотрудников в динамике социальных страхов пандемии COVID-19 // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13, № 1. С. 189–208. <https://doi.org/10.17759/sps.2022130112>.
15. Селезнева Е. В. Развитие акмеологической культуры государственных служащих : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2005. 607 с.

Поступила 11.06.2022; одобрена после рецензирования 30.06.2022; принята к публикации 30.08.2022.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

References

1. Mosca G. The Ruling Class. N. Y., 1939. 514 p.
2. Berezkina O. S. The concept of elite as an instrument of the analysis of political regimes. *Bulletin of Moscow University. Series 8: History*. 2017. No. 2. Pp. 75–93. (In Russ.)
3. Gasilina Yu. I. Values of the ruling elite: socio-philosophical analysis. Candidate of sciences dissertation (in Philosophy). Saratov, 2007. 140 p. (In Russ.)
4. Ermolaev V. V. The ruling elite as a group subject of managing the organizational culture of Russian law enforcement bodies. *Human Capital*. 2021. No. 3(147). Pp. 129–139. <https://doi.org/10.25629/HC.2021.03.11>. (In Russ.)
5. Andreeva Yu. A. Technologies of formation and change of organizational culture. *Scientific Bulletin of Ural Academy of Public Administration*. 2008. No. 4. Pp. 1–10. (In Russ.)
6. Zinchenko Yu. P. Theoretical and methodological foundations of psychological research: determination and social significance. Moscow, 2011. 308 p. (In Russ.)
7. Zhuravlev A. L., Kupreichenko A. B. Moral and psychological regulation of economic activity. Moscow, 2003. 436 p. (In Russ.)
8. Zhuravlev A. L. Psychology of morality. Ed. by Zhuravlev A. L., Yurevich A. V. Moscow, 2010. 508 p. (In Russ.)
9. Senin I. G. Questionnaire of terminal values. Manual. Yaroslavl, 1991. 19 p. (In Russ.)
10. Leontiev D. A. Test of life orientations. 2nd ed. Moscow, 2000. 18 p. (In Russ.)
11. Abulkhanova K. A. Social thinking of personality. Modern psychology: state and prospects of research. Part 3: Social representations and thinking of personality. Moscow, 2002. Pp. 88–103. (In Russ.)
12. Moscovici S. Foreword Herzlich C. Health and Illness: A Social Psychological Analysis. London, 1973. Pp. 3–17.
13. Jodelet D. Représentations sociales: phénomènes, concept et théorie / Psychologies sociales. S. Moscovici (ed.). Paris, 1984. Pp. 357–378.
14. Ermolaev V. V., Voroncova J., Chetverikova A. I., Nasonova D. K. The Vector of Managing the Organizational Culture of the Internal Affairs Bodies: Officers' Mental States and the "Picture of the World" in the Dynamics of Social Fears of the COVID-19 Pandemic. *Social Psychology and Society*. 2022. Vol. 13, No. 1. Pp. 189–208. <https://doi.org/10.17759/sps.2022130112>. (In Russ.)
15. Selezneva E. V. Development of acmeological culture of civil servants. Doctor of sciences dissertation (in Psychology). Moscow, 2005. 607 p. (In Russ.)

Submitted 11.06.2022; approved after reviewing: 30.06.2022; accepted for publication: 30.08.2022.

All the authors have made an equal contribution to the publication.

The authors declare that there is no conflict of interest.

Научно-практическая статья

УДК 159.9 © Е. О. Ермолова, Е. А. Тагильцева, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-491-373-386

5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии

Нервно-психическая устойчивость и акцентуации характера сотрудников органов внутренних дел, несущих службу в штатном режиме и особых условиях

Екатерина Олеговна Ермолова¹, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры общей психологии и истории психологии; shamka05@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1636-1527>

Екатерина Андреевна Тагильцева¹, k.tagiltseva@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9579-4776>

¹ Новосибирский государственный педагогический университет, 630126, Новосибирск, ул. Вилюйская, 28, Россия

Реферат

Введение. Изучение нервно-психической устойчивости и акцентуаций характера у сотрудников, ведущих профессиональную деятельность как в штатных, так и в сложных экстремальных условиях, имеет особую значимость для определения их профессиональной эффективности. Нервно-психическая устойчивость выступает одним из критериев отбора сотрудников для службы в разных условиях, тогда как акцентуации характера представляют собой фактор риска дезадаптации. Цель — выявление особенностей взаимосвязи нервно-психической устойчивости и акцентуаций характера сотрудников правоохранительных органов, несущих службу в штатном режиме, и сотрудников, командированных в Северо-Кавказский регион. **Материалы и методы.** Проведено эмпирическое исследование на выборке 206 сотрудников органов внутренних дел. Группа 1 ($n_1=97$) — сотрудники личного состава сводного отряда полиции, отобранные для служебной командировки в Северо-Кавказский регион, и группа 2 ($n_2=109$) — сотрудники, несущие службу в штатном режиме. Диагностика респондентов проводилась по двум методикам: Индивидуально-типологическому опроснику (ИТО+) К. В. Сугоняевой и проективному тесту «12 животных» Б. К. Пашнева. **Результаты и обсуждение.** С помощью методов математической статистики (сравнительного, корреляционного и регрессионного анализа) были выявлены различия в характеристиках нервно-психической устойчивости и акцентуаций характера сотрудников двух групп; а также различия в зависимости от уровня нервно-психической устойчивости; установлены механизмы взаимосвязи между нервно-психической устойчивостью и акцентуациями характера сотрудников в обеих группах; определены акцентуации характера, которые выступают предикторами нервно-психической неустойчивости. **Выводы.** Действующие сотрудники правоохранительных органов в целом демонстрируют среднеустойчивую структуру индивидуально-личностных свойств, средний уровень нервно-психической устойчивости и адаптивности. Установлено существование значимых различий в уровне и характеристиках нервно-психической устойчивости и выраженности акцентуаций характера между группами. Сотрудники, командированные в Северо-Кавказский регион, обладают большим адаптационным потенциалом, нежели сотрудники, несущие службу в штатном режиме. Существуют разные конфигурации взаимосвязей между нервно-психической устойчивостью и акцентуациями характера сотрудников в зависимости от типа задач. При высоком уровне нервно-психической устойчивости акцентуации не имеют характерных проявлений и в целом не влияют на эффективность выполняемой сотрудниками деятельности.

Ключевые слова: нервно-психическая устойчивость; акцентуации характера; адаптивные способности; профессионально важные качества; экстремальная ситуация; сотрудники правоохранительных органов; Северо-Кавказский регион

Для цитирования: Ермолова Е. О., Тагильцева Е. А. Нервно-психическая устойчивость и акцентуации характера сотрудников органов внутренних дел, несущих службу в штатном режиме и особых условиях // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 4(91). С. 373–386. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-491-373-386>

Scientific and Practical Article

UDC 159.9 © Е. О. Ермолова, Е. А. Тагильцева, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-491-373-386

5.3.1 General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

Neuro-Psychic Stability and Character Accentuations of Law Enforcement Officers serving under Regular Conditions and serving in Special Conditions

Ekaterina O. Ermolova¹, Candidate of Sciences (in Psychology), Associate-Professor (rank), Professor at the chair of General Psychology and History of Psychology; shamka05@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1636-1527>

Ekaterina A. Tagiltseva¹, k.tagiltseva@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9579-4776>

¹ Novosibirsk State Pedagogical University, 28, Vilyuskaya st., Novosibirsk, 630126, Russia

Abstract

Introduction. The study of neuropsychic stability and accentuations of character among officers, who perform professional duties both in regular and in difficult extreme conditions, is of particular importance for determining their professional effectiveness. Neuropsychic stability is one of the criteria for selecting officers for service in different conditions, while character accentuations are

a risk factor for maladaptation. The goal is to reveal the features of the relationship between neuropsychic stability and character accentuations of law enforcement officers serving under regular conditions and officers seconded to the North Caucasus region. **Materials and Methods.** An empirical study was conducted on a sample of 206 officers of the Internal Affairs bodies. Group 1 ($n_1=97$) consists of officers from the joint police squad selected for service assignment in the North Caucasus region, and group 2 ($n_2=109$) is made up of officers serving under regular conditions. Respondents were diagnosed via two methods: the Individual Typological Questionnaire (ITQ+) developed by K. V. Sugonyaeva and B. K. Pashnev's 12 Animals projective Test. **Results and Discussion.** Using the methods of mathematical statistics (comparative, correlation and regression analysis), differences are revealed in the characteristics of neuropsychic stability and character accentuations of officers of the two groups; as well as differences according to the level of neuropsychic stability; the mechanisms of the relationship between neuropsychic stability and character accentuations of officers in both groups are established; accentuations of character, which are predictors of neuropsychic instability, are determined. **Conclusions.** On the whole, current law enforcement officers demonstrate a moderately stable structure of individual personality traits, an average level of neuropsychic stability and adaptability. The significant differences in the level and characteristics of neuropsychic stability and the intensity of character accentuations between the groups are established. Officers seconded to the North Caucasus region have a greater adaptive potential than those officers who serve under regular conditions. There are different configurations of relationships between neuropsychic stability and character accentuations of officers according to the type of tasks. With a high level of neuropsychic stability, accentuations do not have characteristic manifestations and, in general, do not influence the effectiveness of the activities performed by the officers.

Keywords: neuropsychic stability; character accentuations; abilities to adaptation; professionally important qualities; extreme situation; law enforcement officers; the North Caucasus region

Citation: Ermolova E. O., Tagiltseva E. A. Neuro-Psychic Stability and Character Accentuations of Law Enforcement Officers serving under Regular Conditions and serving in Special Conditions. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27, No. 4(91). Pp. 373–386. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-491-373-386>

Основные положения

1. Деятельность сотрудников правоохранительных органов отличается наличием повышенных к ней требований; большое значение приобретает комплекс личностных свойств, связанных с устойчивостью и адаптивностью. Развитая нервно-психическая устойчивость — один из критериев отбора сотрудников для работы в разных условиях, в том числе служебных командировок. Высокий уровень нервно-психической устойчивости позволяет человеку сохранять свое физическое и психическое здоровье, эффективно справляться с конфликтными ситуациями, способствует успешной социально-психологической адаптации.

2. Акцентуации личности как заостренные черты характера способны влиять на поведение человека и его психоэмоциональные переживания, вплоть до явного затруднения действий, приводя к склонности личности иметь определенного рода устойчивость к психогенным воздействиям при различных условиях в рамках даже одной профессиональной деятельности, но с разным типом задач.

3. Теоретическое изучение и эмпирическое исследование нервно-психической устойчивости и акцентуаций характера у сотрудников правоохранительных органов во взаимосвязи позволяет прогнозировать поведенческие и эмоциональные реакции, свойственные им в той или иной ситуации; предвидеть возможные нервно-психические срывы и заблаговременно применять превентивные меры когнитивной и психоэмоциональной регуляции.

Введение

Актуальность, значимость и постановка проблемы. Современный мир характеризуется наличием большого количества стрессов, напряжения и беспо-

койства, которые выходят за рамки жизнедеятельности конкретной личности и охватывают целые государства и страны, повышая вероятность возникновения приграничных, межнациональных и других конфликтов. В связи с этим существует необходимость формировать отряды и отправлять сотрудников МВД России в командировки на приграничные территории государства для обеспечения и поддержания общественного правопорядка; охраны стратегических объектов; участия в антитеррористических мероприятиях и др. Одним из таких регионов начиная с 2007 г. и по настоящее время остается Северо-Кавказский регион (далее — СКР). Деятельность сотрудников в данном регионе отличается наличием повышенных требований к ней, в том числе большое значение имеет комплекс личностных свойств, связанных с устойчивостью, адаптивностью и саморегуляцией личности в экстремальных условиях [1]. Развитая нервно-психическая устойчивость (далее — НПУ) становится одним из критериев отбора сотрудников для подобных командировок, так как высокий уровень развития НПУ помогает человеку сохранять свое физическое и психическое здоровье [1], способствует успешной социально-психологической адаптации [2], а также в экстремальных ситуациях позволяет вести себя более рационально [3]. Не случайно изучение НПУ у лиц, ведущих профессиональную деятельность в экстремальных условиях, приобретает особую значимость. Другим психологическим свойством, обеспечивающим оптимальное функционирование личности в конкретной профессиональной деятельности, выступает характер как совокупность устойчивых черт личности. Выраженность тех или иных черт, их заостренность, «чрезмерное усиление отдельных черт характера, проявляющееся в избира-

тельной уязвимости личности по отношению к определенному роду психогенным воздействиям (тяжелым нервно-психическим нагрузкам и т. д.) при хорошей и даже повышенной устойчивости к другим» [4, с. 5], определяется как акцентуация характера. Акцентуации способны оказывать достаточно сильное влияние на поведение и переживания человека. Причем при определенных условиях (кризисных, экстремальных, критических) их выраженность, как правило, усиливается, что приводит к появлению склонности личности иметь некие «уязвимости и устойчивости» к психогенным воздействиям. Таким образом, исследование НПУ и акцентуаций характера у сотрудников правоохранительных органов во взаимосвязи позволяет сделать предположение по поводу того, какое поведение будет им свойственно в той или иной ситуации; предвидеть возможные нервно-психические срывы и заблаговременно применить превентивные меры психоэмоциональной регуляции [5], а также установить акцентуации, препятствующие и не препятствующие службе в органах внутренних дел.

Анализ отечественной научной литературы показал, что тема исследования, с одной стороны, весьма разработана. Нервно-психической устойчивости сотрудников МВД России в последнее время (примерно с 2018 г.) посвящено достаточно много эмпирических исследований, что свидетельствует об активном изучении данного феномена. Акцентуации характера сотрудников в этот же период рассматриваются реже, и большинство научных работ по данной теме пришлось на 2010–2015 гг. Монографий, предметом изысканий которых выступают НПУ и акцентуации характера личности, практически нет. Однако существует достаточно большое количество методических и учебных пособий (Г. И. Крамаренко, И. С. Рудой¹; С. В. Чермянин, В. А. Корзунин, В. В. Юсупов²; Т. Н. Берг³; А. Г. Маклаков⁴; В. И. Лазуткин, Н. Н. Зацарный, Г. М. Заракowski⁵ и др.). Вместе с тем нами обнаружено совсем мало работ, в которых рассматриваются указанные феномены во взаимосвязи [6], на выборке сотрудников, проходящих службу в Северо-Кавказском регионе (далее — СКР) [7; 8], или представлены результаты сравнения выборок [1; 5; 9].

В зарубежной психологии прослеживается несколько тенденций, во-первых, англоговорящие ученые рассуждают о психических расстройствах и мен-

тальном здоровье, минуя тему акцентуаций характера [10–12]. Данный пограничный феномен анализируется нечасто, во всяком случае за последние 10 лет. Это можно объяснить тем, что западное психологическое сообщество рассматривает акцентуации характера с точки зрения нормологии и патологии. Во-вторых, работы по теме НПУ присутствуют, но сейчас особой популярностью пользуется такой конструкт, как «выносливость» [13; 14]. НПУ анализируются преимущественно с позиции совладающего поведения в связи с вопросами адаптации [15]. Отметим, что в зарубежной психологии больше внимания уделяют физическим и физиологическим параметрам: существует множество работ, посвященных реагированию на стресс и дистресс и адаптации к ним [9; 12; 16–18].

Проблема нашего исследования обусловлена необходимостью уточнения содержания таких понятий, как «нервно-психическая устойчивость» и «акцентуации характера» сотрудников правоохранительных органов; недостаточным количеством эмпирических данных, указывающих на различия или сходства психологических характеристик сотрудников, несущих службу в штатном режиме, и сотрудников, командированных в регионы с повышенным стрессом; нехваткой данных, раскрывающих взаимосвязь нервно-психической устойчивости и акцентуаций характера сотрудников, несущих службу в разных условиях. Таким образом, целью настоящего исследования выступает выявление особенностей взаимосвязи нервно-психической устойчивости и акцентуаций характера сотрудников правоохранительных органов, несущих службу в штатном режиме, и сотрудников, командированных в Северо-Кавказский регион.

Теоретические предпосылки и обзор проблемы.

Мнения ученых по поводу того, кто впервые предложил понятие «нервно-психическая устойчивость», разделились. Одни исследователи утверждают, что этот термин был сформулирован Л. И. Спиваком в 1978 г. при помощи другого введенного им понятия — «нервно-психическая неустойчивость» (далее — НПУ). Под НПУ Л. И. Спивак понимал особую предрасположенность к срывам деятельности нервной системы при психическом и физическом напряжении, когда они являются значительными [19]. Другие считают, что НПУ ввел Ф. Д. Горбов в 1975 г., когда занимался изучением возникающих у летчиков функциональ-

¹ Крамаренко Г. И., Рудой И. С. Нервно-психическая устойчивость военнослужащих срочной службы : лекции / под ред. Л. И. Спивака. Л., 1984. 29 с.

² Чермянин С. В., Корзунин В. А., Юсупов В. В. Диагностика нервно-психической неустойчивости в клинической психологии : метод. пособие. СПб., 2007. 198 с.

³ Берг Т. Н. Нервно-психическая неустойчивость и способы ее выявления. Владивосток, 2005. 63 с.

⁴ Маклаков А. Г. Психология и педагогика // Военная психология : учеб. для вузов / под ред. А. Г. Маклакова. СПб., 2005. 464 с. ; Его же. Особенности военно-профессиональной деятельности, факторы военной службы и адаптации к ним // Там же.

⁵ Методика военного профессионального отбора / под ред. В. И. Лазуткина, Н. Н. Зацарного, Г. М. Заракowski. М., 1999. 535 с.

ных расстройств, которые оказывали влияние на их деятельность вплоть до полного ее прекращения [20].

На сегодняшний день можно выделить ряд учебных, рассматривающих НПУ с разных точек зрения. Так, Г. М. Зараковский [цит. по: 5] считает, что организм представляет собой сложную систему, в которой все функциональные подсистемы, независимо от уровня их организации, взаимосвязаны между собой (он опирается на теорию функциональных систем П. К. Анохина). Приспособление индивида к тем или иным условиям происходит благодаря слаженной работе всех подсистем. При этом НПУ понимается как сложное явление, состоящее из ряда компонентов:

— «свойств регуляторных, психических, а также психофизиологических процессов», обеспечивающих эффективность и рациональность деятельности и поведения человека;

— «свойств психофизиологических процессов», способствующих повседневной активности, адаптации и экстренной мобилизации в изменяющихся условиях среды;

— «свойств личности: индивидуально-личностных особенностей, характера, самосознания человека, направленности и социально-психологические свойства» [цит. по: 5, с. 100–101].

Мнение Б. С. Басарова [цит. по: 5] отличается: он рассматривает нервно-психическую устойчивость, исходя из того, что ее уровни и компоненты могут быть относительно самостоятельными, и выделяет несколько уровней НПУ:

— первый — содержательные и динамические характеристики поведения индивида, которые можно наблюдать непосредственно в его деятельности (знание направленности поведения позволяет его прогнозировать);

— второй — специфика поведения в группе людей; способы реагирования и защиты против конфликтов;

— третий — определенные формы поведения и отдельные поступки человека, обусловленные ситуативной направленностью личности и жизнедеятельности.

Б. С. Басаров под нервно-психической устойчивостью понимает «единство наличного и перспективного в психологических процессах, состояниях и свойствах личности, которые можно заметить в генерализованной направленности личности и вариантах поведения, которые им соответствуют» [цит. по: 5, с. 101].

С точки зрения А. П. Елисеева и П. А. Корчемного, НПУ представляет собой интегральное и целостное свойство, однако целостность авторы понимают шире личности, распространяя ее на группу людей. Под нервно-психической устойчивостью они подразуме-

вают готовность человека совершать действия в экстремальных и чрезвычайных ситуациях, в связи с чем возникает важность изучения не только личности, но и самих условий, в которых ей предстоит действовать, так как именно они формируют и развивают в ней готовность что-то делать. Если люди не попадают в экстремальные и чрезвычайные ситуации, то способность в них функционировать не формируется [цит. по: 5].

В свою очередь А. Г. Маклаков и С. В. Чермянин рассматривают НПУ в контексте адаптационного потенциала личности, понимая под ней «функциональную активность механизмов психической адаптации» личности, обладающей определенным пределом выносливости и устойчивости, при прорыве которого в результате неблагоприятной ситуации происходит срыв адаптационной системы [21].

В составе НПУ выделяют следующие компоненты:

— «способность к самореализации, личностному росту со своевременным адекватным разрешением внутриличностных конфликтов;

— относительную стабильность эмоционального тона и благоприятного настроения;

— способность к эмоционально-волевой регуляции;

— адекватную ситуации мотивационную напряженность» [3, с. 75].

В зависимости от вида НПУ может быть постоянной или ситуативной. Первая отличается тем, что она является продуктом равновесия «психических процессов, свойств и состояний личности, а также определенной структурой внутреннего мира человека, когда при возникновении какой-либо сложной ситуации главными становятся положительные качества человека и его высшие мотивы». Вторая включает в себя правильную оценку жизненных обстоятельств, сознательное самоуправление и благоприятные мотивы поведения [5, с. 102].

Внутри системы МВД России при отборе кандидатов на службу, при закреплении табельного оружия и т. п. делается акцент на уровень НПУ. Приказ министра обороны РФ от 26 января 2000 г. № 50⁶ закрепляет следующие уровни НПУ при вынесении заключений о профессиональной пригодности граждан:

— высокий (1 категория);

— хороший (2 категория);

— удовлетворительный (3 категория);

— неудовлетворительный (4 категория).

На современном этапе развития психологической науки НПУ рассматривается с точки зрения клинической нормологии: низкий уровень НПУ относят к пограничным нервно-психическим расстройствам, которые еще не достигли психопатологии [22].

⁶ Об утверждении Руководства по профессиональному психологическому отбору в Вооруженных Силах Российской Федерации : приказ Министра обороны РФ от 26 января 2000 г. № 50. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Что касается акцентуаций характера, то в отечественной психологии встречаются два синонимичных понятия «акцентуации» и «акцентуации характера». Термин «акцентуация» ввел К. Леонгард в 1968 г. для обозначения состояния, находящегося между нормой и патологией. Он выделил 12 типов акцентуантов [23]. А. Е. Личко, опираясь на работу К. Леонгарда и классификацию психопатологий П. Б. Ганнушкина, предложил в 1977 г. понятие «акцентуация характера» для описания крайнего варианта нормы, при котором отдельные черты характера получают чрезмерное усиление, что приводит к появлению склонности у индивида иметь определенные уязвимости и устойчивости к психогенным воздействиям [4]. Теории этих авторов по сей день остаются основными при изучении акцентуаций характера. Акцентуация по-прежнему считается промежуточным явлением между нормой и патологией.

Однако, помимо классических концепций, существуют трехфакторная модель темперамента Д. В. Бердникова и комбатная акцентуация Е. В. Снедкова. Первый выделяет три пары противоположных несмешанных акцентуированных типов (акцентуаций темперамента), а именно: социально активный / пассивный; предметно активный / пассивный; эмоционально стабильный / нестабильный [24]. Комбатная акцентуация проявляется у сотрудников силовых структур и представляет собой такое мировосприятие, при котором наличествуют подозрительность и ранимость, а также нарушения в межличностных коммуникациях. В зависимости от варианта посттравматического стрессового расстройства у человека может сформироваться одна из комбатных акцентуаций: тревожно-интравертированная, эскапивно-пессимистическая, тревожно-невротическая или ригидно-дисфорическая [25].

В качестве predisposing условий формирования акцентуаций характера в силовых структурах следует назвать стрессовые условия профессиональной деятельности (режимные требования, высокая динамичность, реальная и предполагаемая угрозы личной безопасности, необходимость осуществлять выбор и определять оптимальную стратегию поведения при дефиците времени и др.) и особенности типологического склада личности (тревожность, ригидность, склонность к пессимистичности, завышенная директивность, повышенная чувствительность к социальным критериям и др.) [26]. Выявлено, что шкала пессимистичности положительно коррелирует со стажем работы. Гипертимная акцентуация имеет позитивную корреляцию со стажем работы в последней должности (имеется в виду стаж работы на конкретной устойчивой должности) [27; 28].

Ряд ученых отмечает, что НПУ влияет на процесс формирования свойств темперамента, черт характера, а также на эмоционально-волевые особенности лич-

ности [5]. Это лишний раз указывает на взаимосвязь акцентуаций характера и нервно-психической устойчивости, так как оба эти феномена неразрывно связаны с характерологическими особенностями личности. Наличие акцентуаций характера способно снижать нервно-психическую устойчивость [7].

Исследования нервно-психической устойчивости и акцентуаций характера ведутся с учетом различных условий: как в обыденной жизни человека, так и при экстремальных и чрезвычайных ситуациях. Экстремальная ситуация — «внезапно возникшая ситуация, угрожающая или субъективно воспринимаемая человеком как угрожающая жизни, здоровью, личностной целостности, благополучию» [29, с. 9]. Оба подхода являются информативными. На данный момент существуют эмпирические исследования сотрудников, несущих службу в СКР. Так, Т. В. Мальцева и К. Г. Жук провели исследование, выборку которого составили сотрудники СКР в количестве 45 человек. Обнаружено, что явные акцентуации имеют 20 сотрудников (черты их акцентуаций проявляются относительно постоянно), в то время как скрытые — 25 человек (черты акцентуаций не проявляются, пока человек не окажется в экстремальной ситуации) [7]. Эти же ученые обследовали 79 сотрудников правоохранительных органов, которые проходили службу в СКР в период с 2019 г. по 2020 г. в течение 6 месяцев. При этом у 57 человек определен уровень НПУ выше среднего, у 21 — средний и у одного — низкий. Сотрудникам свойственны высокая толерантность к стрессовым воздействиям, низкая вероятность возникновения нарушений в психической деятельности, а также адекватное восприятие действительности [8].

Однако подобные спорадические исследования не позволяют системно взглянуть на проблему психической устойчивости и адаптивности личности. Недостаток эмпирических данных обуславливает необходимость проведения эмпирического исследования, направленного на определение особенностей взаимосвязи нервно-психической устойчивости и акцентуаций характера сотрудников правоохранительных органов, несущих службу в штатном режиме, и сотрудников, командированных в Северо-Кавказский регион.

Материалы и методы

В исследовании использовались методы теоретического обобщения, систематизации и сравнения; метод анализа документов; психодиагностического обследования (бланковое и проективное тестирование); методы качественной и количественной обработки данных (дескриптивный, сравнительный, корреляционный и регрессионный анализ).

Эмпирические задачи исследования заключались в 1) поиске достоверных различий в характеристиках нервно-психической устойчивости и акцентуаций характера между сотрудниками, командированными

в СКР (группа 1), и сотрудниками, несущими службу в штатном режиме (группа 2); 2) поиске достоверных различий по шкалам использованных методик между сотрудниками группы 1 в зависимости от уровня НПУ и группы 2 соответственно; 3) обнаружении значимых взаимосвязей между нервно-психической устойчивостью и акцентуациями характера сотрудников в обеих группах; 4) выявлении акцентуаций характера, выступающих в качестве предикторов нервно-психической неустойчивости и дезадаптивности.

Базу исследования составили различные подразделения Главного управления МВД России по Новосибирской области. В выборку исследования вошли 206 сотрудников органов внутренних дел, среди них 97 сотрудников личного состава сводного отряда полиции, отобранных для служебной командировки сроком на 180 суток в Северо-Кавказский регион для обеспечения правопорядка и безопасности на территории Республики Дагестан, — группа 1, и 109 сотрудников, несущих службу в штатном режиме, — группа 2. Возрастной диапазон сотрудников колеблется в пределах от 23 до 48 лет. Группу 2 составили 51 мужчина и 58 женщин. Группа 1 представлена исключительно мужчинами.

Формирование банка методик производилось на основании письма от ГУ МВД России по Новосибирской области от 27 марта 2012 г. № 1/610, которое закрепляет перечень рекомендованных методик, и приказа МВД России от 2 сентября 2013 г. № 660 (приложение № 1 положения об основах организации психологической работы в органах внутренних дел РФ раздела III «Организация психологической работы», п 9: «Перечень психологических и психофизиологических методик, используемых в психологической работе, устанавливается ДГСК МВД России на основании рекомендаций Координационно-методического совета по психологическому обеспечению работы с личным составом органов, подразделений, учреждений системы МВД России») ⁷ [8, с. 7]. В исследовании использовались индивидуально-типологический опросник (ИТО+) К. В. Сугоняева, нацеленный на выявление адаптивных способностей, направленности дезадаптивного поведения и нервно-психической устойчивости, а также проективный тест «12 животных» Б. К. Пашнева, на основании результатов которого определяется ряд типов акцентуаций характера, а также уровень психической адаптации.

Проведение тестирования группы 1 осуществлялось на базе Центра профессиональной подготовки (ЦПП) на основании приказов МВД России от 2 сентября 2013 г. № 660, от 14 февраля 2017 г. № 65

(ред. от 13.12.2019) ⁸; сотрудников группы 2 — в рамках профессионального осмотра. Обработка первичных данных производилась при помощи аппаратно-программного психодиагностического комплекса «Мультипсихометр»; математическая обработка данных программы — SPSS Statistics версии – 17.0.

Результаты и обсуждение

Дескриптивный анализ показателей нервно-психической устойчивости и акцентуаций характера. Оценка центральной тенденции распределения исследуемых признаков производилась по средним значениям, образованным по шкалам используемых методик. Результаты исследования сведены в таблицы 1–2.

Таблица 1. Средние значения, образованные по шкалам методики «ИТО+», сотрудников группы 1 ($n_1=97$) и группы 2 ($n_2=109$)
(Table 1. Average values formed according to the scales of ITQ+ methodology for officers from group 1 ($n_1=97$) and group 2 ($n_2=109$))

Шкалы	$\bar{X} \pm \sigma$ (группа 1)	$\bar{X} \pm \sigma$ (группа 2)
Адаптивность	42,89±3,41	39,65±4,33
Экстрапунитивность	2,8±2,29	3,31±2,36
Интропунитивность	0,98±1,43	1,57±1,66
Экстраверсия	7,41±2,03	7,2±1,91
Интроверсия	2,38±1,98	3,25±2,1
Стеничность	4,1±1,56	4,17±1,61
Тревожность	1,51±1,34	2,04±1,77
Лабильность	5,16±1,47	5,19±1,36
Ригидность	5,39±1,38	5,5±1,39
Спонтанность	5,4±1,88	5,25±1,84
Сензитивность	4,32±1,58	4,6±1,56

Средние значения индивидуально-типологического профиля (первичные шкалы), образованного по методике «ИТО+», указывают на то, что дезадаптирующих свойств (балл 8 и выше), которые определяют особенности реагирования при воздействии неблагоприятных факторов, не выявлено; в обеих группах базисными свойствами личности выступают экстраверсия, лабильность, ригидность, спонтанность. Чертой, обуславливающей поведение сотрудников обеих групп, служит экстраверсия. Наименее выраженные черты — интроверсия и тревожность. При этом тревожность ($\bar{X}=1,51$) имеет более низкие показатели в группе 1. Тогда как значение интроверсии выше в группе 2 ($\bar{X}=3,25$).

Анализ средних значений по вторичным шкалам методики свидетельствует о более высоких адаптивных способностях ($\bar{X}=42,89$) сотрудников группы 1 и чуть более умеренных ($\bar{X}=39,65$) группы 2. Низкие показатели по шкалам экстрапунитивности и интро-

⁷ Об утверждении Положения об основах организации психологической работы в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 2 сентября 2013 г. № 660. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Об утверждении порядка и условий командирования сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации на территории Российской Федерации : приказ МВД России от 14 февраля 2017 г. № 65. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

пунитивности (средние показатели соответствуют 2 и 3 стэнам) в обеих группах свидетельствуют об отсутствии у сотрудников тенденций к склонности возлагать вину за неудачи на внешнее окружение и аутоагрессивных тенденций, т. е. склонности к принятию вины за неудачи и дисгармонию во взаимоотношениях с внешним миром на себя. Однако показатели по данным шкалам несколько выше в группе 2.

Показатели более 4 баллов по соседствующим типологическим свойствам определяют социально-психологические аспекты межличностного поведения. Так, сочетание спонтанности и экстравертированности ($\bar{X}=4$) указывает на преобладание лидерских качеств, а смещение таких свойств, как лабильность и экстраверсия, — на коммуникативность.

Следует заключить, что сотрудники обеих групп демонстрируют более или менее устойчивую структуру индивидуально-личностных свойств, обладают сохранной социально-психологической адаптацией, а заостренные черты компенсируются противоположными тенденциями.

Перевод сырых оценок в стэны по шкалам «адаптивность», «экстрапунитивность» и «интропунитивность» позволяет оценить уровень нервно-психической устойчивости сотрудников. В обеих группах были выделены сотрудники с I и II уровнями, лиц с III и IV уровнями не обнаружено. Результаты дифференциации представлены на рис. 1, 2.

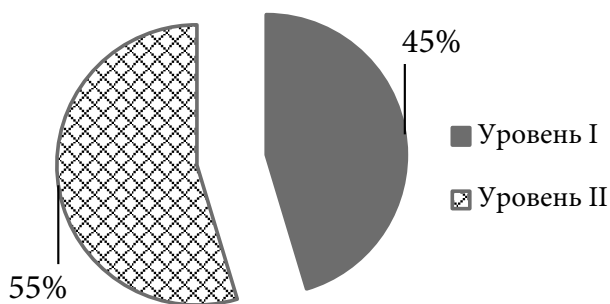

Рис. 1. Процентное распределение сотрудников группы 1 в зависимости от уровня НПУ по методике «ИТО+» (Fig. 1. Percentage distribution of the officers from group 1 according to the level of neuro-psychic stability via method of ITQ+)

На рисунке 1 видно, что среди сотрудников группы 1 распределение лиц с I уровнем НПУ (44 человека, что составляет 45%) и II (53 человека — 55%) является приблизительно равным. Далее рассмотрим распределение респондентов в группе 2.

В группе 2 преобладают лица со II уровнем НПУ (83 человека, или 76%), с I уровнем обнаружено 26 сотрудников, или 24% (рис. 2).

Таким образом, в группе 1 наблюдается примерно равное соотношение сотрудников с I и II уровнями нервно-психической устойчивости, тогда как в группе 2 преобладают лица со II уровнем НПУ.

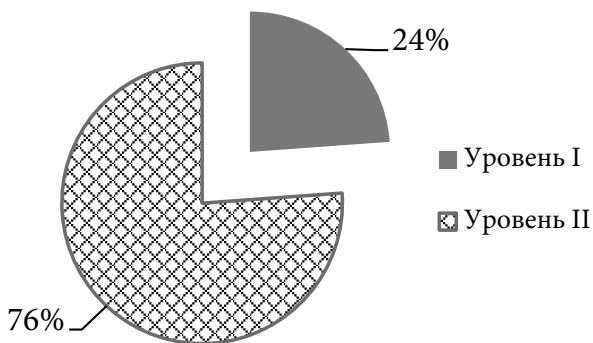

Рис. 2. Процентное распределение сотрудников группы 2 в зависимости от уровня НПУ по методике ИТО+ (Fig. 2. Percentage distribution of the officers from group 2 according to the level of neuro-psychic stability via method of ITQ+)

Таблица 2. Средние значения, образованные по шкалам методики «12 животных», группы 1 ($n_1=97$) и группы 2 ($n_2=109$) (Table 2. Average values formed on the scales of the methodology "12 animals" in group 1 ($n_1=97$) and group 2 ($n_2=109$))

Шкалы	$\bar{X} \pm \sigma$ (группа 1)	$\bar{X} \pm \sigma$ (группа 2)
Гипертимный	6,34±1,77	6,44±1,79
Демонстративный	5,85±1,78	5,86±1,84
Эмотивный	6,11±1,61	6,15±1,52
Психастенический	5,78±1,78	5,06±1,57
Возбудимый	5,87±1,48	5,89±1,65
Циклотимический	5,74±1,65	5,73±1,6
Дистимический	5,12±1,78	5,21±1,63
Застревающий	4,21±1,61	4,04±1,62

Анализ средних значений по шкалам методики диагностики акцентуаций характера показал отсутствие дезадаптирующих черт в обеих группах. Наиболее выраженными типами акцентуаций для группы 1 и группы 2 оказались гипертимный ($\bar{X}=6,44$ и $\bar{X}=6,34$) и эмотивный ($\bar{X}=6,15$ и $\bar{X}=6,11$). Наименее выраженным явился застревающий тип для обеих выборок ($\bar{X}=4,21$ и $\bar{X}=4,04$). Для группы 1 более характерны такие типы акцентуаций, как «психастенический» ($\bar{X}=5,78$) и «циклотимический» ($\bar{X}=5,74$). Для группы 2 — «демонстративный» ($\bar{X}=5,86$), «возбудимый» ($\bar{X}=5,89$) и «дистимический» ($\bar{X}=5,21$). В целом респонденты обеих групп демонстрируют средний уровень адаптивности и более или менее гармоничный тип развития (отношение Я-реальный — Я-идеальный).

Сравнительный анализ показателей нервно-психической устойчивости и акцентуаций характера. Первичная проверка нормальности распределения при помощи критерия Колмогорова-Смирнова показала, что большая часть данных имеет распределение, отличное от нормального ($p < 0,05$). В связи с этим в дальнейшей работе применяются непараметрические критерии, для сравнения двух независимых выборок используется коэффициент U – Манна-Уитни. В таблице 3 приведены только значимые различия.

На основании таблицы 3 можно утверждать, что между сотрудниками групп 1 и 2 существуют значимые

Таблица 3. Результаты оценки достоверности различий по показателям нервно-психической устойчивости и акцентуаций характера у сотрудников группы 1 ($n_1=97$) и группы 2 ($n_2=109$) (Table 3. The results of assessing the validity of differences in indicators of neuropsychic stability and character accentuations among officers in group 1 ($n_1=97$) and group 2 ($n_2=109$))

Шкалы	Средние ранги, группа 1	Средние ранги, группа 2	Коэффициент сравнения U	Уровень значимости p
Различия по методике «ИТО+»				
Адаптивность	119,45	89,31	3739,5	0,00
Интропунитивность	90,69	114,90	4043,5	0,00
Интроверсия	89,87	115,63	3964,0	0,00
Тревожность	94,80	111,24	4443,0	0,05
Различия по тесту «12 животных»				
Психастенический	116,73	91,72	4003,0	0,00

различия по пяти параметрам (4 — по методике «ИТО+» и 1 — по тесту «12 животных») по следующим шкалам: — «адаптивность» ($U=739,5$ при $p=0$) и «интропунитивность» ($U=4043,5$ при $p=0$), характеризующим различия в показателях нервно-психической устойчивости; — «интроверсия» ($U=3964$ при $p=0$) и «тревожность» ($U=4443$ при $p=0,05$), демонстрирующим отличия в параметрах индивидуально-личностных особенностей;

— «психастенический тип» ($U=4003$ при $p=0$), характеризующей различия в показателях акцентуаций характера.

Участники группы 1 значительно превосходят членов группы 2 по параметрам «адаптивность» ($R_x=19,45$) и «психастенический тип акцентуации» ($R_x=16,73$). В то время как в группе 2 достоверно выше параметры «интропунитивность» ($R_x=114,90$), «интроверсия» ($R_x=115,63$) и «тревожность» ($R_x=111,24$), чем в группе 1.

Полученные данные позволяют утверждать, что сотрудникам группы 1 значительно легче подстраивать свое поведение в изменяющихся условиях, для того чтобы адаптироваться к ним. Процесс приспособления у участников данной группы происходит более эффективно, чем группы 2. Это свидетельствует о наличии большего адаптационного потенциала. Данные сотрудники отличаются добросовестностью и исполнительностью, аккуратностью и серьезностью, надежностью, повышенной склонностью к самоанализу и рассудительности, а также ровным фоном настроения.

Испытуемые группы 2 в большей мере склонны к аутоагрессивным тенденциям и принятию вины за неудачи во взаимоотношениях с внешним миром на себя. Им свойственны также некоторая социальная пассивность, сдержанность эмоциональных проявлений, легкая застенчивость и склонность к уходу в мир идеалов. Их реакции в большей степени направлены на себя, внутрь личности. Им могут быть свойственны такие качества, как безынициативность, нерешительность, сомнения в учете всех обстоятельств и послед-

ствий, чрезмерное «самокопание» и т. п. На службе они способны долгое время работать «не поднимая головы», они часто тщательно сверяют полученные результаты с прочей документацией, порученная им работа выполняется крайне аккуратно и в срок, но для этого необходима предварительная конкретная и исчерпывающая инструкция.

Далее рассмотрим различия внутри каждой группы в зависимости от уровня НПУ. Результаты значимых различий представлены в таблицах 4, 5.

Таблица 4. Результаты оценки достоверности различий по показателям нервно-психической устойчивости сотрудников группы 1 с I уровнем ($n_{1,1}=44$) и II уровнем НПУ ($n_{1,2}=53$) (Table 4. The results of assessing the validity of differences in terms of neuropsychic stability of officers in group 1 with level I ($n_{1,1}=44$) and level II of neuropsychic stability ($n_{1,2}=53$))

Шкалы	Средние ранги, I уровень НПУ	Средние ранги, II уровень НПУ	Коэффициент сравнения U	Уровень значимости p
Различия по методике «ИТО+»				
Экстраверсия	56,88	42,46	819,5	0,01
Интроверсия	38,66	57,58	711,0	0,00
Тревожность	38,66	57,58	711,0	0,00

Представленные данные в таблице 4 свидетельствуют о том, что между подгруппами с I и II уровнями НПУ в группе 1 существуют достоверные различия по следующим параметрам: «экстраверсия» ($U=819,5$ при $p=0,01$), «интроверсия» ($U=711$ при $p=0$) и «тревожность» ($U=711$ при $p=0$). Были обнаружены различия только в проявлении индивидуально-личностных особенностей. У сотрудников группы 1 с I уровнем НПУ более высоким является параметр «экстраверсия» ($R_x=56,88$), по остальным значениям достоверно выше у сотрудников со II уровнем НПУ: «интроверсия» ($R_x=57,58$) и «тревожность» ($R_x=57,58$).

Таким образом, участники группы 1 с I уровнем НПУ социально активны, более общительны, открыты и в большей степени опираются на впечатления от реальной действительности (реакции направлены вовне). Для имеющих II уровень НПУ характерны некоторая

Таблица 5. Результаты оценки достоверности различий по показателям нервно-психической устойчивости и акцентуаций характера сотрудников группы 2 с I уровнем ($n_{2,1}=26$) и II уровнем НПУ ($n_{2,2}=83$) (Table 5. The results of assessing the validity of differences in indicators of neuropsychic stability and character accentuations among officers in group 2 with level I ($n_{2,1}=26$) and level II of neuropsychic stability ($n_{2,2}=83$))

Шкалы	Средние ранги, I уровень НПУ	Средние ранги, II уровень НПУ	Коэффициент сравнения U	Уровень значимости p
Различия по методике «ИТО+»				
Интроверсия	35,54	61,10	573,0	0,00
Тревожность	30,02	62,83	429,5	0,00
Различия по тесту «12 животных»				
Гипертимный	43,10	58,73	769,5	0,03

степень социальной пассивности, замкнутости, сдержанности эмоциональных проявлений, склонность к уходу в мир идеалов, тревожность, мнительность и боязливость. Сотрудники демонстрируют чрезмерную добросовестность и исполнительность, повышенную склонность к самоанализу и рассудительности, а также аккуратность и надежность.

Согласно данным таблицы 5 можно утверждать, что между сотрудниками группы 2 с I и II уровнями НПУ также существуют значимые различия по следующим параметрам: «интроверсия» ($U=573$ при $p=0,00$), «тревожность» ($U=429,5$ при $p=0,00$) и «гипертимный тип акцентуаций» ($U=769,5$ при $p=0,03$). Все параметры достоверно более выражены у испытуемых со II уровнем НПУ ($R_x=61,10$; $R_x=62,83$; $R_x=58,73$).

Респондентам со II уровнем НПУ в большей степени свойственны тревожность, неоднозначность степени социальной активности, т. е. обследуемые могут проявлять как социальную активность, так и пассивность. Для них характерны некоторая степень замкнутости в сочетании с активностью и энергичностью, поверхностность, невысокая способность к длительному сосредоточению на конкретном деле, стремление в стрессовой ситуации уйти в фантазийный мир, быстрая отходчивость и миролюбие, спешка при выполнении служебных заданий, а также умеренная адаптация к новой ситуации.

Таким образом, результаты сравнительного анализа показали, что при развитом I уровне НПУ сотрудникам в большей степени свойственна экстравертированная направленность личности. II уровень НПУ больше отражает интровертированность и тревожность, а также гипертимный тип акцентуации.

Корреляционный анализ показателей нервно-психической устойчивости и акцентуаций характера. В результате проведенного корреляционного анализа с применением непараметрического критерия r-Спирмена на каждой из двух групп были получены значимые взаимосвязи, представленные в таблицах 6, 7. На основании того, что уровень нервно-психической устойчивости определяется количеством набранных баллов и последующим их переводом в стэны по шкалам «адаптивность», «интропунитивность» и «экстрапунитивность», на взаи-

Таблица 6. Результаты корреляционного анализа взаимосвязи нервно-психической устойчивости и акцентуаций характера в группе 1 ($n=97$)

(Table 6. The results of the correlation analysis of the relationship between neuropsychic stability and character accentuations in group 1 of the North-Caucasus region ($n=97$))

Параметры методики «ИТО+»	Параметры теста «12 животных»	Коэффициент корреляции rs	Уровень значимости p
Адаптивность	Циклотимический	-0,21	<0,05
Интропунитивность	Психастенический	0,31	<0,001
	Циклотимический	0,26	<0,01

мосвязи с данными шкалами далее обращено основное внимание.

Исходя из анализа таблицы 6 можно заключить, чем выше у сотрудников группы 1 развита способность успешно приспосабливаться к новым, неопределённым условиям (адаптивность — циклотимический тип ($p \leq 0,05$)), тем в меньшей степени для них характерны замкнутость и безразличие, изменчивость настроения, поступков и действий без видимых на то причин. При развитой адаптивности у испытуемых присутствуют ровный фон настроения и соподчиненность мотивов, а также осознание причин происходящего. Респондентам, склонным принимать вину на себя за неудачи во взаимоотношениях с внешним миром (интропунитивность — психастенический тип ($p \leq 0,001$)), свойственны нерешительность, склонность к рассудительности и самоанализу, легкое возникновение навязчивостей, тревожная мнительность, аккуратность, серьезность и исполнительность (интропунитивность — циклотимический тип ($p \leq 0,001$)), а также тенденция к циклической изменчивости настроения, непоследовательность, раздражительность и грубость.

Таблица 7. Результаты корреляционного анализа взаимосвязи нервно-психической устойчивости и акцентуаций характера в группе 2 ($n_2=109$)
(Table 7. The results of the correlation analysis of the relationship between neuropsychic stability and character accentuations in group 2 ($n_2=109$))

Параметры методики «ИТО+»	Параметры теста «12 животных»	Коэффициент корреляции rs	Уровень значимости p
Адаптивность	Эмотивный	-0,22	<0,05
Экстраверсия	Эмотивный	-0,21	<0,05
Интроверсия	Возбудимый	-0,22	<0,05
Ригидность	Психастенический	-0,22	<0,05
Спонтанность	Дистимический	-0,19	<0,05

У испытуемых группы 2 обнаружены следующие взаимосвязи (табл. 7): эмотивный тип — адаптивность ($p \leq 0,05$); экстраверсия ($p \leq 0,05$). Если у сотрудников доминирующим является эмотивный тип акцентуации характера, яркими чертами которого выступают изменчивость настроения, тонкая восприимчивость отношения к себе окружающих, глубокое переживание чувств и эмоций и пр., то их адаптивные способности будут невелики, и, скорее, они будут демонстрировать дезадаптацию. Напротив, сотрудникам с такими личностными чертами, как общительность, открытость, социальная активность, проявление реакций, направленных вовне, несвойственно проявлять повышенную чувствительность, глубокие переживания, растроганность и сентиментальность; их эмоциональные реакции преимущественно будут умеренными и поверхностными.

Сотрудники с ярко выраженной сдержанностью эмоциональных проявлений (интроверсия — возбудимый тип ($p \leq 0,05$)), застенчивостью, замкнутостью,

Таблица 8. Результаты множественной регрессии предикторов дезадаптивного поведения и нервно-психической устойчивости в группе 2 (n₂=109)

(Table 8. Results of multiple regression of predictors of maladaptive behavior and neuropsychic stability in group 2 (n₂=109))

Зависимая переменная	R	R2	F	Уровень значимости p	Значимые предикторы	β	Ст. ошибка
Адаптивность	0,78	0,61	8,61	<0,001	Эмотивный тип	-0,22	2,92
Экстрапунитивность	0,56	0,32	5,31	<0,05	Застревающий тип	-0,16	2,00
Интропунитивность	0,69	0,48	6,12	<0,05	Психастенический тип	0,17	1,93

социальной пассивностью и склонностью к уходу в мир идеалов не демонстрируют активную жизненную позицию, чрезмерный энергизм и безрассудство, им свойственны медлительность и осмотрительность в принятии решений, эгоцентризм и жестокость, нетерпимость к инакомыслию и переживание конфликта при необходимости изменения устоявшихся порядков. Респонденты, для которых характерны нерешительность, трудность в дифференциации главного от второстепенного, страх установления новых контактов и повышенная склонность к самоанализу и навязчивости (психастенический тип — ригидность (p≤0,05)), будут обладать низким уровнем ригидности (им несвойственны упрямство, инертность установок, подозрительность), но будут проявлять изменчивость настроения, мотивационную неустойчивость и повышенную эмотивность.

Те, кто отличается раскованностью в поведении, самоутверждением, наступательностью и стремлением к лидерству (спонтанность — дистимический тип (p≤0,05)), не имеют склонности к депрессивным состояниям и сосредоточенности на мрачных сторонах жизни, медлительности и утонченности чувств. Однако испытуемые с подавленным настроением и даже депрессивным состоянием, медлительностью, пессимистичностью, сниженной самооценкой и низкой контактностью (дистимический тип — спонтанность (p≤0,05)) обладают слабыми лидерскими качествами, неустойчивым самоуважением, нерешительностью, потребностью в заботе и защите от более сильной личности.

Представленные данные демонстрируют, что в группе 1 получено меньше взаимосвязей между НПУ и акцентуациями характера, что можно объяснить равномерным преобладанием в группе сотрудников с I и II уровнями НПУ, более высоким уровнем адаптивности, чем в группе 2, и в целом меньшей выраженностью акцентуированных черт.

Множественный регрессионный анализ показателей направленности дезадаптивного поведения и нервно-психической устойчивости. Проведенный множественный регрессионный анализ, направленный на выявление предикторов дезадаптивного поведения, зависящего от снижения уровня НПУ, связанного с выраженностью акцентуаций характера, позволил получить значимые результаты, представленные в таблице 8.

Анализ полученных результатов показал отсутствие значимой детерминации в группе 1, нервно-психическая устойчивость респондентов которой отличается повышенной адаптивностью. Предикторы дезадаптивного поведения удалось выявить в группе 2. Так, на адаптивность сотрудников наиболее сильно может оказывать влияние наличие в структуре характера эмотивного типа акцентуации (R=0,78); на проявление экстрапунитивности — застревающий тип акцентуации (R=0,56) и интропунитивности — психастенический тип акцентуации (R=0,69). Достоверность влияния подтверждается дисперсионным анализом (F=8,61 при p<0,001; F=5,31 при p<0,05; F=6,12 при p<0,05). Следовательно, модели регрессии могут быть содержательно интерпретированы. 61% изменчивости НПУ параметра «адаптивность» объясняется первой моделью; 32% изменчивости НПУ параметра «экстрапунитивность» — второй и 48% изменчивости НПУ параметра «интропунитивность» — третьей. При этом вероятность ошибочного предсказания составляет всего от 1,93 до 2,92. Таким образом, усиливающее влияние на проявление дезадаптивного поведения и снижение уровня нервно-психической устойчивости происходит за счет преобладания в структуре характера личности таких акцентуаций, как эмотивная акцентуация (β=0,22 при <0,001); застревающий (β=0,16 при <0,05) и психастенический типы (β=0,17 при <0,05).

Согласно проведенному обобщению теоретических и эмпирических данных все акцентуации можно подразделить на препятствующие и не препятствующие службе в органах внутренних дел. Выявленные предикторы дезадаптивного поведения при условии их чрезмерной выраженности ($\bar{X}=7$) представляют собой препятствующие службе акцентуации.

Выводы

1. Нервно-психическая устойчивость является крайне важным профессиональным качеством сотрудников органов внутренних дел и интегральным свойством личности, в структуре которого содержатся как врожденные (индивидуально-типологические), так и приобретенные, обусловленные динамикой развития компоненты (например, акцентуации характера). Развитая нервно-психическая устойчивость позволяет личности осуществлять саморегуляцию поведения и психического состояния в условиях эмоционального напряжения, при неблагоприятных воздействиях окружающей среды, в том числе экстремальных. Ак-

центуации личности как заостренные черты характера способны влиять на поведение человека и его психоэмоциональные переживания, вплоть до явного затруднения действий, приводя к склонности личности иметь некоторую устойчивость к психогенным воздействиям при определенных условиях в рамках даже одной профессиональной деятельности, но с разным типом задач.

2. Действующие сотрудники правоохранительных органов в целом демонстрируют среднеустойчивую структуру индивидуально-личностных свойств, высокий и хороший уровень развития нервно-психической устойчивости; средний уровень адаптивности и более или менее гармоничный тип развития отношений, имеют средневыраженные акцентуированные черты, которые компенсируются противоположенными тенденциями личности. Все это достигается грамотным профессиональным отбором еще на этапе обследования психологами кандидатов на службу в органы внутренних дел МВД России по Новосибирской области; своевременными профилактическими осмотрами и тщательным отбором сотрудников для служебных командировок.

3. Однако установлены значимые различия в уровне и характеристиках НПУ и выраженности акцентуаций характера между группами. Сотрудники, командированные в Северо-Кавказский регион (группа 1), обладают большим адаптационным потенциалом, нежели сотрудники, несущие службу в штатном режиме (группа 2). Первые отличаются большей сформированностью таких качеств, как серьезность, исполнительность, активная социальная позиция и склонность к углубленному рассуждению. Вторые демонстрируют большую тревожность, направленность реакций вовнутрь, социальную пассивность, склонность искать причины конфликтных взаимодействий в себе.

4. Нервно-психическая устойчивость имеет различную степень выраженности (дифференцируется по уровням). Так, сотрудники с I уровнем НПУ демонстрируют направленность реакций вовне, активную социальную позицию и общительность, хорошую переключаемость, высокую адаптивность и коммуникативность вместе с лидерскими качествами. Сотрудникам со II уровнем больше свойственны некоторая социальная пассивность, сдержанность эмоциональных проявлений, легкая застенчивость в отношениях и нерешительность, способность к длительной монотонной скрупулезной работе, аккуратность и своевременность выполнения поставленных задач при предъявлении предварительной конкретной и исчерпывающей инструкции.

5. Существуют разные конфигурации взаимосвязей между нервно-психической устойчивостью и акцентуациями характера сотрудников в зависимости от типа задач. Так, для сотрудников, командирован-

ных в СКР (группа 1), характерна взаимосвязь между нервно-психической устойчивостью, выраженной в адаптивных способностях и интропунитивности, и такими акцентуациями характера, как циклотимический и психастенический типы, что указывает на то, что при высоком уровне НПУ данные акцентуации не имеют характерных проявлений и не влияют на эффективность выполняемой сотрудниками деятельности. У сотрудников группы 2 нервно-психическая устойчивость и экстраверсия связаны с эмотивным типом акцентуаций, что при сильном снижении уровня НПУ и адаптивных способностей приводит к ее заострению и дезадаптации на службе. Наличие в личностной структуре интроверсии и ригидности уменьшает проявление таких акцентуаций характера, как возбудимый и психастенический типы.

6. Существует казуальная зависимость между нервно-психической устойчивостью и акцентуациями характера сотрудников правоохранительных органов. Данная взаимосвязь выявлена только в группе 2. Вероятно, лица с высоким уровнем НПУ и адаптивности имеют сглаженный усредненный профиль черт характера. Однако в этой же группе обнаружено, что усиливающее влияние на проявление дезадаптивного поведения и снижение уровня нервно-психической устойчивости происходит за счет преобладания в структуре характера личности таких акцентуаций, как эмотивный, застревающий и психастенический типы, которые при чрезмерной выраженности являются акцентуациями характера, препятствующими службе.

Рекомендации. Исследование индивидуально-психологических особенностей сотрудников правоохранительных органов — одна из главных задач работы психолога, направленная на получение важной информации о психоэмоциональном статусе сотрудников в целях дальнейшего учета при принятии кадровых решений. Исследование индивидуально-психологических особенностей позволяет заблаговременно выявить сотрудников, имеющих те или иные трудности и нуждающихся в квалифицированной помощи. Так как нервно-психическая устойчивость является интегральным свойством личности и входит в перечень профессионально важных качеств сотрудников, а акцентуации характера представляют фактор риска дезадаптации, их диагностика должна проводиться психологом как при профилактических осмотрах, так и при принятии решения об изменении условий службы. При этом определяющей оценкой является худшая оценка, полученная по одной из диагностических методик (ИТО+ и тест «12 животных»).

Пристального внимания требуют сотрудники с пониженным и низким (III и IV) уровнями НПУ (или нервно-психической неустойчивостью), а также сотрудники, в чьем характерологическом профиле вы-

явлены ярко выраженные акцентуированные черты. В зависимости от уровня нервно-психической устойчивости сотрудников рекомендуется назначать:

с I уровнем — на основные должности в подразделениях, деятельность которых связана с выполнением обязанностей в трудных и экстремальных ситуациях, в условиях дефицита времени и психологической неопределенности;

со II уровнем (хорошая нервно-психическая устойчивость) — на основные должности в подразделениях для работы в штатном и нештатном режиме, с известным кругом задач, предварительной конкретной инструкцией и намеченным планом действий;

с III уровнем (удовлетворительная нервно-психическая устойчивость) — рекомендуются условно, при необходимости, нуждаются в консультации психиатра, динамическом наблюдении и проведении психокоррекционных мероприятий;

с IV уровнем (неудовлетворительная нервно-психическая устойчивость, или нервно-психическая неустойчивость) — не рекомендуются на основные должности и в обязательном порядке направляются на консультацию к психиатру на предмет установления степени годности к службе.

Изучение акцентуаций характера позволяет обнаружить потенциальные риски возникновения адаптационных нарушений в различных сферах, а также спрогнозировать будущую успешность или неуспешность сотрудника. Кроме того, акцентуации могут усиливать влияние профессиональных стрессов на сотрудников и тем самым способствовать повышению вероятности развития, например, симптомов профессионального выгорания, невротических симптомов, риска суицидального поведения и т. д.

Наличие в профиле личности некоторых акцентуаций характера у кандидатов на службу и действующих сотрудников вполне допустимо для работы в правоохранительных органах (к ним относятся, например,

гипертимный, циклоидный типы и т. д.), другие же препятствуют качественному выполнению профессиональных обязанностей (например, шизоидный, психастенический, эмотивный типы и т. д.). Латентные акцентуированные черты характера еще сами по себе не являются препятствием к службе. Однако степень их выраженности напрямую коррелирует с уровнем нервно-психической устойчивости и адаптивности. При чрезмерной выраженности (стэн 7) акцентуаций сотруднику требуются проведение дополнительного обследования и психологическая работа, направленная на создание благоприятных условий для развития слабых положительных и смягчение сильных отрицательных характерологических черт.

Обнаружение сотрудников с яркими акцентуациями характера требует индивидуального подхода к ним относительно условий труда, например, закрепить за ними специфический круг обязанностей, который окажется им под силу из-за наличия у них предрасположенности к их выполнению; установить определенный тип отношений, при котором постараться избегать конфликтных ситуаций. Изучение коллективов позволит выявить сотрудников группы риска, которые нуждаются в особом психологическом сопровождении и помощи. Эта работа должна проводиться в рамках диагностических и психокоррекционных мероприятий, психологического консультирования и психотерапии.

Перспективы. Исследование особенностей нервно-психической устойчивости и акцентуаций характера в рамках данной темы не является исчерпывающим. Предполагается дальнейшая работа по расширению диагностического инструментария, направленного на измерение адаптивных способностей сотрудников правоохранительных органов, в том числе использование проективных методов диагностики, а также применение в качестве критерия дифференциации условий службы в разных подразделениях и с разным типом задач.

Список источников

1. Ермолова Е. О., Шамшикова О. А. Взаимосвязь нервно-психической устойчивости и склонности к отклоняющемуся поведению у военнослужащих контрактной службы // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. № 4(87). С. 404–415.
2. Пфау Т. В., Кияева А. А., Бозыкова А. Н. Нервно-психическая устойчивость как ресурс преодоления профессионального стресса у сотрудников МВД // Сборник конференции НИЦ Социосфера. 2013. № 10. С. 16–19.
3. Лаптев Р. В. Исследование нервно-психической устойчивости сотрудников правоохранительных органов // Межвузовский сборник научных трудов студентов и молодых ученых. Курск, 2017. С. 189–193.
4. Личко А. Е. Типы акцентуаций характера и психопатий у подростков. М., 1999. 416 с.
5. Вдовина Е. С., Вдовина А. А. Сравнительный анализ нервно-психической устойчивости сотрудников отдела безопасности и отдела охраны в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. № 2(220). С. 99–106.
6. Климонтова Т. А. Акцентуации характера, их взаимосвязь с нервно-психической устойчивостью личности и динамика у сотрудников силовых структур в экстремальных ситуациях // Актуальные проблемы права, экономики и управления. 2006. № 2. С. 142–143.
7. Жук К. Г., Мальцева Т. В. Особенности нервно-психической устойчивости у сотрудников органов внутренних дел, проходящих службу в Северо-Кавказском регионе // Закон и правопорядок в третьем тысячелетии. IX Балтийский юридический форум : мат.-лы междунар. науч.-практ. конф. Калининград, 2021. С. 126–127.

8. Мальцева Т. В., Жук К. Г. Особенности акцентуаций характера у сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, проходящих службу в Северо-Кавказском регионе // Актуальные проблемы психологической практики в силовых структурах: профессионально-психологическая подготовка : сб. докладов V Всерос. межвед. науч.-практ. конф. Н. Новгород, 2020. С. 129–134.
9. Lane M. E. Prevalence of perceived stress and mental health indicators among reserve-component and active-duty military personnel. *Am. J. Public Health*. 2012. Vol. 102, No 6. Pp. 1213–1220. URL: <https://reachfamiliesd7.umn.edu/content/prevalence-perceived-stress-and-mental-health-indicators-among-reserve-component-and-active> (accessed: 22.11.2021).
10. Heron E. A. Military mental health: the role of daily hassles while deployed. *J. Nerv. Ment. Dis.* 2013. Vol. 201, No 12. Pp. 1035–1039.
11. Schmitz K. J. Psychiatric diagnoses and treatment of U.S. military personnel while deployed to Iraq. *Mil. Med.* 2012. Vol. 177, No 4. Pp. 380–389. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/22594127/> (accessed: 22.11.2021).
12. Na K. S. Temperament and character of young male conscripts with adjustment disorder: a case-control study. *J. Nerv. Ment. Dis.* 2012. Vol. 200, No 11. Pp. 973–977. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/23124182/> (accessed: 22.11.2021).
13. Kraemer W. J. Strength training for the warfighter. *J. Strength Cond Res.* 2012. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/22643142/> (accessed: 22.11.2021).
14. Tornero-Aguilera J. G. Resistant and endurance high intensity interval training for combat. *Aerops Med Hum Perform.* 2019. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/30579375/> (accessed: 22.11.2021).
15. Kilen A. Distribution of concurrent training session doesn't impact endurance adaptation. *J. Sci. Med. Sport.* 2020. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32998848/> (accessed: 22.11.2021).
16. Cornum R. Comprehensive soldier fitness: building resilience in a challenging institutional context. *Am. Psychol.* 2011. Vol. 66, No 1. Pp. 4–9. URL: <https://www.apa.org/pubs/journals/releases/amp-66-1-4.pdf> (accessed: 22.11.2021).
17. Fielden J. S. Review: management of adjustment disorder in the deployed setting. *Mil. Med.* 2012. Vol. 177, No 9. Pp. 1022–1027. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/23025130/> (accessed: 22.11.2021).
18. Walker T. B. Physiological and psychological characteristics of successful combat controller trainees. *J. Spec. Oper. Med.* 2011. Vol. 11, No 1. Pp. 39–47. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/21455909/> (accessed: 22.11.2021).
19. Болдырев А. В., Захарова В. Г. Динамика нервно-психической устойчивости сотрудников уголовно-исполнительной системы по мере профессионализма // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. № 2(220). С. 91–98.
20. Розачева Т. В. Представления о психологической устойчивости как предпосылке психологического здоровья // Медицинская психология в России. 2014. № 4(27). URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 22.11.2021).
21. Маклаков А. Г., Чермянин С. В. Психологическое прогнозирование в экстремальных условиях деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12, Психология. Социология. Педагогика. 2009. № 4. С. 142–148.
22. Дорофеев И. И. Состояние нервной системы у военнослужащих с признаками нервно-психической неустойчивости на начальном этапе военно-профессиональной адаптации : дис. ... канд. мед. наук. СПб., 2005. 175 с.
23. Леонгард К. Акцентуированные личности. М., 2002. 448 с.
24. Бердников Д. В. Метод исследования акцентуаций свойств темперамента // Теория и практика судебной экспертизы. 2008. № 4(12). С. 168–176.
25. Сукиасян С. Г., Солдаткин В. А., Снедков Е. В., Тадевосян М. Я., Косенко В. Г. Боевое посттравматическое стрессовое расстройство: от «синдрома раздраженного сердца» до «психогенно-органического расстройства». Современные подходы // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2020. Т. 120, № 8. С. 175–182.
26. Фантина С. Г. Развитие профессиональных акцентуаций личности в сфере государственной службы : дис. ... канд. психол. наук. М., 2001. 177 с.
27. Наумова Е. И. Взаимосвязь типов акцентуаций характера с профессиональным выгоранием у сотрудников вневедомственной охраны // Современные тенденции развития науки и производства : V междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Кемерово, 2017. Т. 2. С. 204–207.
28. Лимановская А. А. Взаимосвязь акцентуаций характера и профессиональной успешности сотрудников органов внутренних дел // Психологическая студия : сб. статей. Витебск, 2012. С. 90–94.
29. Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных / под общ. ред. Ю. С. Шойгу. М., 2007. 319 с.

Поступила 10.04.2022; одобрена после рецензирования 11.07.2022; принята к публикации 30.08.2022.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

References

1. Ermolova E. O., Shamshikova O. A. The relationship of neuropsychic stability and propensity to deviant behavior in contract military servicemen. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2021. No. 4(87). Pp. 404–415. (In Russ.)
2. Pfau T. V., Kiyayeva A. A., Bozykova A. N. Neuropsychic stability as a resource for overcoming professional stress among Ministry of Internal Affairs officers. *Collection of the conference of the National Research Center Sociosphere*. 2013. No. 10. Pp. 16–19. (In Russ.)
3. Laptev R. V. Study of the neuropsychic stability of law enforcement officers. Interuniversity collection of scientific papers of students and young scholars. Kursk, 2017. Pp. 189–193. (In Russ.)
4. Lichko A. E. Types of character accentuations and psychopathy in juveniles. Moscow, 1999. 416 p. (In Russ.)
5. Vdovina E. S., Vdovina A. A. The comparative analysis of neuro-psychic resilience of the security division and guard personnel in the institutions of penitentiary system. *Bulletin of Orenburg State University*. 2009. No. 2(220). Pp. 99–106. (In Russ.)
6. Klimontova T. A. Accentuations of character, their relationship with the neuropsychic stability of the personality and dynamics among law enforcement officers in extreme situations. *Actual Problems of Law, Economics and Management*. 2006. No. 2. Pp. 142–143. (In Russ.)

7. Zhuk K. G., Maltseva T. V. Peculiarities of neuropsychic stability among law enforcement officers serving in the North Caucasus region. Law and order in the third millennium. 9th Baltic Legal Forum. Materials of the international scientific and practical conference. Kaliningrad, 2021. Pp. 126–127. (In Russ.)
8. Maltseva T. V., Zhuk K. G. Features of character accentuations among law enforcement officers of the Russian Federation serving in the North Caucasus region. Actual problems of psychological practice in power structures: professional and psychological training. Collected reports of the 5th All-Russian interdepartmental scientific and practical conference. N. Novgorod, 2020. Pp. 129–134. (In Russ.)
9. Lane M. E. Prevalence of perceived stress and mental health indicators among reserve-component and active-duty military personnel. *Am. J. Public Health*. 2012. Vol. 102, No. 6. Pp. 1213–1220. URL: <https://reachfamiliesd7.umn.edu/content/prevalence-perceived-stress-and-mental-health-indicators-among-reserve-component-and-active> (accessed: 22.11.2021).
10. Heron E. A. Military mental health: the role of daily hassles while deployed. *J. Nerv. Ment. Dis.* 2013. Vol. 201, No 12. Pp. 1035–1039.
11. Schmitz K. J. Psychiatric diagnoses and treatment of U.S. military personnel while deployed to Iraq. *Mil. Med.* 2012. Vol. 177, No. 4. Pp. 380–389. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/22594127/> (accessed: 22.11.2021).
12. Na K. S. Temperament and character of young male conscripts with adjustment disorder: a case-control study. *J. Nerv. Ment. Dis.* 2012. Vol. 200, No. 11. Pp. 973–977. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/23124182/> (accessed: 22.11.2021).
13. Kraemer W. J. Strength training for the war fighter. *J Strength Cond Res.* 2012. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/22643142/> (accessed: 22.11.2021).
14. Tornero-Aguilera J. G. Resistant and endurance high intensity interval training for combat. *Aerops Med Hum Perform.* 2019. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/30579375/> (accessed: 22.11.2021).
15. Kilen A. Distribution of concurrent training session doesn't impact endurance adaptation. *JSci med Sport.* 2020. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32998848/> (accessed: 22.11.2021).
16. Cornum R. Comprehensive soldier fitness: building resilience in a challenging institutional context. *Am Psychol.* 2011. Vol. 66, No. 1. Pp. 4–9. URL: <https://www.apa.org/pubs/journals/releases/amp-66-1-4.pdf> (accessed: 22.11.2021).
17. Fielden J. S. Review: management of adjustment disorder in the deployed setting. *Mil Med.* 2012. Vol. 177, No. 9. Pp. 1022–1027. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/23025130/> (accessed: 22.11.2021).
18. Walker T. B. Physiological and psychological characteristics of successful combat controller trainees. *J. Spec. Oper. Med.* 2011. Vol. 11, No. 1. Pp. 39–47. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/21455909/> (accessed: 22.11.2021).
19. Boldyrev A. V., Zakharova V. G. Dynamics of neuro-psyhic stability of the penitentiary officers in the course of their professionalization. *Bulletin of Orenburg State University.* 2009. No. 2(220). Pp. 91–98. (In Russ.)
20. Rogacheva T. V. Visions of psychological stability as a prerequisite for psychological health. *Medical Psychology in Russia.* 2014. No. 4(27). URL: <http://mprj.ru> (accessed: 07.06.2021). (In Russ.)
21. Maklakov A. G., Chermynanin S. V. Psychological prognosis in extreme working conditions. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy.* 2009. No. 4. Pp. 142–148. (In Russ.)
22. Dorofeev I. I. The state of the nervous system in military personnel with signs of neuro-psyhic instability at the initial stage of military professional adaptation. Candidate of sciences dissertation (in Medicine). St. Petersburg, 2005. 175 p. (In Russ.)
23. Leonhard K. Accentuated personalities. Moscow, 2002. 448 p. (In Russ.)
24. Berdnikov D. V. A method for studying the accentuations of temperament properties. *Theory and Practice of Forensic Science.* 2008. Vol. 12, No. 4. Pp. 168–176. (In Russ.)
25. Sukiasyan S. G., Soldatkin V. A., Snedkov E. V., Tadevosyan M. Ya., Kosenko V. G. Combat-related posttraumatic stress disorder: from «irritable heart syndrome» to «psycho-organic disorder». Contemporary approaches. *S. S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry.* 2020. Vol. 120, No. 8. Pp. 175–182. (In Russ.)
26. Fantina S. G. The development of professional personality accentuations in the sphere of public service. Candidate of sciences dissertation (in Psychology). Moscow, 2001. 177 p. (In Russ.)
27. Naumova E. I. Interrelation of types of character accentuations with professional burnout among employees of non-departmental security. Modern trends in the development of science and production. 5th International Scientific and Practical Conference. In two volumes. Kemerovo, 2017. Pp. 204–207. (In Russ.)
28. Limanovskaya A. A. Relationship between accentuations of character and professional success of law enforcement officers. Psychological Studio. Collected articles. Vitebsk, 2012. Pp. 90–94. (In Russ.)
29. Psychology of extreme situations for rescuers and firefighters. Ed. by Shoigu Yu. S. Moscow, 2007. 319 p. (In Russ.)

Submitted 10.04.2022; approved after reviewing: 11.07.2022; accepted for publication: 30.08.2022.

All the authors have made an equal contribution to the publication.

The authors declare that there is no conflict of interest.

Научно-практическая статья

УДК 378.14 © Е. О. Евтихов, А. А. Бекк, Л. Н. Антилогова, 2022

doi: 10.24412/1999-6241-2022-491-387-394

5.8.7 Методология и технология профессионального образования

5.3.5 Социальная психология, политическая и экономическая психология

Профессионально важные качества в структуре профессионально-управленческой компетентности руководителей подразделений органов внутренних дел

Олег Владимирович Евтихов¹, кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин; evtikhov2003@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9899-6947>

Александр Андреевич Бекк¹, заместитель начальника отдела морально-психологического обеспечения — начальник отделения (отделение психологической работы); bekk.79@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6678-191X>

Лариса Николаевна Антилогова², доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и педагогической психологии; Antilogova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0000-5940-4372>

¹ Сибирский юридический институт МВД России, 660131, Красноярск, ул. Рокоссовского, 20, Россия

² Омский государственный педагогический университет, Омск, 644099, наб. Тухачевского, 14, Россия

Реферат

Введение. Проблеме формирования профессионально-управленческой компетентности руководителей подразделений органов внутренних дел в настоящее время уделяется особое внимание. Соответствующая работа осуществляется как в системе переподготовки и повышения квалификации руководителей в образовательных организациях МВД России, так и при проведении занятий по соответствующей тематике в рамках служебной и морально-психологической подготовки с руководящим составом. Однако для эффективной организации данных занятий необходима конкретизация профессионально важных качеств в структуре профессионально-управленческой компетентности руководителей. Целью данного исследования являлось определение основных профессионально важных управленческих качеств руководителей подразделений органов внутренних дел, а также актуальных знаний и способностей, необходимых для результативности выполнения ими управленческих функций.

Материалы и методы. Достижение поставленной цели осуществлялось посредством методов анализа документов, научной литературы, а также экспертной оценки руководителей подразделений органов внутренних дел. **Результаты и обсуждение.** На основе проведенного исследования уточнена структура профессионально-управленческой компетентности руководителя подразделения органов внутренних дел в части конкретизации профессионально важных управленческих качеств, а также актуальных профессиональных знаний и способностей, необходимых руководителю для результативности управленческой деятельности. Полученные результаты исследования могут использоваться в качестве ориентиров при организации занятий по профессионально-управленческой подготовке руководителей подразделений, а также для разработки соответствующих учебно-методических материалов. **Выводы.** Выявлена динамика развития профессионально важных качеств и востребованности профессиональных знаний и способностей руководителей в зависимости от продолжительности (опыта) их профессионально-управленческой деятельности, которую целесообразно учитывать в процессе профессионально-управленческой подготовки руководителей подразделений органов внутренних дел.

Ключевые слова: образовательная организация; МВД России; органы внутренних дел; профессионально-управленческая компетентность; руководители подразделений

Для цитирования: Евтихов О. В., Бекк А. А., Антилогова Л. Н. Профессионально важные качества в структуре профессионально-управленческой компетентности руководителей подразделений органов внутренних дел // Психопедagogика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 4(91). С. 387–394. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-491-387-394>

Scientific and Practical Article

UDC 378.14 © O. V. Evtikhov, A. A. Bekk, L. N. Antilogova, 2022

doi: 10.24412/1999-6241-2022-491-387-394

5.8.7 Methodology and Technology of Professional Education

5.3.5 Social Psychology, Political and Economic Psychology

Professionally Important Qualities in the Structure of Professional and Administrative Competence of Law Enforcement Divisions' Chiefs

Oleg V. Evtikhov¹, Candidate of Sciences (in Psychology), Associate-Professor (rank), chief of the chair of Humanities and Socio-Economic disciplines; evtikhov2003@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9899-6947>

Alexander A. Bekk¹, deputy-chief of the Department of Moral Psychological Maintenance, chief of the Psychology Division; bekk.79@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6678-191X>

Larisa N. Antilogova², Doctor of Sciences (in Psychology), Professor, head of the chair of General and Pedagogical Psychology; Antilogova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0000-5940-4372>

¹ the Siberian Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, 20, Rokossovsky st., Krasnoyarsk, 660131, Russia

² Omsk State Pedagogical University, 14, Tukhachevsky embk., Omsk, 644099, Russia

Abstract

Introduction. The problem of the formation of professional and administrative competence of chief law enforcement officers is currently given special consideration. Relevant work is carried out both in the system of retraining and advanced training of chiefs in educational organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs and in conducting classes on relevant topics as part of service and moral and psychological training with management staff. However, for the effective organization of these classes, it is necessary to specify professionally important qualities in the structure of professional and managerial competence of the chiefs. The purpose of this study was to determine the main professionally important managerial qualities of the chiefs of law enforcement divisions, as well as the relevant knowledge and abilities necessary for the effectiveness of their management functions. **Materials and Methods.** The achievement of the goal was carried out through the methods of analysis of documents, scientific literature, as well as an expert assessment of the chiefs of law enforcement divisions. **Results and Discussion.** On the basis of the study, the structure of the professional and managerial competence of the chief of the law enforcement divisions was clarified in terms of specifying professionally important managerial qualities, as well as relevant professional knowledge and abilities necessary for the chief to be effective in managerial activities. The results obtained can be used as guidelines for organizing professional and managerial training for chiefs of the divisions, as well as for developing appropriate educational and methodological materials. **Conclusions.** The authors reveal the dynamics of the development of professionally important qualities and the demand for professional knowledge and abilities of chiefs depending on the duration (experience) of their professional and managerial activities, which should be taken into account in the process of professional and managerial training of chief law enforcement officers.

Keywords: educational organization; the Russian Ministry of Internal Affairs; law enforcement agencies; professional and managerial competence; chiefs of the divisions

Citation: Evtikhov O. V., Bekk A. A., Antilogova L. N. Professionally Important Qualities in the Structure of Professional and Administrative Competence of Law Enforcement Divisions' Chiefs. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27, No. 4(91). Pp. 387–394. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-491-387-394>

Основные положения

1. В структуре профессионально-управленческой компетентности руководителя подразделения органов внутренних дел нами выделяются две базовые составляющие: а) профессиональные компетенции — требования, которые предъявляются к руководителю в соответствии с содержанием и спецификой профессионально-управленческой деятельности; б) профессионально-психологические характеристики — профессионально важные управленческие качества и управленческий опыт руководителя, обеспечивающие результативность его профессионально-управленческой деятельности.

2. В блоке профессиональных компетенций руководителя нами выделены: а) когнитивный компонент, представляющий собой совокупность знаний, которые исходя из области их применения могут быть условно разделены на знания специфики управленческой деятельности в органах внутренних дел и знания психологических основ управленческой деятельности руководителя; б) функционально-управленческий компонент, подразумевающий способности результативно осуществлять управленческие функции в профессиональной деятельности.

3. Существует динамика развития у руководителей подразделений органов внутренних дел профессионально важных качеств, а также востребованности профессиональных знаний и способностей в зависимости от продолжительности (опыта) их профессионально-управленческой деятельности, ко-

торую необходимо учитывать в процессе организации профессионально-управленческой подготовки руководителей.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Формированию профессионально-управленческой компетентности руководителей подразделений в органах внутренних дел уделяется особое внимание. Повышение профессионально-управленческой компетентности осуществляется в системе переподготовки и повышения квалификации руководителей, а также проведения занятий по соответствующей тематике в рамках служебной подготовки, учебно-методических сборов руководящего состава и др. При этом практика проведения занятий на курсах повышения квалификации показала, что руководителям нередко недостает фундаментальных знаний в области методологии и психологии управления, а совершенствование профессионализма, основанного только на профессиональной интуиции, обычно малоэффективно [1]. Это обуславливает необходимость разработки учебно-методического обеспечения, направленного на совершенствование профессионально-управленческой подготовки руководителей подразделений органов внутренних дел. Для этого следует уточнить структуру и содержание профессионально-управленческой компетентности руководителя в части определения перечня профессионально важных качеств, а также актуальных профессиональных знаний и способностей, обеспечивающих результативность управленческой деятельности.

Теоретические предпосылки и состояние проблемы. Анализ результатов научных исследований, проводимых иными образовательными организациями, показал, что вопросы формирования разных видов компетентности и профессиональных качеств сотрудников правоохранительных органов неоднократно становились их объектом. Так, В. Я. Кикоть разрабатывал систему научного обеспечения управленческой подготовки слушателей вузов МВД России [2]; Т. Ю. Коновалова анализировала социально-психологическую компетентность руководителей отделов внутренних дел и методы ее развития [3]; А. В. Кайдаш — психологические особенности профессиональной компетентности сотрудников правоохранительных органов [4]; К. В. Щербаков — развития управленческой деятельности руководителей органов внутренних дел в системе повышения квалификации [5]; Н. Г. Тарасов, В. А. Морозов, Б. А. Федулов — формирования управленческой компетентности сотрудников полиции в процессе профессиональной подготовки [6] и др.

К настоящему времени имеется значительный опыт изучения психологических аспектов управленческой деятельности в органах внутренних дел (В. В. Вахнина [7], А. Г. Караяни [8], И. О. Котенев [9], В. Л. Кубышко [10–12], А. Д. Лазукин [13], М. И. Марьин [14], В. Е. Петров [14], В. И. Реутова [15], Н. В. Сердюк [16], А. Д. Сафронов [14], А. А. Федотов [13] и др.).

Таким образом, накоплен обширный теоретический и эмпирический материал в области профессиональной подготовки и формирования профессиональной компетентности специалистов, в том числе профессионально-управленческой подготовки руководителей. Однако можно констатировать, что структура и компоненты профессионально-управленческой компетентности руководителей подразделений правоохранительных органов, включая профессионально важные качества, а также актуальные профессиональные знания и способности, обеспечивающие результативность управленческой деятельности, исследовались в недостаточной степени и требуют дальнейшего изучения. Под профессионально-управленческой компетентностью понимается обобщенное личностное образование, охватывающее владение руководителем сформированными компетенциями, а также обладание развитыми профессионально важными личностными качествами и профессионально-управленческим опытом, обеспечивающими результативность управленческой деятельности [17].

Материалы и методы

Исследование строилось на основе методов анализа документов и экспертной оценки и состояло из двух этапов.

На первом этапе проанализированы требования, которые предъявляются к руководителю в соответствии с содержанием и спецификой профессионально-управленческой деятельности. В частности, рассмотрены квалификационные требования к профессиональным компетенциям руководителей различного уровня в органах внутренних дел, определенные приказом МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации». Изучены образовательные программы образовательных организаций, находящихся в ведении МВД России, в частности по подготовке руководящего звена органов внутренних дел по программам высшего образования, а именно программы магистратуры, реализуемые в очной и заочной формах Академией управления МВД России, а также образовательные программы подготовки специалистов по направлению 38.04.02 Менеджмент, 38.04.04 Государственное и муниципальное управление.

На втором этапе в рамках дальнейшего изучения содержательного наполнения профессионально-управленческой компетентности руководителя проведено эмпирическое исследование, целью которого явилось уточнение актуальных профессиональных знаний и способностей, а также профессионально важных качеств руководителя подразделения органов внутренних дел, обеспечивающих результативность его управленческой деятельности. Для этого на основе анализа компетенций, определяющих требования к профессиональной подготовке обучающихся по направлению 38.04.02 Менеджмент, квалификационных требований для сотрудников, замещающих должности руководителей (начальников), а также анализа специфики управленческой деятельности руководителей подразделений правоохранительных органов составлены перечни профессионально важных управленческих качеств, а также знаний и способностей. Руководителям подразделений территориальных органов внутренних дел было предложено оценить указанные качества, а также знания и способности по степени их значимости в управленческой деятельности руководителя.

Всего в опросе приняло участие 449 руководителей подразделений органов ГУ МВД России по Красноярскому краю, по Волгоградской, Новосибирской, Свердловской областям, по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, МВД по республикам Тыва, Хакасия, Алтай, Мордовия, Карачаево-Черкесской и Чувашской республикам, УМВД России по Тверской, Сахалинской и Магаданской областям, Забайкальскому, Камчатскому и Приморскому краям*.

Среди респондентов было 305 мужчин (68%) и 144 женщины (32%); 13 человек, или 3%, достиг-

* Социально-психологические основы формирования профессионально-управленческой компетентности руководителя подразделения правоохранительных органов: отчет о НИР / рук. авт. кол. О. В. Евтихов; исп.: А. Г. Калугин, А. В. Жильцов [и др.]. Красноярск, 2021. 41 с.

ли возраста 25–30 лет; 238 (53%) — 31–40 лет; 198 (44%) — 40 лет и более. К категории младшего начальствующего состава относилось 5 испытуемых (1%); среднего начальствующего состава — 112 (25%); старшего начальствующего состава — 198 (44%). Опыт управленческой деятельности имели менее года 23 испытуемых (5%); от 1 до 4 лет — 136 (30%); от 5 до 9 лет — 172 (38%); более 10 лет — 118 (26%).

Результаты и обсуждение

Структура профессионально-управленческой компетентности руководителя. Для решения задачи уточнения структуры профессионально-управленческой компетентности руководителя проанализирована специфика управленческой деятельности руководителей подразделений органов внутренних дел, охарактеризованы общие закономерности процесса управления, особенности социального управления, место управления в правоохранительных органах в общей теории управления, средства (методы) управленческого воздействия руководителя на подчиненных сотрудников и др.

На основе проведенного анализа специфики управленческой деятельности руководителей подразделений органов внутренних дел, а также анализа научных работ, описывающих структуру профессиональной компетентности различных специалистов (В. И. Байденко [18], В. В. Вахнина [7], И. А. Зимняя [19], И. О. Котенев [9], В. Л. Кубышко [12], А. К. Маркова [20], М. И. Марьин [14], Н. Г. Тарасов [6], С. А. Хазова [21]), представлена структура профессионально-управленческой компетентности руководителя подразделения правоохранительных органов, в которой выделены две базовые составляющие:

а) профессиональные компетенции — требования, которые предъявляются к руководителю в соответствии с содержанием и спецификой профессионально-управленческой деятельности;

б) профессионально-психологические характеристики — профессионально важные управленческие качества и управленческий опыт руководителя, обеспечивающие результативность его профессионально-управленческой деятельности.

Схематически компоненты структуры профессионально-управленческой компетентности руководителя представлены на рис. 1.

Профессионально важные управленческие знания и способности руководителя. Полученные данные второго этапа исследования были проанализированы отдельно для руководителей с начальным опытом управленческой деятельности (до 5 лет) и руководителей, имеющих значительный опыт управленческой деятельности (более 10 лет).

Результаты исследования показали, что для руководителей с опытом управленческой деятельности до 5 лет более актуальны первоначальные

Рис. 1. Компоненты структуры профессионально-управленческой компетентности руководителя [18]
(Fig 1. Components of the structure of professional and managerial competence of a chief [18])

функционально-управленческие знания, непосредственно направленные на управление служебным коллективом: мотивационных теорий; преимуществ и недостатков применения различных стилей руководства; социально-психологических особенностей функционирования служебных коллективов; стилевых особенностей поведения в конфликтных ситуациях, которые заняли первые 4 ранговых места.

Для руководителей со значительным опытом (более 10 лет), кроме функционально-управленческих знаний, также на первые ранговые места по актуальности выходят знания, обеспечивающие взаимодействие во внешних инстанциях: особенностей подготовки и проведения публичного выступления в профессиональной деятельности руководителя; структуры и особенностей профессионального общения и взаимодействия руководителя с различными категориями граждан, что, вероятно, связано с нахождением их на более высоких управленческих должностях [22].

Наблюдаются различия и в выборе наиболее значимых профессионально-управленческих способностей руководителей. В частности, для руководителей с начальным опытом управленческой деятельности более актуальны способности рационально распределять обязанности подчиненных; мотивировать подчиненных; разрешать конфликтные ситуации в подразделении; формировать благоприятный психологический климат в подразделении.

Для руководителей второй группы первые ранговые места заняли способности добиваться от подчиненных решения поставленных задач; разрешать конфликтные ситуации в подразделении; владеть мастерством публичного выступления; рационально распределять обязанности подчиненных.

Интересно смещение мотивационного компонента в профессиональной деятельности руководителей. Так, у начинающих руководителей «способность мотивировать подчиненных» занимает 2-е ранговое место по актуальности. У более опытных руководителей она

Таблица 1. Ранговое распределение профессионально важных управленческих знаний и способностей руководителя подразделения органов внутренних дел

(Table 1. Ranking of professionally important managerial knowledge and abilities of the chief of a law enforcement division)

Профессионально важные управленческие знания и способности руководителя подразделения	Ранговое место	
	опыт рук-ля до 5 лет	опыт рук-ля более 10 лет
Профессиональные знания		
Специфика управленческой деятельности в органах внутренних дел	9	9
Функции управления применительно к профессиональной деятельности руководителя подразделения	5	7
Принципы управленческой деятельности руководителя	8	8
Мотивационные теории и их применимость в разных ситуациях управленческой деятельности руководителя	1	6
Социально-психологические особенности функционирования служебных коллективов	3	4
Преимущества и недостатки применения различных стилей руководства в разных управленческих ситуациях	2	1
Факторы, влияющие на формирование психологического климата в подразделении	7	5
Структура и особенности профессионального общения и взаимодействия руководителя с различными категориями граждан	5	3
Особенности подготовки и проведения публичного выступления в профессиональной деятельности руководителя	6	2
Стилевые особенности поведения в конфликтных ситуациях, преимущества и ограничения их применения в ситуациях профессионального взаимодействия руководителя	4	10
Профессиональные способности		
Определять приоритеты в деятельности подчиненных	5	8
Рационально распределять обязанности подчиненных	1	4
Мотивировать подчиненных	2	5
Контролировать результаты совместной деятельности сотрудников	10	10
Формировать благоприятный психологический климат в подразделении	4	7
Отстаивать интересы коллектива во внешних инстанциях	9	9
Разрешать конфликтные ситуации в подразделении	3	2
Требовательность к подчиненным, способность добиваться решения задач, поставленных перед подчиненными	6	1
Эмоциональная устойчивость руководителя, способность управлять собственными эмоциями	7	6
Мастерство публичного выступления руководителя	8	3

смещается на 5-е ранговое место. В то же время на первое ранговое место выходит «требовательность к подчиненным, способность добиваться решения поставленных перед подчиненными задач». Это указывает на значительное усиление авторитарной составляющей в деятельности руководителей по мере повышения их управленческого стажа.

Данные рангового распределения профессионально важных управленческих знаний и способностей руководителя подразделения органов внутренних дел приведены в таблице 1.

Профессионально важные управленческие качества руководителя. При разработке опросника оценки профессионально важных управленческих качеств руководителя на втором этапе исследования проанализированы научные работы в области исследования управленческих качеств, в том числе лидерских (А. Лоутон и Э. Роуз [23]; В. Bass [24]; W. Bennis [25]; В. Nanus [26]; М. DePree [27]; J. O'Toole [28]).

На основе проведенного анализа составлена обобщенная структура профессионально важных управленческих качеств руководителя подразделения, в которую вошли 22 качества, разделенные по следующим блокам: личностные, когнитивные, социально-поведенческие и организационно-управленческие. Данные рангового распределения профессионально важных управленческих качеств подразделения органов внутренних дел приведены в таблице 2.

Вызывают интерес выявленные различия в блоке организационно-управленческих профессионально важных качеств руководителя. Так, для руководителей с начальным опытом управленческой деятельности такое качество, как «лидерский потенциал (способность организовать группу и «повести за собой»)», занимает 3-е ранговое место. Для руководителей с опытом управленческой деятельности более 10 лет это качество смещается на 5-е ранговое место по актуальности. На наш взгляд, это может быть связано как с повышением лидерского потенциала руководителей с опытом управленческой деятельности, так и с замещением лидерского потенциала авторитарной составляющей.

В то же время для руководителей со значительным опытом управленческой деятельности на 1-е ранговое место выходит качество «дальновидность (умение видеть перспективы и определять приоритеты)», которое руководителями с начальным опытом управленческой деятельности определяется только на 4-м ранговом месте по актуальности. Это может объясняться тем, что более опытные руководители чаще занимают и более высокие управленческие должности [22].

Полученные данные позволяют уточнить актуальные профессиональные знания и способности, а также профессионально важные управленческие качества, необходимые руководителю для результативной управленческой деятельности и могут исполь-

Таблица 2. Ранговое распределение профессионально важных управленческих качеств руководителя подразделения органов внутренних дел

(Table 2. Ranking of professionally important managerial qualities of the chief of a law enforcement division)

Профессионально важные управленческие качества руководителя подразделения	Ранговое место	
	опыт рук-ля до 5 лет	опыт рук-ля более 10 лет
Личностные качества		
Моральная нормативность (установка на соблюдение законности и служебной дисциплины, ответственность, честность, порядочность)	1	1
Уверенность в себе	2	4
Решительность (разумная склонность к риску)	7	7
Инициативность	6	6
Исполнительность	3	2
Способность к саморегуляции психоэмоционального состояния	5	3
Мотивационная готовность к управленческой деятельности	4	5
Когнитивные качества		
Гибкость, нестандартность мышления, способность к творческому решению профессиональных задач	5	4
Способности к обобщению, анализу, рефлексии, индукции и дедукции	3	2
Способность к быстрому и точному восприятию зрительной информации (деталей), выявлению сходства и различий	2	3
Прогностичность мышления (умение планировать, прогнозировать развитие ситуации)	1	1
«Канцелярские способности» (способности к длительной и продуктивной работе с документами)	4	5
Социально-поведенческие качества		
Адаптационный потенциал (способность адаптироваться к изменяющимся условиям жизнедеятельности и профессионального взаимодействия)	4	3
Коммуникативная компетентность (способность устанавливать психологический контакт, коммуникативная компетентность в профессиональном общении)	2	1
Конфликтная компетентность (способность к конструктивному разрешению конфликтных ситуаций в профессиональной деятельности)	1	2
Социальная толерантность (терпимость к людям, способность к принятию, правильному пониманию и уважению других культур)	3	4
Эмпатия (способность сопереживать другим людям, понимать их чувства)	5	5
Организационно-управленческие качества		
Дальновидность (умение видеть перспективы и определять приоритеты)	4	1
Организаторские способности (способность организовывать деятельность подчиненных, мотивировать сотрудников, контролировать результаты совместной деятельности)	1	3
Требовательность к подчиненным (способность добиваться решения поставленных задач)	2	2
Стойкость, решительность, твердость (способность отстаивать интересы коллектива во внешних инстанциях)	5	4
Лидерский потенциал (способность организовать группу и «повести за собой»)	3	5

зоваться при формировании актуальной тематики и разработки соответствующего учебно-методического обеспечения, направленных на совершенствование профессионально-управленческой подготовки руководителей подразделений органов внутренних дел.

Таким образом, процесс формирования профессионально-управленческой компетентности руководителя подразделения органов внутренних дел является непрерывающимся на протяжении всего периода его управленческой деятельности и требует соответствующего профессионального психолого-педагогического сопровождения. При этом в ходе организации профессионально-управленческой подготовки руководителей подразделений органов внутренних дел необходимо учитывать динамику формирования у них профессионально важных качеств, а также востребованности профессиональных знаний и способностей в зависимости от продолжительности (опыта) их профессионально-управленческой деятельности.

Следует отметить также, что результаты эмпирического исследования профессионально важных управленческих качеств, полученных при опросе в разных территориальных органах, выявили различие актуальных знаний и способностей, необходимых руководителям подразделений. Возможно, это связано с различными уровнями развития служебных коллективов, особенностями сложившихся взаимоотношений в подразделениях, с тематикой занятий, проводимых ранее в рамках служебной подготовки с руководителями подразделений, и др. Соответственно, предложенный обобщенный перечень профессионально важных управленческих качеств можно (и нужно) уточнять в подразделениях территориальных органов с использованием методики экспертного опроса, предложенной в данном исследовании.

Выводы

1. Профессионально-управленческая компетентность — обобщенное личностное образование, включающее в себе владение руководителем сформирован-

ными компетенциями, а также обладание развитыми профессионально важными личностными качествами и профессионально-управленческим опытом, обеспечивающими результативность управленческой деятельности.

2. По результатам исследования получены ранговые распределения профессионально важных управленческих качеств, знаний и способностей руководителя подразделения органов внутренних дел в зависимости от опыта их управленческой деятельности.

3. В процессе организации профессионально-управленческой подготовки руководителей подразделений органов внутренних дел необходимо учиты-

вать динамику формирования у них профессионально важных качеств, а также востребованности профессиональных знаний и способностей в зависимости от продолжительности (опыта) их профессионально-управленческой деятельности.

Перспективы. Дальнейшее формирование профессионально-управленческой компетентности руководителей будет связано с разработкой соответствующих учебно-методических материалов, адаптированных к специфике профессионально-управленческой деятельности руководителей различных подразделений органов внутренних дел, а также имеющемуся у них профессионально-управленческому опыту.

Список источников

1. Евтихов О. В. Управление персоналом организации : учеб. пособие. М., 2019. 297 с.
2. Кикоть В. Я. Система научного обеспечения управленческой подготовки слушателей вузов МВД России : автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 1998. 21 с.
3. Коновалова Т. Ю. Социально-психологическая компетентность руководителей отделов внутренних дел и методы ее развития : дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. 160 с.
4. Кайдаш А. В. Психологические особенности профессиональной компетентности сотрудников правоохранительных органов : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Сочи, 2006. 20 с.
5. Щербаков К. В. Развитие управленческой деятельности руководителей органов внутренних дел в системе повышения квалификации : дис. ... канд. пед. наук. Барнаул, 2008. 174 с.
6. Тарасов Н. Г., Морозов В. А., Федулов Б. А. Формирование управленческой компетентности сотрудников полиции в процессе профессиональной подготовки : монография. Барнаул, 2016. 196 с.
7. Вахнина В. В. Требования профессиональной деятельности в современных условиях к профессионально важным качествам следователя // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 7. С. 326–332.
8. Караяни А. Г. Военная психология. М., 2018. 218 с.
9. Котенев И. О. Формирование лидерских компетенций в профессиональной подготовке руководящего состава полиции (зарубежный опыт) // Труды Академии управления МВД России. 2011. № 2(18). С. 86–91.
10. Кубышко В. Л. Ведомственная профессионально-практическая психология в контексте 300-летия российской полиции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2(74). С. 8–13.
11. Кубышко В. Л. О практико-ориентированном профессиональном обучении в вузе МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 4(51). С. 72–73.
12. Кубышко В. Л. Совершенствование психологической работы в системе морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности личного состава органов внутренних дел // Национальный психологический журнал. 2017. № 4(28). С. 95–103.
13. Лазукин А. Д., Федотов А. А. Развитие теории и практики воспитания сотрудников органов внутренних дел : монография. М., 2014. 148 с.
14. Марьин М. И., Петров В. Е., Сафронов А. Д. Психологическая подготовка сотрудников полиции к профессиональной деятельности : учеб.-метод. пособие. Домодедово, 2014. 156 с.
15. Реутова В. И. Психологическая диагностика в прогнозировании профессиональной успешности руководителей органов внутренних дел : дис. ... канд. психол. наук. М., 2020. 199 с.
16. Сердюк Н. В. Педагогическая герменевтика как детерминанта профессиональной подготовки руководителей органов внутренних дел // Национальный психологический журнал. 2020. Т. 1, № 1(37). С. 107–114.
17. Евтихов О. В. Развитие лидерского потенциала руководителя : монография. М., 2020. 198 с.
18. Байденко В. И. Компетенции в профессиональном образовании (к освоению компетентностного подхода) // Высшее образование в России. 2004. № 11. С. 24–29.
19. Зимняя И. А. Общая культура и социально-профессиональная компетентность человека // Высшее образование сегодня. 2005. № 10. С. 14–20.
20. Маркова А. К. Психология профессионализма. М., 1996. 308 с.
21. Хазова С. А. Компетентность конкурентоспособного специалиста по физической культуре и спорту. М., 2010. 91 с.
22. Евтихов О. В., Бекк А. А., Поршук А. С. Профессионально важные управленческие качества, знания и способности руководителей подразделений правоохранительных органов // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : XXIV междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 2022. С. 210–217.
23. Лоутон А., Роуз Э. Организация и управление в государственных учреждениях. М., 1993. 218 с.
24. Bass B. Stogdill's Handbook of Leadership. N. Y., 1981. Pp. 43–581.
25. Bennis W. On Becoming a Leader. N. Y., 1994. Pp. 217–220.
26. Nanus B. The Leader's Edge: The Seven Keys to Leadership in a Turbulent World. N. Y., 1989. 215 p.

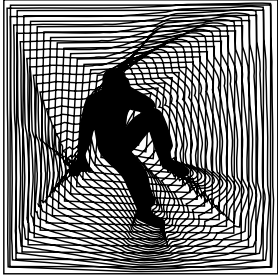
27. DePree M. Leadership Jazz: The Art of Conducting Business through Leadership, Followership, Teamwork, Touch, Voice. N. Y., 1993. Pp. 222–225.
28. O'Toole J. Leading Change: The Argument for Values-Based Leadership. N. Y., 1996. Pp. 23–28.

*Поступила 26.05.2022; одобрена после рецензирования 10.06.2022; принята к публикации 30.06.2022.
Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.*

References

1. Evtikhov O. V. Organization personnel management. Textbook. Moscow, 2019. 297 p. (In Russ.)
2. Kikot' V. Ya. The system of scientific support for managerial training of students of universities of the Russian Ministry of Internal Affairs. Extended abstract of Candidate of sciences dissertation (in Pedagogy). St. Petersburg, 1998. 21 p. (In Russ.)
3. Konovalova T. Yu. Social psychological competence of chief law enforcement officers and methods of its development. Candidate of sciences dissertation (in Psychology). Moscow, 2004. 160 p. (In Russ.)
4. Kaydash A. V. Psychological peculiarities of professional competence of law enforcement officers. Extended abstract of Candidate of sciences dissertation (in Psychology). Sochi, 2006. 20 p. (In Russ.)
5. Shcherbakov K. V. Development of chief law enforcement officers' management activity in the system of advanced training. Candidate of sciences dissertation (in Pedagogy). Barnaul, 2008. 174 p. (In Russ.)
6. Tarasov N. G., Morozov V. A., Fedulov B. A. Formation of police officers' management competence in the process of professional training. Monograph. Barnaul, 2016. 196 p. (In Russ.)
7. Vakhnina V. V. Requirements of professional activity to professionally important qualities of an investigator under modern conditions. *Bulletin of the Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs*. 2019. No. 7. Pp. 326–332. (In Russ.)
8. Karayani A. G. Military psychology. Moscow, 2018. 218 p. (In Russ.)
9. Kotenev I. O. Formation of leadership competencies in professional training of chief police officers (foreign experience). *Proceedings of Academy of Management of the Russian Ministry of Internal Affairs*. 2011. No. 2(18). Pp. 86–91. (In Russ.)
10. Kubyshko V. L. Departmental professional practical psychology in the context of 300th anniversary of Russian police. *Bulletin of the St. Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs*. 2017. No. 2(74). Pp. 8–13. (In Russ.)
11. Kubyshko V. L. On practice-focused professional learning at university of the Russian Ministry of Internal Affairs. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2012. No. 4(51). Pp. 72–73. (In Russ.)
12. Kubyshko V. L. Improvement of psychological work in the system of moral and psychological support of law enforcement officers' operative activity. *National Psychological Journal*. 2017. No. 4(28). Pp. 95–103. (In Russ.)
13. Lazukin A. D., Fedotov A. A. Development of theory and practice of law enforcement officers' education. Monograph. Moscow, 2014. 148 p. (In Russ.)
14. Maryin M. I., Petrov V. E., Safronov A. D. Psychological preparation of police officers for professional activity. Domodedovo, 2014. 156 p. (In Russ.)
15. Reutova V. I. Psychological diagnostics in forecasting chief police officers' professional success. Candidate of sciences dissertation (in Psychology). Moscow, 2020. 199 p. (In Russ.)
16. Serdyuk N. V. Pedagogical hermeneutics as the determinant of chief law enforcement officers' professional training. *National Psychological Journal*. 2020. Vol. 1, No. 1(37). Pp. 107–114. (In Russ.)
17. Evtikhov O. V. Development of chief's leadership potential. Monograph. Moscow, 2020. 198 p. (In Russ.)
18. Baydenko V. I. Competencies in professional education (to the mastering of the competence-based approach). *Higher Education in Russia*. 2004. No. 11. Pp. 24–29. (In Russ.)
19. Zimnyaya I. A. General culture and social professional competence of a person. *Higher Education Today*. 2005. No. 10. Pp. 14–20. (In Russ.)
20. Markova A. K. Psychology of professionalism. Moscow, 1996. 308 p. (In Russ.)
21. Khazova S. A. Competence of a competitive specialist in physical culture and sport. Moscow, 2010. 91 p. (In Russ.)
22. Evtikhov O. V., Bekk A. A., Porshukov A. S. Professionally important qualities, knowledge and abilities of the chiefs of law enforcement divisions. Relevant problems of fighting crime: issues of theory and practice. 24th international scientific and practical conference. Krasnoyarsk, 2022. Pp. 210–217. (In Russ.)
23. Lawton A., Rose A. Organization and management in the public sector. Moscow, 1993. 218 p. (In Russ.)
24. Bass B. Stogdill's Handbook of Leadership. N. Y., 1981. Pp. 43–581.
25. Bennis W. On Becoming a Leader. N. Y., 1994. Pp. 217–220.
26. Nanus B. The Leader's Edge: The Seven Keys to Leadership in a Turbulent World. N. Y., 1989. 215 p.
27. DePree M. Leadership Jazz: The Art of Conducting Business through Leadership, Followership, Teamwork, Touch, Voice. N. Y., 1993. Pp. 222–225.
28. O'Toole J. Leading Change: The Argument for Values-Based Leadership. N. Y., 1996. Pp. 23–28.

*Submitted 26.05.2022; approved after reviewing: 10.06.2022; accepted for publication: 30.06.2022.
All the authors have made an equal contribution to the publication.
The authors declare that there is no conflict of interest.*

Психолого-педагогические аспекты становления и развития личности

Psychological and pedagogical aspects of personality formation and development

Научно-практическая статья

УДК 159.9.072 © Е. В. Костина, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-491-395-402

5.3.3 Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика

Взаимосвязь доверия и текучести кадров в образовательных организациях МВД России

Елена Викторовна Костина¹, начальник отдела психологической работы управления по работе с личным составом; kasatka1317@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9741-1089>

¹ *Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 117997, Москва, ул. Академика Волгина, 12, Россия*

Реферат

Введение. Изучены доверие и его влияние на прогнозируемую вероятность увольнения курсантов и слушателей из образовательной организации МВД России. Цель — выявление роли доверия в оценке текучести кадров в образовательных организациях МВД России. **Материалы и методы.** Исследование проведено в период с 2019 г. по 2021 г. с участием 7958 курсантов и слушателей 2–5 курсов различных подразделений образовательной организации МВД России. Выборка составила в 2019 г. 2342 сотрудника, в 2020 г. — 2524, в 2021 г. — 3092. Использовался метод письменного анонимного опроса с помощью Анкеты для оценки морально-психологического состояния подразделения, утвержденной Реестром методик и программ психологической работы, применяемых психологами подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел Российской Федерации (2022). **Результаты и обсуждение.** Получены данные оценки уровня доверия коллегам и руководителям курсантов и слушателей и предполагаемого кадрового оттока. Курсанты и слушатели оценили уровень своего доверия коллегам и руководителям, перспективы своей профессиональной деятельности в ОВД, связанной с дальнейшими планами. Отражена структура взаимосвязи доверия и текучести кадров. **Выводы.** Уровень доверия курсантов и слушателей образовательной организации МВД России является одним из факторов текучести кадров, позволяющим прогнозировать вероятные установки на прекращение обучения и службы в органах внутренних дел. Выявленная стабильность уровня доверия курсантов и слушателей коллегам и руководителям позволяет прогнозировать отток кадров на уровне 2–4%. Низкий уровень доверия курсантов и слушателей выявлен в подразделениях с высокой текучестью кадров, что подтверждает предположение о взаимосвязи доверия и текучести кадров в образовательных организациях МВД России и должно быть учтено при разработке программы психологической профилактики текучести кадров в образовательных организациях МВД России.

Ключевые слова: доверие; уровень доверия; текучесть кадров; организационная культура; управление персоналом; общественные отношения; прогностический потенциал; дивиденды доверия; профилактика текучести кадров

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю профессору кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктору психологических наук В. С. Агапову.

Для цитирования: Костина Е. В. Взаимосвязь доверия и текучести кадров в образовательных организациях МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 4(91). С. 395–402. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-491-395-402>

Scientific and Practical Article

UDC 159.9.072 © E. V. Kostina, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-491-395-402

5.3.3 Psychology of Labour, Engineering Psychology, Cognitive Ergonomics

The Relationship between Trust and Personnel Turnover in Educational Organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs

Elena V. Kostina¹, chief of the Department of Psychological Work of Human Resources Directorate; kasatka1317@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9741-1089>

¹ *V. Ya. Kikot' Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs, 12, Academician Volgin st., Moscow, 117997, Russia*

Abstract

Introduction. Trust and its influence on the predicted probability of dismissal of cadets and trainees from the educational organization of the Russian Ministry of Internal Affairs are under examination. The purpose is to identify the role of trust in assessing personnel turnover in educational organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs. **Materials and Methods.** The study was conducted from 2019 to 2021 with the participation of 7958 cadets and trainees of 2–5 courses from various departments of the educational organization of the Russian Ministry of Internal Affairs. The sample consisted of 2342 employees in 2019, 2524 — in 2020, and 3092 — in 2021. The research was conducted via the method of a written anonymous survey using the Questionnaire for assessing the moral and psychological state of the division, approved by the Register of methods and programs of psychological work used by psychologists of the units for working with the law enforcement personnel of the Russian Federation (2022). **Results and Discussion.** Some data was obtained concerning the assessment of the level of cadets' and trainees' trust in colleagues and chiefs and the estimated outflow of personnel. Cadets and trainees assessed the level of their trust in colleagues and chiefs, the prospects for their professional activities in law enforcement agencies related to their future plans. The structure of the relationship between trust and personnel turnover is reflected. **Conclusions.** The level of trust of cadets and trainees of the educational organization of the Russian Ministry of Internal Affairs is one of the factors of personnel turnover, which makes it possible to forecast the probable attitudes to stop training and service in law enforcement agencies. The revealed stability of the level of cadets' and trainees' trust in colleagues and chiefs allows us to predict the outflow of personnel at the level of 2–4%. A low level of trust among cadets and trainees was revealed in units with high personnel turnover, which confirms the assumption about the relationship between trust and personnel turnover in educational organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs and should be taken into account when developing a program for the psychological prevention of personnel turnover in educational organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs.

Keywords: trust; level of trust; personnel turnover; organizational culture; personnel management; social relations; predictive potential; dividends from trust; prevention of personnel turnover

Acknowledgments: The author is grateful to Agapov V. S., Doctor of Psychological sciences, the author's supervisor, professor at the chair of Legal Psychology of science and education complex of psychology of service at V. Ya. Kikot' Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs.

Citation: Kostina E. V. The Relationship between Trust and Personnel Turnover in Educational Organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27, No. 4(91). Pp. 395–402. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-491-395-402>

Основные положения

1. Уровень доверия курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России является одним из факторов текучести кадров, позволяющим прогнозировать вероятные установки на прекращение обучения и службы в органах внутренних дел.

2. Показатели уровня доверия курсантов и слушателей образовательной организации МВД России могут быть положены в организацию психопрофилактической работы в направлении предотвращения текучести кадров обучающихся.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Современный этап развития общества характеризуется обращением к человеку как субъекту различных видов отношений: экономических, правовых, политических и т. д. Подобная тенденция наблюдается и в профессиональной сфере, где происходит трансформация подходов к организации как исключительно экономическому институту в социальный, с одновременным возложением на нее повышенной ответственности за сотрудников (Ф. Фэстинберг [1]; Дж. Хоскинг [2]; А. Ишикава [3, с. 31–38] и др.). Ведущим направлением исследований сегодня становится эффективное использование и сохранение человеческого капитала как важнейшего элемента функционирования организации. Однако не менее значимой выступает проблема организационного доверия как ценностной ориента-

ции сотрудника, снижение которого выступает в качестве одного из факторов текучести кадров [4, с. 643].

Объект исследования: текучесть кадров в образовательных организациях МВД России.

Предмет исследования: доверие как фактор текучести кадров в образовательных организациях МВД России.

Цель исследования: выявление роли доверия в оценке текучести кадров в образовательных организациях МВД России.

Теоретические предпосылки и состояние проблемы. Задача обеспечения эффективного функционирования и управления организацией традиционно выступает в качестве основополагающей в психологии труда, социальной психологии (Т. Ю. Базаров, Л. Н. Аксеновская [5]; А. Н. Занковский [6]; В. А. Шамис [7] и др.). Управление образовательной организацией представляет собой деятельность, в которой решение управленческих задач определяется слаженностью и организованностью совместного взаимодействия обучающихся, преподавательского и административного персонала для достижения образовательных целей [8]. Ведущее место среди всей совокупности функций управления, обеспечивающих успешность деятельности образовательной организации, занимает регулирование, под которым понимается поддержание управляемых процессов в рамках заданных определенным планом, и которое относится к числу наиболее

сложных для изучения функций в силу невозможности выделения единого нормативного способа осуществления [9].

Сегодня особенно значимыми становятся социально-психологические аспекты регулирования управления и поведения в организации, что исследователями связывается со спецификой происходящих социальных, экономических, нравственных, культурных изменений, сопровождающихся повышением требований к субъектам профессиональной деятельности (А. В. Силецкая [10]), необходимостью взаимодействовать в условиях информационного вакуума или перенасыщения (А. В. Морозов [11]), сложностями в организации быта (М. А. Гонтаренко [12]), обучением и трудовой деятельностью в условиях самоизоляции (И. Ю. Кобозев [13]), увеличением скорости принятия решений (А. А. Хоровинников [14]), трансформацией ценностно-смысловой сферы (Д. В. Дзьоник [15]) и т. д.

Изначально к проблеме организационного доверия обратились зарубежные исследователи Р. С. Майер, Дж. Х. Дэвис, Ф. Д. Шурман, определяющие данную категорию как готовность к уязвимости от действий иного при отсутствии способности осуществлять контроль за данными действиями [16].

Доверие в зарубежной психологии рассматривается как: а) значимый компонент устойчивых общественных отношений (А. Селигмен [17, с. 7–11]); б) высокий уровень взаимной уверенности в надежности (Р. Бэрон, Д. Бирн, Б. Джонсон [18, с. 124–126]); в) условие обеспечения потребности в безопасности (А. Маслоу [19, с. 391–396]); г) элемент организационной культуры (Р. Б. Шо [20, с. 11–12, 127–182]).

Ф. Фукуяма [21] рассматривает доверие в качестве культурной основы благополучия при осуществлении сделок в экономически-договорных отношениях. Э. Гидденс установил, что доверие сотрудников как вера в надежность организации положительно коррелирует с благоприятной психологической атмосферой и эффективностью труда, недоверие исследователь понимал как предиктор профессионального отчуждения сотрудника [22, с. 455–460, 481, 694]. С. Кастелфранжи и Р. Фэлкун [23] говорят об обоснованном и безоговорочном доверии. Решение о доверии иному при обоснованной форме доверия принимается путем анализа таких факторов, как а) наличие общих целей; б) существование зависимости между субъектами; в) отсутствие угрозы от того, кому доверяют; г) совокупность внешних факторов, способных повлиять на результат доверия. Безоговорочная форма доверия имеет бессознательную природу, осуществляется на основе эмоций. Ч. Хэнди [24, с. 62–63, 92, 152, 219–222] поднимал проблему доверия организации сотруднику, отмечая, что при утрате такового организации следует расторгать трудовые отношения.

В отечественной психологии сформировались три ведущие концепции доверия: концепция доверительных отношений личности (Т. П. Скрипкина [25]), социально-психологическая концепция доверия (И. В. Антоненко [26]), концепция доверия / недоверия (А. Б. Купрейченко [27]).

Т. П. Скрипкина на основе сравнения детей из благополучных семей и без родительской опеки установила, что доверие является значимым элементом адаптационных возможностей личности и онтогенетического развития субъектности [25]. И. В. Антоненко выделяет в доверии значительный управленческий и прогностический потенциал, обеспечивающий успешное функционирование организации с социально-психологической точки зрения. Обладание указанным потенциалом обуславливает мобилизацию возможностей сотрудников и руководителя, повышение профессиональной ответственности, снижение материальных затрат [26, с. 239, 246–247]. А. Б. Купрейченко предполагает существование зависимости / независимости доверия и недоверия в различных системах и даже в отношении одного объекта: он может быть надежным, по мнению субъекта, в одной сфере и вызывать опасения относительно надежности в другой [27, с. 479].

В. А. Денисов и А. В. Филиппов рассматривают феномен доверия в управлении персоналом в организациях и следствием недоверия указывают увольнение сотрудников [28, с. 10–11].

Обратим внимание на концепцию Е. С. Балабановой [29, с. 109–112], в которой доверие понимается как условие и результат уверенности в безопасности и предсказуемости поведения от иных людей и организации. Автором выделено три уровня организационного доверия:

— межличностное (горизонтальное и вертикальное), зависящее от ожидания этичного профессионального поведения коллег или руководителя, сформированности их профессиональной компетентности, представления о восприятии доверяющего другим;

— доверие к организации, обеспечивающее уверенность в успешном профессиональном будущем и надежность организации в выполнении обязательств перед работником;

— институциональное, определяемое уровнем доверия в обществе.

Именно в концепции Е. С. Балабановой поднята проблема взаимосвязи доверия и текучести кадров, основанная на гипотезе, что снижение доверия в любой его форме (межличностная, институциональная, доверие к организации) приводит к увеличению текучести кадров. Исследователем выделены дивиденды доверия (как совокупность мотивирующих к продолжению трудовой деятельности в определенной организации факторов) и налоги недоверия (комплекс контрпродуктивных факторов).

Дивиденды высокого уровня доверия связаны с высокой мотивацией сотрудника на достижение общего результата и снижением текучести кадров, издержек контроля над сотрудниками, значимости формальных правил, запретов и границ, облегчением процессов принятия решений и распределения обязанностей внутри организации. Организации с высоким уровнем доверия эффективны, более адаптивны в кризисных ситуациях и способны к инновациям. Доверие создает благоприятную атмосферу в коллективе, повышает удовлетворенность работой, улучшает качество трудовой жизни сотрудников.

Высокий уровень недоверия формируется из негативного опыта социального взаимодействия в организации, неэтичного поведения руководителей к подчиненным, нарушения их прав. Налогам недоверия являются контрпродуктивное поведение сотрудников, их разобщенность или атомизация, конфликтность, текучесть кадров. Низкий уровень доверия руководителей к подчиненным связан с необходимостью применения жесткой системы контроля, которая подавляет креативность и инновационность сотрудников, приводит к ограничению управленческих стратегий и их консервации на самом примитивном уровне.

Таким образом, доверие является предметом изучения психологии труда и социальной психологии, что сопряжено с исследованием социального и профессионального взаимодействия людей на всех уровнях

функционирования общества. Системное изучение организационного доверия сотрудников может быть положено в основу разработки программ профилактики текучести кадров.

Материалы и методы

Исследование осуществлялось в период с 2019 г. по 2021 г., в нем приняли участие 7958 курсантов и слушателей 2–5 курсов различных подразделений образовательной организации МВД России. Выборка составила в 2019 г. 2342 сотрудника, в 2020 г. — 2524, в 2021 г. — 3092.

Исследование проведено методом письменного анонимного опроса с использованием методики «Анкета для оценки морально-психологического состояния подразделения», утвержденной Реестром методик и программ психологической работы, применяемых психологами подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел Российской Федерации (2022). В ходе исследования курсанты и слушатели оценили уровень доверия коллегам и руководителям, перспективы учебно-профессиональной деятельности, связанные с дальнейшей службой в органах внутренних дел.

Результаты и обсуждение

По результатам исследования получены эмпирические данные оценки уровня доверия коллегам и руководителям курсантов и слушателей и предполагаемого кадрового оттока. В таблице 1 представлены результаты исследования уровня доверия коллегам

Таблица 1. Уровень доверия коллегам и руководителям курсантов и слушателей
(Table 1. The level of cadets' and trainees' trust in colleagues and chiefs)

Подразделение	Год	Выборка	Уровень доверия, %					
			Высокий			Низкий		
			Коллеги по учебе	Непосредственные руководители	Руководство подразделения	Коллеги по учебе	Непосредственные руководители	Руководство подразделения
Факультет подготовки сотрудников для оперативных подразделений полиции	2020	485	65	69	75	1	4	4
	2021	526	65	56	55	3	5	5
Факультет подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка	2020	346	50	70	76	2	2	1
	2021	379	50	71	91	2	0	1
Институт подготовки сотрудников для органов предварительного расследования	2020	485	70	71	73	3	5	3
	2021	930	73	80	81	3	3	1
Институт судебной экспертизы	2020	198	51	47	54	5	9	5
	2021	203	41	38	39	4	8	6
Международно-правовой факультет	2020	344	63	80	71	3	0	1
	2021	359	51	59	53	5	5	2
Факультет подготовки сотрудников для подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции	2020	266	47	50	47	4	10	5
	2021	259	55	56	57	5	9	5
Факультет подготовки специалистов в области информационной безопасности	2020	182	53	62	54	8	5	10
	2021	232	56	62	54	8	6	10
Институт психологии служебной деятельности органов внутренних дел	2020	218	35	50	35	8	3	7
	2021	204	52	74	56	8	3	9
Все подразделения образовательной организации	2020	2524	57	65	65	3,5	5	3,9
	2021	3092	60	66	66	3,5	4,2	3,6

и руководителям курсантов и слушателей. Для наглядности в таблице приведены полярные показатели (высокий и низкий уровень доверия) без акцентирования внимания на выборке, демонстрирующей средний уровень доверия.

Высокий уровень доверия коллегам по учебе, непосредственным руководителям и руководству подразделений выражают от 57 до 65% опрошенных в 2020 г. и от 60 до 66% — в 2021 г. Как видим, наблюдается позитивная динамика роста уровня доверия организации.

Подобные результаты были получены ранее Е. А. Лопатиным, который установил, что уровень доверия на протяжении профессионального становления сохраняется, а уровень недоверия снижается. Данные тенденции ученый связывает с психолого-возрастными особенностями обучающихся [30].

Коллегам по учебе высокий уровень доверия выражают 57% опрошенных в 2020 г., в 2021 г. этот показатель увеличился на 3%, составив 60%.

Наибольший уровень доверия оказывают коллегам по учебе курсанты и слушатели института подготовки сотрудников для органов предварительного расследования (70% — в 2020 г., 73% — в 2021 г.) и факультета подготовки сотрудников для оперативных подразделений полиции (по 65% в 2020 и 2021 гг.).

Анализируя результаты, полученные учеными в других профессиональных общностях, можем отметить, что в образовательной организации МВД России уровень доверия коллегам и непосредственному руководству существенно выше. Так, в исследовании С. Л. Вершининой низкий уровень доверия коллегам и руководству составил 11,7% с максимальными показателями в отдельных подразделениях до 20,4% [31].

Непосредственным руководителям и руководству подразделений высокий уровень доверия выражают 65% опрошенных в 2020 г., а в 2021 г. этот показатель увеличился на 1%, составив 66%.

Согласно результатам исследования, проведенного М. В. Барановским на базе военной образовательной организации, высокий уровень доверия руководству демонстрируют более 80% опрошенных, что существенно превышает данные, полученные в результате настоящего исследования. Автор подчеркивает персонафицированность этого показателя и связывает высокий уровень доверия с личностными особенностями руководителя, отмечая, что при ротации управленческих кадров могут быть получены иные результаты [32].

Наибольший уровень доверия своим непосредственным руководителям оказывают курсанты и слушатели института подготовки сотрудников для органов предварительного расследования (71% — в 2020 г. и 80% — в 2021 г.; наблюдается увеличение уровня доверия на 9%) и факультета подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного

порядка (70 и 71%; увеличение на 1%). Руководству подразделений наибольший уровень доверия также оказывают курсанты и слушатели этого же факультета (76% в 2020 г. и 91% — в 2021 г.) и института подготовки сотрудников для органов предварительного расследования (73 и 81% соответственно). Установлено, что в указанных подразделениях наблюдается рост уровня организационного доверия (на 15 и 8% соответственно).

Согласно эмпирическим данным в общей выборке сотрудников низкий уровень доверия коллегам по учебе, непосредственным руководителям и руководству подразделений выражают от 3,5 до 5,0% опрошенных в 2020 г. и от 3,5 до 4,2% — в 2021 г.

В общей выборке коллегам по учебе низкий уровень доверия выражают 3,5% опрошенных в 2020–2021 гг. Наименьший уровень доверия коллегам по учебе продемонстрировали курсанты и слушатели факультета подготовки специалистов в области информационной безопасности и института психологии служебной деятельности органов внутренних дел (по 8% в 2020 и 2021 гг.).

В общей выборке непосредственным руководителям низкий уровень доверия демонстрируют 5% опрошенных в 2020 г., а в 2021 г. этот показатель снизился на 0,8%, составив 4,2%. Низкий уровень доверия своим непосредственным руководителям выразили преимущественно курсанты и слушатели факультета подготовки сотрудников для подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (10% — в 2020 г. и 9% — в 2021 г.), института судебной экспертизы (9 и 8% соответственно) и факультета подготовки специалистов в области информационной безопасности (5 и 6% соответственно).

По данным общей выборки, руководству подразделений низкий уровень доверия демонстрируют 3,9% опрошенных в 2020 г., а в 2021 г. этот показатель снизился на 0,3%, составив 3,6%. Низкий уровень доверия руководству подразделений выявлен преимущественно у курсантов и слушателей факультета подготовки специалистов в области информационной безопасности (по 10% в 2020 и 2021 гг.), института психологии служебной деятельности органов внутренних дел (7% — в 2020 г. и 9% — в 2021 г.), института судебной экспертизы (5 и 6% соответственно) и факультета подготовки сотрудников для подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (по 5% в 2020 и 2021 гг.).

Таблица 2. Результаты оценки предполагаемого кадрового оттока по декларации желания уволиться из органов внутренних дел
(Table 2. Results of assessing the supposed personnel outflow on declaring the dismissal from law enforcement agencies)

Год	Выборка	Предполагаемый кадровый отток, %
2019	n=2342	4
2020	n=2524	2
2021	n=3092	4

Результаты нашего исследования свидетельствуют, что низкий уровень доверия имеет взаимосвязь с текучестью кадров. Прогнозируемый отток кадров (анонимная декларация желая уволиться из ОВД, прекратить службу) среди курсантов и слушателей составил от 2 до 4% в 2019–2021 гг. (табл. 2). Самый высокий показатель в 2021 г. выявлен на факультете подготовки сотрудников для подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (10%); в 2020 г. — в институте психологии служебной деятельности органов внутренних дел (6,5%) и на факультете подготовки сотрудников для подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (6%); в 2019 г. — на факультете подготовки специалистов в области информационной безопасности (12%) и в институте психологии служебной деятельности органов внутренних дел (11%).

Таким образом, уровень доверия курсантов и слушателей образовательной организации МВД России является одним из факторов текучести кадров, позволяющих прогнозировать вероятные установки на прекращение обучения и службы в органах внутренних дел.

Выводы

1. В структуре организационного доверия обучающихся уровень доверия коллегам и руководителям является высоким и варьируется от 57 до 66% в 2020–2021 гг. Результаты, полученные в отдельных

подразделениях (институт подготовки сотрудников для органов предварительного расследования: 2020 г. — 71%, 2021 г. — 80%; факультет подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка: 2020 г. — 70%, 2021 г. — 81%), имеют устойчивые позитивные тенденции, что позволяет предположить наличие связи доверия руководителям с их личностными особенностями.

2. Сравнение уровня доверия коллегам по учебе (2020 г. — 57%, 2021 г. — 60%) с данными, полученными исследователями на базе иных организаций (промышленное предприятие — 11,7%), свидетельствует о том, что высокий уровень доверия коллегам является отличительной чертой профессиональной общности полицейских.

3. Низкий уровень доверия курсантов и слушателей установлен в подразделениях с высокой текучестью кадров, что подтверждает предположение о взаимосвязи доверия и текучести кадров в образовательных организациях МВД России. Выявленная стабильность уровня доверия курсантов и слушателей коллегам и руководителям позволяет прогнозировать отток кадров на уровне 2–4%.

Перспективы. Дальнейшие исследования связаны с системным анализом причин и факторов текучести кадров, что позволит определить основные пути и направления психологической профилактики текучести кадров образовательных организаций МВД России.

Список источников

1. Fürstenberg F. Welfare Corporatism in Transition: A German-Japanese Comparison, in: G. Széll (ed.), Corporate Social Responsibility in the EU & Japan. Frankfurt an Main, 2006. 414 p.
2. Hosking G. Structures of Trust: Britain and Russia Compared, in: M. Sasaki and R. Marsh (eds.), Trust: Comparative Perspectives, Leiden: Brill, 2012.
3. Ishikawa A. The Sense of Trust in Japanese and Russian Contexts: Like and Unlike. Trust in society, business and organization: Proceedings of the Conference “Business. Society. Human” (October 30–31, 2013, Moscow) / N. I. Dryakhlov, A. Ishikawa, A. B. Kupreychenko, M. Sasaki, Zh. T. Toshchenko, V. D. Shadrikov (Eds). Moscow, 2013. Pp. 31–38.
4. Джуэлл Л. Индустриально-организационная психология : учебник для вузов. СПб., 2001. 720 с.
5. Базаров Т. Ю., Аксеновская Л. Н. Управление организационной культурой // Российский психологический журнал. 2008. Т. 5, № 2. С. 9–17.
6. Занковский А. Н. Теоретические и прикладные проблемы организационной психологии // Психология профессионала: личность, деятельность, организация / под ред. Т. А. Жалагиной, Л. Ж. Каравановой, Е. Д. Короткиной. Тверь, 2014. С. 7–24.
7. Шамис В. А. Психология труда : учеб. пособие. Омск, 2015. 168 с.
8. Шамова Т. И. Управление образовательными системами : учеб. пособие. М., 2002. 384 с.
9. Заварцева М. М. Роль организационного доверия в регулировании деятельности персонала государственных и коммерческих предприятий : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2017. 36 с.
10. Силецкая А. В., Дзьоник Д. В. Программа развития социальной перцепции как средство повышения эффективности профессиональной деятельности сотрудников кадровых подразделений органов внутренних дел // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. № 2. С. 56–60.
11. Морозов А. В. Проблемы безопасности субъектов образовательной среды в процессе их взаимодействия в условиях информационного пространства // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2018. № 1-1. С. 216–223.
12. Гонтаренко М. А., Злоказов К. В. Переживание трудной жизненной ситуации как предмет занятия с личным составом органа внутренних дел в системе морально-психологической подготовки // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения — 2020) : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 23 апреля 2020 г.). СПб., 2020. С. 132–136.
13. Кобозев И. Ю. Психологические аспекты управления процессом адаптации обучающихся образовательных организаций МВД России в условиях пандемии, самоизоляции и дистанционного обучения // Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 29 октября 2021 г.). СПб., 2021. С. 128–134.

14. Хоровинников А. А., Хоровинникова Е. Г., Журавлев Д. А. Определение зависимости эффективности скорости принятия управленческих решений от уровня цифровой компетенции персонала // Финансовая экономика. 2021. № 5. С. 96–101.
15. Дзьоник Д. В. Отношение к профессионально-правовым нормам у обучающихся Санкт-Петербургского университета МВД России // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения — 2021) : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 16 апреля 2021 г.). СПб., 2021. С. 253–257.
16. Mayer R. C., Davis J. H., Schoorman F. D. An integrative model of organizational trust. *Academy of Management Review*. 1995. № 20. Pp. 709–734.
17. Селигмен А. Проблема доверия / пер. с англ. И. И. Мюрберг, Л. В. Соболевой. М., 2002. 254 с.
18. Бэрон Р. А., Бирн Д., Джонсон Б. Социальная психология. Ключевые идеи. М., 2003. 507 с.
19. Маслоу А. Г. Маслоу о менеджменте: Самоактуализация. М., 2003. 413 с.
20. Шо Р. Б. Ключи к доверию в организации: Результативность. Порядочность. Проявление заботы / пер. с англ. Н. Н. Шахирев, Т. А. Нестик. М., 2000. 271 с.
21. Fukuyama F. Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity. N. Y., 1995.
22. Гидденс Э. Социология. М., 1999. 703 с.
23. Castelfranchi C., Falcone R. Trust Theory: A Socio-Cognitive and Computational Model. West Sussex, 2010. 400 p.
24. Хэнди Ч. По ту сторону уверенности: О новом мире внутри и вокруг организаций / пер. с англ. С. Жильцов. СПб., 2002. 222 с.
25. Скрипкина Т. П. Психология доверия : учеб. пособие для вузов. М., 2000. 263 с.
26. Антоненко И. В. Доверие: социально-психологический феномен : монография. М., 2004. 320 с.
27. Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия. М., 2008. 569 с.
28. Денисов В. А., Филиппов А. В. Управление персоналом в корпорациях. М., 1999. 165 с.
29. Балабанова Е. С. Организационное поведение : учебник. М., 2022. 592 с.
30. Лопатин Е. А. Результаты эмпирического исследования установок на межличностное доверие у курсантов высшего учебного заведения Министерства внутренних дел Российской Федерации // Прикладная юридическая психология. 2020. № 3(52). С. 58–64. [https://doi.org/10.33463/20728336.2020.3\(52\).058-064](https://doi.org/10.33463/20728336.2020.3(52).058-064).
31. Вершинина С. Л. Доверие к руководству как основополагающий аспект социального капитала на промышленном предприятии (на примере ОАО Череповецкий Азот) // Череповецкие научные чтения — 2012 : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Череповец, 07–08 ноября 2012 года. Череповец, 2013. С. 26–29.
32. Барановский М. В. Доверие в военной организации (опыт социологического исследования) // Социологические исследования. 2019. № 10. С. 137–145.

Поступила 15.06.2022; одобрена после рецензирования: 21.07.2022; принята к публикации 30.08.2022.

References

1. Fürstenberg F. Welfare Corporatism in Transition: A German-Japanese Comparison, in: G. Széll (ed.), Corporate Social Responsibility in the EU & Japan. Frankfurt an Main, 2006. 414 p.
2. Hosking G. Structures of Trust: Britain and Russia Compared, in: M. Sasaki and R. Marsh (eds.), Trust: Comparative Perspectives, Leiden: Brill, 2012.
3. Ishikawa A. The Sense of Trust in Japanese and Russian Contexts: Like and Unlike. Trust in society, business and organization: Proceedings of the Conference “Business. Society. Human” (October 30–31, 2013, Moscow) / N. I. Dryakhlov, A. Ishikawa, A. B. Kupreychenko, M. Sasaki, Zh. T. Toshchenko, V. D. Shadrikov (Eds). Moscow, 2013. Pp. 31–38.
4. Jewell L. Industrial/organizational psychology. Coursebook for university students. St. Petersburg, 2001. 720 p. (In Russ.)
5. Bazarov T. Yu., Aksenovskaya L. N. Management of organizational culture. *Russian Psychological Journal*. 2008. Vol. 5, No. 2. Pp. 9–17. (In Russ.)
6. Zankovsky A. N. Theoretical and applied problems of organizational psychology. Psychology of a professional: personality, activity, organization. Ed. by Zhalagina T. A., Karavanova L. Zh., Korotkina E. D. Tver, 2014. Pp. 7–24. (In Russ.)
7. Shamis V. A. Psychology of labour. Textbook. Omsk, 2015. 168 p. (In Russ.)
8. Shamova T. I. Management of educational systems. Textbook for students. Moscow, 2002. 384 p. (In Russ.)
9. Zavartseva M. M. The role of organizational trust in regulation of performance of personnel of state and commercial enterprises. Extended abstract of Candidate of sciences dissertation (in Psychology). Moscow, 2017. 36 p. (In Russ.)
10. Siletskaya A. V., Dz'oniuk D. V. The programme of the development of social perception as the means of increasing effectiveness of professional performance of law enforcement human resources departments' personnel. *Psychology and Pedagogy in Official Activity*. 2022. No. 2. Pp. 56–60. (In Russ.)
11. Morozov A. V. Problems of safety of the subjects of educational environment in the process of their interaction under conditions of informational space. *The Herzen University Studies: Psychology in Education*. 2018. No. 1-1. Pp. 216–223. (In Russ.)
12. Gontarenko M. A., Zlokazov K. V. Experiencing a difficult life situation as a subject of training with the personnel of the law enforcement agency in the system of moral and psychological training. Current problems of psychology of law enforcement: conceptions, approaches, technologies (Vasiliev Readings — 2020). Proceedings of the international scientific and practical conference (St. Petersburg, April 23, 2020). 2020. Pp. 132–136. (In Russ.)
13. Kobozev I. Yu. Psychological aspects of management of the process of students' adaptation at educational organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs in conditions of pandemics, self-isolation and distance learning. Pedagogy and psychology in law enforcement activity: integration of theory of practice. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference (St. Petersburg, October 29, 2021). St. Petersburg, 2021. Pp. 128–134. (In Russ.)

14. Khorovinnikov A. A., Khorovinnikova E. G., Zhuravlev D. A. Determining the dependence of effectiveness of the speed in decision-making related to management on the level of personnel's digital competency. *Financial Economy*. 2021. No. 5. Pp. 96–101. (In Russ.)
15. Dz'yonik D. V. Attitude of students of the St. Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs towards professional legal norms. Current problems of psychology of law enforcement: conceptions, approaches, technologies (Vasiliev Readings — 2021). Proceedings of the international scientific and practical conference (St. Petersburg, April 16, 2021). St. Petersburg, 2021. Pp. 253–257. (In Russ.)
16. Mayer R. C., Davis J. H., Schoorman F. D. An integrative model of organizational trust. *Academy of Management Review*. 1995. No. 20. Pp. 709–734.
17. Seligman A. Problem of trust. Transl. from English by Myurberg I. I., Soboleva L. V. Moscow, 2002. 254 p. (In Russ.)
18. Baron R. A., Byrne D., Johnson B. *Social psychology. Key ideas*. Moscow, 2003. 507 p. (In Russ.)
19. Maslow A. G. *Maslow on management: self-actualization*. Moscow, 2003. 413 p. (In Russ.)
20. Shaw R. B. The keys to confidence in the organization: performance. Decency. Care. Transl. from Eng. by Shakhirev N. N., Nestik T. A. Moscow, 2000. 271 p. (In Russ.)
21. Fukuyama F. *Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. N. Y., 1995.
22. Giddens A. *Sociology*. Moscow, 1999. 703 p. (In Russ.)
23. Castelfranchi C., Falcone R. *Trust Theory: A Socio-Cognitive and Computational Model*. West Sussex, 2010. 400 p.
24. Handy Ch. *Beyond certainty: the Changing Worlds of Organizations*. Transl. from Eng. by Zhiltsov S. St. Petersburg, 2002. 222 p. (In Russ.)
25. Skripkina T. P. *Psychology of trust. Textbook for universities*. Moscow, 2000. 263 p. (In Russ.)
26. Antonenko I. V. *Trust: social psychological phenomenon. Monograph*. Moscow, 2004. 320 p. (In Russ.)
27. Kupreychenko A. B. *Psychology of trust and mistrust*. Moscow, 2008. 569 p. (In Russ.)
28. Denisov V. A., Filippov A. V. *Personnel Management in corporations*. Moscow, 1999. 165 p. (In Russ.)
29. Balabanova E. S. *Organizational behavior. Textbook*. Moscow, 2022. 592 p. (In Russ.)
30. Lopatin E. A. Results of the empirical study of attitudes towards interpersonal trust in cadets of the higher educational institution of the Russian Ministry of Internal Affairs. *Applied Legal Psychology*. 2020. No. 3(52). Pp. 58–64. [https://doi.org/10.33463/20728336.2020.3\(52\).058-064](https://doi.org/10.33463/20728336.2020.3(52).058-064). (In Russ.)
31. Vershinina S. L. Trust to the authorities as a Fundamental Aspect of Social Capital at an Industrial Enterprise (on the Example of “OAO Cherepovets Azot”). *Cherepovets Scientific Readings — 2012. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference*. Cherepovets, November 07–08, 2012. Cherepovets, 2013. Pp. 26–29. (In Russ.)
32. Baranovsky M. V. Trust in a military organization (sociological study). *Sociological Studies*. 2019. No. 10. Pp. 137–145. (In Russ.)

Submitted 15.06.2022; approved after reviewing: 21.07.2022; accepted for publication: 30.08.2022.

Научно-практическая статья

УДК 159.9.0 © И. А. Кузнецова, С. А. Тимко, В. Е. Купченко, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-491-403-410

19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии

Чувство ответственности как предиктор личностного и профессионального роста сотрудников органов внутренних дел

Инна Александровна Кузнецова¹, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры психологии и педагогики в деятельности органов внутренних дел; inna.oma.1716@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7031-4342>

Светлана Александровна Тимко¹, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии и профилактики преступлений; satimko@list.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6921-7043>

Виктория Евгеньевна Купченко², кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии; kupchenko07@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5893-0225>

¹ Омская академия МВД России, 644092, Омск, пр. Комарова, 7, Россия

² Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 644077, Омск, ул. Мира, 55А, Россия

Реферат

Введение. Ответственность, самостоятельность личности определяют внутреннюю потребность в принятии решений, активность, инициативность. Данные феномены диссонируют с порядком службы в силовых ведомствах. Целью исследования стало изучение понимания ответственности сотрудниками органов внутренних дел как основы активной профессиональной позиции, определение детерминант избегания ими принятия инициативных решений. **Материалы и методы.** Осуществлялся анализ психологической литературы по указанной проблематике. Изучен феномен «ответственность» как базовое свойство личности. Эмпирическое исследование проводилось среди сотрудников органов внутренних дел, проходящих службу в должностях рядового и начальствующего состава от 1 года до 25 лет, в количестве 158 человек, с использованием авторской анкеты. Для обработки собранных данных применялись офисная программа Microsoft Excel, методы описательной статистики. На основании данных анкетирования реализован феноменологический анализ. **Результаты и обсуждение.** Рассматривается суть чувства ответственности как одного из базовых свойств личности, анализируются соотношение ответственности с самостоятельностью и свободой личности, взаимообусловленность ответственности и инициативной деятельности. Обсуждаются такие профессионально важные для службы качества сотрудников органов внутренних дел, как инициативность, готовность принимать самостоятельные решения, потребность в свободе. **Выводы.** Более трех четвертых опрошенных сотрудников отвергают свободу выбора, не желают принимать инициативные решения при осуществлении своей профессиональной деятельности, не готовы брать на себя ответственность за последствия таких решений. Учет этих факторов в психологической и воспитательной работе с личным составом органов внутренних дел позволит повлиять на развитие личностного потенциала сотрудников, будет способствовать обеспечению их профессионального роста, поможет повысить качество и результативность службы в целом.

Ключевые слова: ответственность; свобода; самостоятельность; самоконтроль; инициативность; принятие решения; свойства личности; сотрудник органов внутренних дел

Для цитирования: Кузнецова И. А., Тимко С. А., Купченко В. Е. Чувство ответственности как предиктор личностного и профессионального роста сотрудников органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 4(91). С. 403–410. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-491-403-410>

Scientific and Practical Article

UDC 159.9.0 © I. A. Kuznetsova, S. A. Timko, V. E. Kupchenko, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-491-403-410

19.00.01 General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

A Sense of Responsibility as a Predictor of Law Enforcement Officers' Personal and Professional Growth

Inna A. Kuznetsova¹, Candidate of Sciences (in Law), lecturer at the chair of Psychology and Pedagogy in Law Enforcement; inna.oma.1716@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7031-4342>

Svetlana A. Timko¹, Candidate of Sciences (in Law), Associate-Professor (rank), Associate-Professor at the chair of Criminology and Prevention of Crimes; satimko@list.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6921-7043>

Viktoriya E. Kupchenko², Candidate of Sciences (in Psychology), Associate-Professor (rank), Associate-Professor at the chair of General and Social Psychology; kupchenko07@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5893-0225>

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, 7, Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

² Omsk State University named after Dostoevsky F.M., 55 A, Mira st., Omsk, 644077, Russia

Abstract

Introduction. Responsibility and independence of an individual determine the internal need for decision-making, activity, initiative. These phenomena are discordant with arrangement of service in law enforcement agencies. The objective of the research

is to study the comprehension of responsibility by law enforcement officers as the basis of an active professional position, to specify the determinants of their avoidance of taking initiative decisions. **Materials and Methods.** The authors analyze psychological literature devoted to the problem under study, the phenomenon "responsibility" as the basic property of an individual being examined. An empirical study was conducted among law enforcement officers serving in positions of private and command staff from 1 to 25 years, 158 respondents in total, using the authors' questionnaire. To process the collected data, the Microsoft Excel office program and methods of descriptive statistics were employed. Based on the survey data, a phenomenological analysis was implemented. **Results and Discussion.** The essence of the sense of responsibility as one of the basic properties of the personality is considered, the correlation of responsibility with the independence and freedom of an individual, the interdependence of responsibility and initiative activity being analyzed. Under discussion are such professionally important qualities for law enforcement service as initiative, readiness to make independent decisions, the need for freedom. **Conclusions.** More than three-fourths of the surveyed respondents reject freedom of choice, are unwilling to make proactive decisions in the course of their professional activities, and are reluctant to take responsibility for the consequences of such decisions. Taking these factors into account in the psychological and educational work with law enforcement personnel will make it possible to influence the development of employees' personal potential, facilitate the insurance of their professional growth, improve the quality and effectiveness of the service as a whole.

Keywords: responsibility; freedom; self-control; initiative; decision-making; properties of an individual; a law enforcement officer

Citation: Kuznetsova I. A., Timko S. A., Kupchenko V. E. A Sense of Responsibility as a Predictor of Law Enforcement Officers' Personal and Professional Growth. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27, No. 4(91). Pp. 403–410. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-491-403-410>

Основные положения

1. Позиционирование сотрудником органов внутренних дел ответственности исключительно как необходимости выполнения установленных правил может привести к трансформации его профессиональной деятельности в бытовую исполнительность. Такое отношение является одной из детерминант профессионального выгорания полицейских, стагнации личности в целом, обусловленной отсутствием личной (внутренней) потребности в инициативной и активной профессиональной позиции, а также мотивацией сотрудников правоохранительных органов, направленной на избегание.

2. Чувство ответственности является одним из базовых свойств личности, «внутренним условием организации жизнедеятельности человека, регулятором занятий, дел и целей», детерминантой ее становления, развития и формирования навыков преодоления сложных жизненных и профессиональных ситуаций.

3. Формирование самостоятельности и ответственности личности — это результат ее инициативной, активной деятельности, готовности делать осознанный выбор, что особенно актуально для сотрудника органов внутренних дел.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Современные реалии свидетельствуют о том, что на фоне обесценивания традиций и устоев, разрушения десятилетиями формировавшейся в нашем обществе системы ценностей россиянам максимально предоставлена свобода в различных сферах общественной жизни. Возникают вопросы: готовы ли они к этой свободе? Есть ли внутренний потенциал и желание самостоятельно выстраивать свою жизнь, учитывая внешние нормы и правила? Попытаемся дать ответ, проанализировав ответственность, самостоятельность и свободу как интегральные свойства личности, на-

ходящиеся в тесной коррелятивной взаимосвязи. Они существенно определяют поведение, образ жизни и место человека в обществе в целом.

Важно осознавать, что утрата личностью внутренней потребности в свободе выбора может повлечь избегание ответственности, следовательно, инициативности и самостоятельности в принятии решений. В силу этого актуальным становится вопрос о таком личностном (базовом) свойстве сотрудников правоохранительных органов, как ответственность, в значительной степени определяющем успешность их профессиональной деятельности. В этом контексте видится важным рассмотрение перечисленных феноменов в рамках различных концепций и с позиции субъективного понимания представителями правоохранительных органов, что позволит расширить имеющиеся представления о детерминантах успешной профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел в целом и таких базовых свойствах личности, как ответственность и самостоятельность, в частности.

Цель работы заключается в определении отношения сотрудников к феномену «ответственность», выявлении детерминант избегания сотрудниками органов внутренних дел принятия инициативных решений.

Теоретические предпосылки, обзор проблемы. Рассматриваемые феномены являются предметом исследования многих наук. В отечественной психологической литературе С. Л. Рубинштейн изучает проблему ответственности в контексте философской проблемы свободы и необходимости. Под свободой личности автор подразумевал возможность самому определять линию своего поведения, отвергнув все решения, несовместимые с ней [1, с. 280]. На страницах его трудов можно встретить рассуждения о том, что у человека есть способность к самоопределению и изменению окружающей действительности, именно она выступает условием свободы личности.

Исходя из концепции ответственности С. Л. Рубинштейна, К. А. Абульханова-Славская разрабатывает теорию ответственности в качестве присвоения личностью необходимости [2]. Ценной в контексте нашего исследования выступает идея о критерии полноты присвоения личностью ответственности в качестве согласования необходимости с желаниями и потребностями личности, т. е. возникновение инициатив.

Л. И. Дементий отмечает, что «в условиях свободы выбора человек учится ответственности, у него появляются внутренние критерии оценки собственного поведения» [3, с. 27]. Автор определяет ответственность личности как способность, готовность и процесс обеспечения субъектом целостности, самостоятельности и успешности деятельности [4, с. 150].

Понимание свободы в континууме ответственности подразумевает высокий уровень активной жизненной позиции, в значительной степени определяющей эффективность личности и общества в целом. Но не каждый человек нуждается в свободе. Э. Фромм заметил, что человек обречен на свободу, но иногда он бежит от нее, как от серьезного испытания [5, с. 247]. Природа свободы амбивалентна: она одновременно является и даром, и бременем. Однако именно из «позитивной свободы», выступающей детерминантой роста и развития личности, формируется самостоятельность человека. Самостоятельность позволяет человеку самоактуализироваться, самоорганизоваться; самоопределение и самоконтроль становятся неотъемлемыми элементами его жизненной позиции. Признавая взаимосвязь и взаимозависимость между феноменами «ответственность» и «самостоятельность», американский психолог Джулиан Роттер утверждал: «Только тогда, когда решение принято лично самим субъектом действий, на него ложится вся ответственность» [6, с. 3].

Самостоятельность в философии позиционируется как некий лакмус свободы, в педагогике — ценный инструмент воспитания, в психологии — свобода собственного выбора и принятия его последствий, способность ставить и достигать за свой счет цели. А. И. Савенков как структурную составляющую самостоятельности рассматривает «ответственность за свои поступки и их последствия» [7, с. 272].

Согласно позиции Э. Фромма, оптимальный выбор всегда детерминирован осознанием ситуации, включающим оценку внешних факторов, алгоритм действий, необходимых для достижения цели; ресурсы, которые сосредоточены в ситуации; вероятность и формат наступления возможных последствий; готовность к действиям в различных непредсказуемых ситуациях [5].

В юридической литературе некоторые авторы выделяют негативную (ретроспективную) и позитивную (перспективную) ответственность. В первом случае

речь идет о принятии субъектом нарушения соответствующих карательных санкций. Позитивная ответственность характеризуется состоянием личности и ее «внешней социально-правовой активностью», а также отношением «к возложенным, взятым на себя обязанностям» [8, с. 88–89].

В. Франкл полагал, что ответственность должна быть базовой компетенцией человека; именно способность формировать характер, потребность нести ответственность за свои поступки и принимать их последствия дают возможность справляться с возникающими трудностями [9].

Л. И. Дементий в своих трудах рассматривает ответственность как характеристику личности с позиции ресурсности. Предпосылкой успешного разрешения трудностей, координации своего поведения и окружающих обстоятельств является осознание личных способностей к их преодолению и подконтрольности ситуации. Учитывая, что ответственность — это своего рода форма контроля, она является «центральным личностным образованием», выступающим ресурсом личности, который формирует отношение человека к трудностям. Автор трактует ответственность как ресурс личности, предполагающий «способность оптимальным образом адаптировать личность к трудным, неопределенным, критическим и даже предельным для личности ситуациям» [10, с. 36].

Выявляя внешние и внутренние факторы, обуславливающие психологическую природу ответственности, важно четко установить, чем вызвано возложение личностью на себя обязанностей, принятие ответственности; связаны ли действия субъекта с необходимостью их совершения под воздействием внешних факторов (обязанности по должности, распоряжение руководителя и т. д.) либо нашли свою реализацию нравственные ценности человека, определяющие его как инициатора собственной жизни.

Согласно теории К. А. Абульхановой-Славской об ответственности можно говорить как о форме активности человека и как о механизме присвоения необходимости, коррелирующем с самоконтролем. Последний устанавливает координаты ответственности: «за что» берет на себя ответственность субъект, «перед кем» он отвечает и «каким образом происходит принятие и реализация ответственности». Автор раскрывает феномен «ответственность» как «самостоятельное добровольное осуществление необходимости в границах и формах, определяемых субъектом». При этом критерием полноты принятия ответственности выступает «согласование необходимости с желанием и потребностями личности, т. е. возникновение инициатив, выход за пределы требуемого» [11, с. 14].

Рассуждая об истинной ответственности, К. Муздыбаев писал, что «только когда решение принято лично самим субъектом действий, на него ложится вся

ответственность» [12, с. 184]. Такое осознанное решение позволяет индивиду перейти на иной уровень взаимодействия с окружающим миром. Он стремится к поиску путей достижения поставленной цели, допуская при этом готовность идти на необходимые риски.

Наиболее ярко чувство ответственности проявляется в сложной жизненной ситуации, когда перед человеком возникает выбор: дистанцироваться от нее, заняв экстернальную позицию, или принять ответственность за происшедшее с учетом своих способностей и качеств. В первом случае, в соответствии с теорией локуса контроля, разработанной Д. Роттером, речь идет о внешнем локусе контроля: ответственность делегируется другим лицам, обстоятельствам; человек перекладывает ее в том числе и посредством поиска, изблечения недостатков других субъектов. Такой человек, как правило, играет роль «жертвы» с самоощущением неэффективности, тревоги и нерешительности. Вторая модель поведения характеризуется внутренним (интернальным) локусом контроля, склонностью приписывать результаты деятельности своим личностным свойствам. Происходящие события в большей степени зависят от собственной активности и в значительно меньшей определяются внешними обстоятельствами. Здесь скрыта способность человека прогнозировать свое поведение и последствия выбора. Автор утверждал, что вид локуса — специфичное, весьма устойчивое свойство личности [13], посредством которого можно определить детерминанты поведения человека.

3. Фрейд говорил о необходимости, готовности человека делать тот или иной выбор, ведь именно благодаря этому процессу зарождается (возникают предпосылки) ответственность за последствия, вырабатываются критерии оценки поступка [14]. В данном случае важно понимать: выбор должен быть обусловлен не бегством (например, из чувства страха или каких-то других отрицательных эмоций) от нежелательного, неизбежностью принятия какого-либо решения, а определен осознанными действиями, направленными на достижение прогнозируемого результата.

По мнению К. Роджерса, именно принятие личной ответственности выступает в качестве базисной составляющей Я-концепции эффективного человека, как только личность начинает действовать/актуализировать, она становится более ответственной, а психологически свободной — когда уходит от состояния, при котором мышление, чувство и поведение управляются мнением и ожиданием других [15].

Анализ литературы по проблеме ответственности позволил сформулировать базовые положения для нашего исследования.

1. Под ответственностью вслед за К. А. Абульхановой-Славской мы понимаем способность субъекта свободно оперировать всеми данными и потенциальными условиями и средствами, способность его

к активному поиску недостающих звеньев для решения задач, осуществления деятельности, способность к предвидению трудностей и препятствий [11].

2. Ответственность не бывает безличной — она связана с конкретным субъектом, в данном случае с личностью, ее реализующей. Важным является определение того, за что субъект несет свою ответственность, что возложено на него, а что принято им самим для исполнения.

3. Кроме субъекта, несущего ответственность, существует социальная норма или другой субъект, перед которым субъект считает себя ответственным.

4. Особой актуальностью обладает изучение проблемы ответственности для сотрудников органов внутренних дел (далее — ОВД), МЧС, деятельность которых предполагает развитость социальной ответственности как профессионально важного качества, позволяющего личности оптимально проявлять себя в повседневной профессиональной деятельности и реагировать в экстремальных ситуациях [16; 17]. Именно ответственность входит в ядро профессионально важных качеств, от которых зависит эффективность профессиональной деятельности сотрудника [18; 19].

Материалы и методы

Изучение рассматриваемых феноменов осуществлялось на основе теоретического анализа психологической литературы по данной проблеме. Для понимания представлений об ответственности в профессиональной деятельности сотрудников системы ОВД применялся метод анкетирования, обработка результатов которого произведена с помощью контент-анализа. Эмпирическое исследование проводилось среди сотрудников территориальных органов внутренних дел (уголовного розыска, дежурной части, патрульно-постовой службы полиции, подразделений по делам несовершеннолетних, следствия, дознания, службы участковых уполномоченных полиции), проходящих службу в должностях рядового и начальствующего состава от 1 года до 25 лет, в количестве 158 человек, с использованием авторской анкеты.

Среди опрошенных полицейских 2,5% (4 чел.) относятся к рядовому составу; 16,5% (26 чел.) — младшему начальствующему составу; 57,0% (90 чел.) — среднему начальствующему составу; 24,0% (38 чел.) — старшему начальствующему составу. Выслуга в анализируемой выборке сотрудников ОВД составила: 12,7% (20 чел.) — до 1 года; 9,5% (15 чел.) — до 3 лет; 18,4% (29 чел.) — до 5 лет; 9,5% (15 чел.) — до 7 лет; 10,0% (16 чел.) — до 10 лет; 26,0% (41 чел.) — до 15 лет; 12,0% (19 чел.) — до 20 лет; 1,9% (8 чел.) — более 20 лет.

Анкета содержала 13 вопросов и позволила диагностировать следующие конкретные показатели: понимание термина «ответственность» сотрудником ОВД; готовность полицейских принимать инициативные решения и отвечать за последствия своих поступ-

ков; восприятие ответственности как обязательного / базового свойства личности руководителя; отсутствие готовности принятия ответственности как латентной проблемы формирования / подготовки кадрового резерва руководящего состава.

Результаты и обсуждение

Понятие ответственности сотрудников ОВД.

В авторскую анкету включен вопрос, предполагающий продолжение утверждения «Для меня ответственность в профессиональной деятельности — это...». Обработка полученных ответов производилась с помощью процедуры контент-анализа.

Первую группу (44%) составили определения, в которых рассматриваемый термин трактуется как санкции, т. е. следствие нарушения установленных правил и предписаний. В ответах присутствовал такой вариант, как «лишение себя свободы». Полученные данные указывают на внешнюю детерминированность ответственности в профессиональной деятельности сотрудника системы ОВД, что закономерно отражает характер профессиональной деятельности и боязнь наказания в качестве регулирующего фактора. Ответы позволяют судить о наличии знаний правовой основы ответственности сотрудников ОВД. Статья 15 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»^{*} регламентирует «наличие» ответственности сотрудников, т. е. предупреждает об уголовной, административной, дисциплинарной, материальной ответственности сотрудников; содержит исчерпывающий перечень грубых нарушений служебной дисциплины, являющихся одним из оснований для увольнения сотрудника из органов внутренних дел.

В следующей группе (30%) анализируемый феномен сводится к добросовестному и качественному исполнению поручений. Иными словами, сотрудники ОВД ответственность отождествляют с исполнительностью. Следует подчеркнуть, что внутренняя организованность, исполнительность, дисциплинированность, ответственность за порученное дело относятся к одному из важных профессионально значимых факторов профессионально-психологического отбора кандидатов на службу в ОВД [21; 22].

В третьей группе (26%) респонденты позиционируют ответственность как реализацию внутреннего потенциала человека: его способность, потребность принимать осознанные решения и отвечать за них; качество человека, позволяющее организовать свои действия.

Ответственность также рассматривалась и как способ контролировать свою деятельность в связи с соразмерностью предъявляемым требованиям, способ-

ностью заставлять себя совершать действия в рамках возложенных обязательств.

В качестве критериев анализируемых феноменов были определены следующие конструкты: инициативность, готовность принимать самостоятельные решения, потребность в свободе в контексте профессиональной деятельности.

Инициативность. Результаты закрытого анкетирования показали, что 78% опрошенных предпочитают исполнять поручения, а не инициировать различные проекты и организовывать их исполнение. Однако далее, отвечая на вопрос: «В каких условиях Вам более комфортно проходить службу?», большинство респондентов (62%) при выборе ответов «а) когда самостоятельно принимают решения» или «б) когда за них принимают решение другие люди», остановились на первом пункте, аргументируя тем, что в таком случае:

- возможна самореализация, и это позволит стать независимым;
- можно избежать ситуацию, когда вынужден нести ответственность за решение другого человека;
- способен реализовать свое решение, так как оно идет вразрез с другой точкой зрения.

На первый взгляд, результаты анкетирования весьма противоречивы: с одной стороны, большая часть респондентов предпочитают быть исполнителями, с другой — хотели бы проходить службу в условиях, когда самостоятельно принимают решения. Однако ситуация становится более прозрачной по итогам анализа такого выбора: в большинстве случаев позиция опрошенных детерминируется желанием реализовать свое решение как результат избегания выполнять решение другого человека (в их субъективном понимании — некомпетентного решения).

Важно понимать, что относительно таких свойств личности, как самостоятельность и ответственность, ключевой является именно ее внутренняя потребность в принятии решения (не выступающая следствием внешнего воздействия), предполагающая активность и инициативность.

Кроме того, то, насколько сотрудник примет ситуацию, в которую он будет вовлечен, возьмет на себя ответственность за принимаемые решения, говорит о его психологической готовности участвовать в деле и использовать личностные ресурсы.

Восприятие лицом ответственности исключительно как необходимости выполнения установленных правил и предписаний способно привести к ее трансформации в обывательскую исполнительность. Именно такое, как нам видится, ложное представление об ответственности свойственно многим сотрудникам

^{*} О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49, ч. 1, ст. 7020.

правоохранительных органов. Оно порождает типичную схему поведения — минимизация трудозатрат, выполнение указаний и предписаний, подчинение установленным в микрогруппе нормам и правилам. Точное следование им уберегает от применения карательных санкций, а возможно, и поспособствует получению вознаграждения. Выбор же путей сохранения эффективности деятельности в меняющихся условиях осуществляется далеко не всегда в пользу общего дела. Такое положение также может быть следствием конформистской стратегии поведения: зная, что уставные условия службы в определенной степени препятствуют эффективному выполнению задания, а результаты деятельности подразделения зависят от качества его работы, сотрудник оказывается в ситуации морального выбора. Принятое ранее обязательство соблюдать устав (как главное условие избегания санкций и получения вознаграждения) блокирует любую инициативу со стороны сотрудника, поскольку изменение в деятельности в ответ на изменение внешнего и внутреннего контекста задания не оговаривалось руководителем.

Часто основанная на свободе и самостоятельности ответственность позиционируется как какая-либо неприятность, то, что может повлечь наступление наказания. Особенно ярко и наглядно такая схема поведения проявляется у сотрудников силовых ведомств. Соблюдение субординации, обязательность выполнения приказа, строгая дисциплина, система взысканий, подавление инициативы, регулярные переработки негативно сказываются на готовности и желании большинства сотрудников принимать самостоятельные и инициировать конструктивные решения, ограничиваясь исполнением обязанностей, поручений в требуемом объеме.

Готовность принимать самостоятельные решения. При изучении причинно-следственной связи между принятием решений, ответственностью за их последствия и детерминантами ее избегания респондентам было предложено ответить на вопрос: почему

некоторые сотрудники ОВД не хотят принимать инициативные решения?

В результате анализа полученных данных были сформированы смысловые группы, представленные на рисунке.

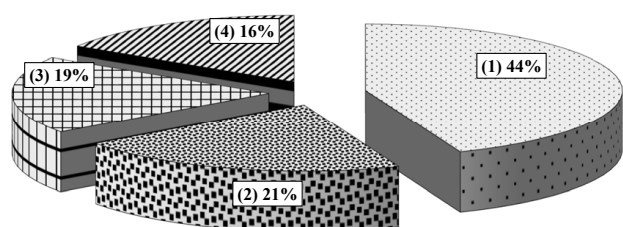
Большая часть опрошенных (44%) боятся ответственности в случае неудачи, что можно объяснить распространенной в силовых структурах системой наказаний, применяемых весьма интенсивно и нередко недостаточно обоснованно. 18% респондентов, указавших на эту причину, прослужили в полиции до 15 лет; 26% — до 5 лет; 15% — до 1 года.

Позиция пятой части анкетированных также порождена особенностями службы — потому что самому придется выполнять предложенное (даже если кто-то другой может реализовать эту идею более эффективно). Встречаются случаи, когда руководители не задумываются о наиболее удачном воплощении инициативного предложения, не стремятся задействовать других субъектов, поскольку над ними также есть руководящее звено, способное наказать за допущенную оплошность, документальное же сопровождение каких-либо действий связано с бюрократическими препонами. 31% респондентов этой группы имеют выслугу до 15 лет; 25% — до 10 лет; 19% — до 7 лет. При этом выявлен интересный факт: если во всех остальных группах гендерное распределение примерно одинаково, то среди лиц, избегающих принятия инициативных решений, 69% — мужчины и 31% — женщины.

Потребность в свободе выбора в контексте профессиональной деятельности. 19% опрошенных полицейских неинтересно выполнять что-либо, кроме своих обязанностей. Они воспринимают ответственность исключительно в негативном контексте и действуют лишь в рамках своих должностных инструкций, не принимая дополнительных обязательств, не предлагая своего участия в чем-либо. 27% респондентов, указавших на эту причину, прослужили в полиции до 15 лет; 13% — до 5 лет; 40% — до 3 лет.

Лишь 16% опрошенных придерживаются позиции исполнителя, поскольку не имеют потребности в самореализации. 25% респондентов этой группы имеют выслугу до 15 лет; 42% — до 3 лет. Ситуация весьма серьезная: у молодого поколения уже сейчас отсутствуют желание развиваться и мотивация на достижение цели в контексте прохождения службы в органах внутренних дел, что порождает блокирование их личностного и профессионального роста, т. е. отказ от потребности в самоактуализации.

При этом 54% анкетированных придерживаются позиции, согласно которой «инициатива наказуема». Как показали результаты проведенного нами исследования, большинство респондентов не готовы принимать самостоятельные осознанные решения либо они инициируют какие-либо проекты исключительно, чтобы не вы-

- боятся ответственности в случае неудачи (1)
- ▣ придется самому выполнять предложенное (2)
- ▢ неинтересно выполнять что-либо, кроме своих обязанностей (3)
- ▧ нет потребности в самореализации (4)

Рис. Причины избегания принятия инициативных решений сотрудниками ОВД

(Fig. Police officers' reasons for avoiding initiative decisions)

полнять другие указания и, соответственно, не отвечать за них. В таких случаях происходит избегание ответственности посредством избрания роли исполнителя, детерминированное страхом стать объектом наказания. Отсюда становится очевидным выбор модели поведения сотрудника — отказ от свободы как способ уклонения от наступления карательных санкций.

Таким образом, в сложившихся условиях, с учетом специфики службы в органах внутренних дел, важно акцентировать внимание на субъективной ответственности как личностном свойстве человека, определяющем качество его деятельности. Данный феномен является ресурсом личности, выражающимся в инициативности, активности, дисциплинированности, исполнительности, готовности к принятию решений и риску неудач. Раскрыв и скоординировав его, возможно повлиять на оптимальное и эффективное взаимодействие субъектов системы МВД.

Резюмируя, можно сказать, что большинством респондентов ответственность позиционируется с исполнительской точки зрения, для которой характерны минимальная заинтересованность в осуществляемой деятельности, нередко ориентация на внешние факторы, при этом высокая степень дисциплинированности. В данном случае речь идет об ответственности не как о сформировавшемся свойстве личности, а как о предметном (ситуативном) отношении к заданию, исключительно в регламентированных рамках, выход за которые может повлечь наступление санкций.

Позицию, согласно которой ответственность выступает в качестве самоконтроля и саморегуляции,

занимает четвертая часть опрошенных нами сотрудников, что свидетельствует о подлинном осознании ими внутренней ответственности, которая «подразумевает активность личности» [3, с. 26].

Выводы

1. Одним из определяющих факторов развития и самоактуализации сотрудника является его готовность принимать инициативные решения и брать на себя ответственность за их последствия. При этом необходимо учитывать и такие релевантные характеристики личности, как самостоятельность, уровень притязаний, уверенность, локус контроля.

2. Многими сотрудниками органов внутренних дел ответственность позиционируется как наказание за нарушение установленных предписаний (согласно результатам проведенного исследования). Избегание проявления инициативы детерминировано страхом наступления карательных санкций в случае неудачи. Таким образом, нивелируется значение инициативы и активной профессиональной позиции полицейского: внутренний потенциал раскрывается в меньшей степени; мышление, чувства и поведение обуславливаются ожиданиями, ценностями и стандартами других людей. В такой ситуации в большинстве случаев мотивационный вектор поведения сотрудника направлен на избегание.

Перспективы. Видится важным уделять особое внимание рассматриваемой проблеме, в том числе и с практической точки зрения, разрабатывая и внедряя рекомендации по работе с сотрудниками органов внутренних дел в сфере развития их личностного потенциала и психологической поддержки.

Список источников

1. *Проблемы общей психологии* / С. Л. Рубинштейн ; ред. Е. В. Шорохов ; Акад. пед. наук СССР, Институт психологии. 2-е изд. М., 1976. 416 с.
2. Абульханова-Славская К. А. *Стратегия жизни*. М., 1991. 299 с.
3. Дементий Л. И. *Ответственность: типология и личностные основания*. Омск, 2001. 191 с.
4. Дементий Л. И., Маленов А. А. Ресурсы, этапы и пространство самореализации личности: теоретико-эмпирическое обоснование модели // *Южно-российский журнал социальных наук*. 2021. Т. 22, № 1. С. 137–152.
5. Фромм Э. *Бегство от свободы* / пер. с англ. Г. Ф. Швейника ; общ. ред. П. С. Гуревича. М., 2006. 175 с.
6. Rotter J. B. General expectancies for internal versus external control of reinforcement. *Psychological Monographs*. 1966. № 80. Pp. 1–28.
7. Савенков А. И. *Путь к одаренности: исследования поведения дошкольников* : учеб. пособие. СПб., 2004. 272 с.
8. Кожевников В. В., Караваяев А. Ф., Зверев В. О. Статус позитивной ответственности в понятийно-категориальном аппарате общей теории права // *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2018. № 3(74). С. 88–94.
9. Франкл В. *Человек в поисках смысла*. М., 1990. 368 с.
10. Дементий Л. И. Ответственность как способ жизнедеятельности и личностный ресурс // *Вестник Харьковского национального университета*. Серия: Психология. Вып. 44. 2010. № 913. С. 34–37.
11. Абульханова-Славская К. А. Типология активности личности // *Психологический журнал*. 1985. Т. 6, № 5. С. 13–18.
12. Муздыбаев К. *Психология ответственности*. Изд. 2, доп. М., 2010. 248 с.
13. Rotter J. B., Marly R-C. Internal versus external control of reinforcement and decision time. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1965. No 2. Pp. 598–604.
14. Фрейд З. *Психопатология обыденной жизни* / пер. О. Медема. СПб., 2016. 192 с.
15. Роджерс К. Р. *Образ жизни*. Бостон, 1980. 395 с.
16. Никулин С. Г. Формирование социальной ответственности в вузах системы МВД России // *Ученые записки Казанского юридического института МВД России*. 2020. Т. 5, № 2(10). С. 201–204.

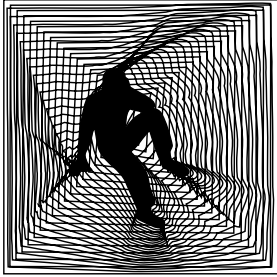
17. Zubov I. V., Kuznetsov V. V. Правовой аспект в формировании гражданской ответственности курсантов вузов системы МЧС России // Пожарная безопасность: проблемы и перспективы. 2017. № 8. С. 73–76.
18. Коваленко В. И., Коваленко Е. В. Подготовка сотрудников полиции к реализации социальной функции в современном российском обществе: предпосылки исследования // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 3. С. 79–91.
19. McDevitt J., Posick C., Zschoche R., Rosenbaum D. P., Buslik M., & Fridell L. Police integrity, responsibility, and discipline. Washington, 2011.
20. Пervitskaya A. M. Профессионально-психологический отбор кандидатов на службу в ОВД РФ // Вестник Ярославского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 4. С. 111–115.
21. Числов А. И. Дисциплинарная ответственность сотрудников органов внутренних дел // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 2(29). С. 63–66.

*Поступила 12.10.2021; одобрена после рецензирования 10.06.2022; принята к публикации 30.06.2022.
Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.*

References

1. Problems of general psychology. Rubinstein S. L. Ed. by Shorokhov E. V. The Academy of Pedagogical Sciences of the USSR, Institute of Psychology. 2nd edition. Moscow, 1976. 416 p. (In Russ.)
2. Abulkhanova-Slavskaya K. A. Life strategy. Moscow, 1991. 299 p. (In Russ.)
3. Dementy L. I. Responsibility: typology and personality grounds. Omsk, 2001. 191 p. (In Russ.)
4. Dementy L. I., Malenov A. A. Resources, stages and space of personality self-realization: theoretical empirical foundation of the model. *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2021. Vol. 22, No. 1. Pp. 137–152. (In Russ.)
5. Fromm E. Escape from freedom. Transl. from Eng. by Shveynik G. F. Ed. by Gurevich P. S. Moscow, 2006. 175 p. (In Russ.)
6. Rotter J. B. General expectancies for internal versus external control of reinforcement. *Psychographs*. 1966. No. 80. Pp. 1–28.
7. Savenkov A. I. Pathway to Giftedness: Studies in Preschool Behavior. Textbook. St. Petersburg, 2004. 272 p. (In Russ.)
8. Kozhevnikov V. V., Karavaev A. F., Zverev V. O. Status of Positive Legal Responsibility in the Terminology Base of General Theory of Law. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2018. No. 3(74). Pp. 88–94. (In Russ.)
9. Frankl V. Man's search for meaning. Moscow, 1990. 368 p. (In Russ.)
10. Dementy L. I. Responsibility as the means of life activity and personality resource. *Bulletin of Kharkov National University. Series: Psychology. Issue 44*. 2010. No. 913. Pp. 34–37. (In Russ.)
11. Abulkhanova-Slavskaya K. A. Typology of personality activity. *Psychological Journal*. 1985. Vol. 6, No. 5. Pp. 13–18. (In Russ.)
12. Muzdybaev K. Psychology of responsibility. 2nd edition. Moscow, 2010. 248 p. (In Russ.)
13. Rotter J. B., Marly R.-C. Internal versus external control of reinforcement and decision time. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1965. No. 2. Pp. 598–604.
14. Freud Z. The psychopathology of everyday life. Transl. by Medem O. St. Petersburg, 2016. 192 p. (In Russ.)
15. Rogers C. R. A way of being. Boston, 1980. 395 p. (In Russ.)
16. Nikulin S. G. Formation of social responsibility at the higher educational institutions of the Russian Ministry of Internal Affairs. *Academic Notes of the Kazan Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs*. 2020. Vol. 5, No. 2(10). Pp. 201–204. (In Russ.)
17. Zubov I. V., Kuznetsov V. V. Legal aspect in formation of civil responsibility of the cadets at a university of the Russian Ministry of Emergency Situations. *Fire Safety: Problems and Prospects*. 2017. No. 8. Pp. 73–76. (In Russ.)
18. Kovalenko V. I., Kovalenko E. V. Preparing police officers for implementation of the social function in the modern Russian society: prerequisites of study. *Problems of Law Enforcement Activity*. 2015. No. 3. Pp. 79–91. (In Russ.)
19. McDevitt J., Posick C., Zschoche R., Rosenbaum D. P., Buslik M., & Fridell L. Police integrity, responsibility, and discipline. Washington, 2011.
20. Pervitskaya A. M. Professional psychological selection of applicants for law enforcement service in the Russian Federation. *Bulletin of Yaroslavl State University. Series: Humanities*. 2020. No. 4. Pp. 111–115. (In Russ.)
21. Chislov A. I. Law enforcement officers' disciplinary responsibility. *Law and Order: History, Theory, Practice*. 2021. No. 2(29). Pp. 63–66. (In Russ.)

*Submitted 12.10.2021; approved after reviewing: 10.06.2022; accepted for publication: 30.06.2022.
All the authors have made an equal contribution to the publication.
The authors declare that there is no conflict of interest.*

Психологические аспекты напряженности и конфликтологии

Psychological aspects of tension and conflict resolution

Научно-практическая статья

УДК 159.9.072 © И. В. Васильева, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-491-411-419

5.3.9 Юридическая психология и психология безопасности

Оценка стрессовой реакции детей и родителей на сообщения об акте терроризма

Инна Витальевна Васильева^{1,2}, доктор психологических наук, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, профессор кафедры философии, иностранных языков, гуманитарной подготовки сотрудников; i.v.asileva@utmn.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0740-7260>

¹ Тюменский государственный университет, 625007, Тюмень, пр. 9 мая, 5, Россия

² Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 625049, Тюмень, ул. Амурская, 75, Россия

Реферат

Введение. Стабильность и благополучие общества определяются психологическим состоянием, связанным с возможностью его членов чувствовать себя в безопасности. Потребность в безопасности была фрустрирована у жителей многих городов России в декабре 2021 – январе 2022 гг. из-за ложных сообщений об актах терроризма в отношении объектов социальной инфраструктуры — общеобразовательных учреждений. Целью исследования является оценка стрессовой реакции детей и родителей после ложных сообщений об акте терроризма в школах на примере г. Тюмени. **Материалы и методы.** В ходе исследования проведены опрос и анкетирование родителей детей, обучавшихся в школах и непосредственно участвовавших в эвакуациях в период с декабря 2021 г. по январь 2022 г. В конце января 2022 г. посредством анонимного опроса в Google-формах были получены данные от 37 родителей относительно их детей (52 ребенка в целом по выборке). Для оценки психологического состояния родителей использовался психосемантический подход. Сбор данных проводился методом свободных ассоциаций на стимул «сообщения об эвакуации в школах». Было получено семантическое поле из 289 слов. Эти ассоциации были классифицированы по семантическим группам. Для оценки психологического состояния детей использовалась Родительская анкета для оценки травматических переживаний детей Н. В. Тарабриной. **Результаты и обсуждение.** Выявлено шесть укрупненных смысловых категорий, связанных с психологической реакцией на сообщения об эвакуации в школах города. Эти смысловые категории описывают образ угрожающей ситуации, эмоциональную и информационную оценку ситуации, физическую реакцию на ситуацию, степень предсказуемости появления такой ситуации, копинги. У детей обнаружены некоторые симптомы травматического стресса: симптомы вторжения и физиологической возбудимости. **Выводы.** Дети и родители реагируют на сообщения об эвакуации из школ в логике разворачивания острого стресса на травматическую ситуацию; демонстрируют преимущественно симптомы вторжения и физиологической возбудимости. Родители проявляют эмоциональную реакцию в гипостенической форме, но при этом активно используют конструктивные копинги.

Ключевые слова: учащиеся школ; родители; стрессовая реакция; ложное сообщение об акте терроризма

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-413-720004.

Для цитирования: Васильева И. В. Оценка стрессовой реакции детей и родителей на сообщения об акте терроризма // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 4(91). С. 411–419. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-491-411-419>

Scientific and Practical Article

UDC 159.9.072 © I. V. Vasilieva, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-491-411-419

5.3.9 Legal Psychology and Psychology of Security

Assessment of Children's and Parents' Stress Response to Reports about an Act of Terrorism

Inna V. Vasilieva^{1,2}, Doctor of Sciences (in Psychology), head of the chair of General and Social Psychology, Professor at the chair of Philosophy, Foreign Languages, Officers' Humanitarian training; i.v.vasilieva@utmn.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0740-7260>

¹ Tyumen State University, 5, 9 Maya pr., Tyumen, 625007, Russia

² Tyumen Advanced Training Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, 75, Amurskaya st., Tyumen, 625049, Russia

Abstract

Introduction. Stability and welfare of the society are determined by the psychological state connected with its participants' possibility to feel safe. From December 2021 to January 2022 the need for security was frustrated among citizens of many cities in Russia due to false reporting of terrorist acts against objects of the social infrastructure — educational institutions. The aim of the study is to assess the stress response of children and parents after false reporting of acts of terrorism in schools using the example of Tyumen. **Materials and Methods.** The research included a survey and questioning of parents of children who were studying in schools and involved in evacuation from December 2021 to January 2022. At the end of January 2022, the data was obtained from 37 parents regarding their children through an anonymous survey in Google forms (52 children in the whole sample). To assess the psychological state of the parents, a psychosemantic approach was used. Data collection was carried out through the method of free associations for the stimulus "information about evacuation in schools". A semantic field of 289 words was obtained. These associations were classified into semantic groups. To assess the psychological state of children, the N. V. Tarabrina's parental questionnaire was used to assess the traumatic experiences of children. **Results and Discussion.** Six enlarged semantic categories associated with the psychological reaction to reports of evacuations in the city's schools have been identified. These semantic categories describe the image of a threatening situation, the emotional and informational assessment of the situation, the physical reaction to the situation, the degree of predictability of arising of such a situation, coping strategies. Some symptoms of traumatic stress have been found in the children: symptoms of intrusion and physiological excitability. **Conclusions.** Children and parents react to information on evacuation from schools in the logics of unfolding acute stress on a traumatic situation; show predominantly symptoms of intrusion and physiological excitability. Parents show an emotional reaction in a hyposthenic form, but at the same time they actively use constructive coping strategies.

Keywords: school students; parents; stress response; false reporting of a terrorist act

Acknowledgments: This research was done with the financial support of The Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-413-720004.

Citation: Vasilieva I. V. Assessment of Children's and Parents' Stress Response to Reports about an Act of Terrorism. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27, No. 4(91). Pp. 411–419. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-491-411-419>

Основные положения

1. Сообщения об акте терроризма вызывают острую стрессовую реакцию в актуальном периоде действия информационной травматической ситуации. Повторение травматической ситуации этого типа не вызывает эффекта привыкания.

2. Учащиеся школ, непосредственно участвовавшие в эвакуации из общеобразовательных учреждений из-за сообщений об акте терроризма, не проявляют выраженных синдромов травматического стресса, но демонстрируют отдельные симптомы вторжения и физиологической возбудимости (из группы симптомов посттравматического стрессового расстройства).

3. Родители школьников демонстрируют логику реагирования острого стресса на травматическую ситуацию, связанную с ложными сообщениями об акте терроризма в общеобразовательных школах, однако способны оперативно привлекать конструктивные копинги.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. По данным ФСБ России, с 2018 г. по 2021 г. зафиксировано свыше 16 тыс. ложных сообщений о террористических актах. Общее количество про-

веденных экстренными службами проверочных мероприятий превысило 50 тыс., эвакуировано более 1,5 млн человек*. В декабре 2021 – январе 2022 гг. в г. Тюмени прошло шесть эвакуаций из-за заведомо ложных сообщений о минировании общеобразовательных учреждений. Согласно ст. 207 Уголовного кодекса Российской Федерации такие сообщения могут быть квалифицированы как заведомо ложное сообщение об акте терроризма, совершенное в отношении объектов социальной инфраструктуры либо повлекшее причинение крупного ущерба. Аналогичные правонарушения фиксировались по всей стране с разной степенью интенсивности. Детей выводили из школ, отправляли домой, родители перестраивали свой рабочий день и приезжали за детьми.

В средствах массовой информации, социальных сетях, школьных чатах быстро появлялась информация об эвакуации. С одной стороны, у родителей была возможность «контролировать» ситуацию — приехать, забрать ребенка или позвонить ему, узнать, что он в безопасности, с другой — ситуации эвакуации были неожиданными, тревожащими, требовали изменения планов и контроля за эмоциональным состоянием ребенка (преимущественно младших классов). Комментарии

* Заведомо ложные сообщения об актах терроризма предложено оперативно блокировать. URL: <http://duma.gov.ru/news/50990/> (дата обращения: 16.03.2022).

пользователей СМИ и социальных сетей демонстрируют как минимум две полярные позиции: 1) тревога по поводу неожиданного, пугающего события («Какой ужас! Когда его поймут! За детей страшно!»); 2) обесценивание события, эмоциональная бравада («Всем известно, что это не по-настоящему! Отчего все паникуют?!»). **Цель** настоящей работы — оценка стрессовой реакции детей и родителей после ложных сообщений об акте терроризма в школах на примере города Тюмени.

Теоретические предпосылки и обзор проблемы.

Обзор исследований [1–3], посвященных проблеме ложных сообщений об акте терроризма, показывает, что основной фокус сосредоточен в области правовых изысканий относительно точности квалификации преступления, на причинах распространения именно этого типа преступлений в последнее время, на оценке финансовых затрат государства по проверке таких сообщений. Терроризмом признается организация деяния, направленного на причинение смерти, тяжких телесных повреждений, устрашение гражданского населения, нанесение ущерба материальным объектам гражданской инфраструктуры. Исследователи указывают, что «заведомая ложность как свойство сообщаемой информации означает ее недостоверность или полное несоответствие объективной действительности, в полной мере осознаваемое виновным, поскольку преступление совершается с прямым умыслом» [4, с. 38]. Несмотря на наличие способов оценки уровня выраженности террористической угрозы [5], для граждан сообщение об акте терроризма становится ложным только после его проверки сотрудниками правоохранительных органов, постфактум. Следовательно, каждое сообщение в момент эвакуации, до его проверки сотрудниками полиции, большей частью гражданского населения воспринимается как тревожащее, непосредственно угрожающее их жизни, здоровью, материальным ценностям [6]. Субъект, совершающий звонок о якобы готовящемся взрыве в общеобразовательных школах, торговых центрах города, создает условия для психической травматизации гражданского населения, для наиболее уязвимой его части — несовершеннолетних. Образовательное пространство школы становится небезопасным, что вызывает нарушение хода обучения, снижение социального и психологического благополучия участников образовательного процесса [7; 8]. Имеются данные о том, что такого рода действия часто совершаются несовершеннолетними, людьми с психическими отклонениями [3; 9; 10]. Обнаружена связь между представленностью в СМИ сообщений о террористических актах и ростом ложных сообщений о терроризме [11].

Однако психологические реакции участников эвакуаций из-за ложных сообщений об акте терроризма остаются малоизученными.

В традиции психологических исследований участников травматических ситуаций принято разделять

на непосредственных участников травматической ситуации и остальных ее субъектов, прямо или косвенно в ней задействованных в последующем. Это как сотрудники служб, осуществляющие помощь, так и родственники непосредственных участников и даже пользователи электронных средств массовой информации [12].

Сами учащиеся, эвакуированные из общеобразовательных учреждений, могут считаться первичными жертвами, поскольку непосредственно участвовали в ситуации, вызывающей страх, ощущение беспомощности. Например, по словам опрошенных родителей, некоторые дети утверждали, что видели пожар в здании школы, которого в действительности не было. Родители эвакуированных учащихся могут считаться вторичными жертвами, поскольку их стресс связан не с непосредственным восприятием травматического события, а переживанием за ребенка, эмпатическим вчувствованием в его состояние. Средства массовой информации способствуют формированию и усилению вторичного травматического стресса [13; 14].

Исследования вторичного стресса относительно немногочисленны [14; 15], что не говорит о малозначимости этой проблемы. Скорее, это указание на трудности организации эмпирического исследования вторичного травматического стресса. Психологические аспекты вторичной травматизации и вторичного стресса исследуют преимущественно применительно к работникам помогающих и экстремальных профессий [16–18]. Однако родители школьников, участвовавших в эвакуации из общеобразовательных учреждений из-за ложных сообщений об акте терроризма, тоже демонстрируют симптомы стрессового реагирования. С учетом совместности жизнедеятельности детей и родителей их стрессовые реакции могут индуцировать друг друга. Вместе с тем большая часть усилий школьных психологов будет сосредоточена на помощи непосредственно школьникам как первичным жертвам, а их родители при этом остаются вне сферы профессиональной психологической помощи. Существует риск того, что стрессовое состояние родителей может нивелировать эффект от психологической помощи ребенку.

Таким образом, несмотря на то что ложное сообщение об акте терроризма не приводит к реальным угрозам для жизни и здоровья людей, оно неблагоприятно отражается на эмоциональном самочувствии людей, в данном случае — участников образовательного процесса.

Материалы и методы

Характеристика участников эксперимента.

Опрошены 37 родителей посредством заполнения анонимного опроса в Google-формах. Они оценивали свою реакцию и реакцию своих детей (всего 52 ребенка) на изучаемые события. Половозрастной состав ро-

дителей: 31 женщина, 6 мужчин. Их возраст — от 30 до 50 лет. Образование у всех высшее. Половозрастной состав детей: 27 девочек, 25 мальчиков. Их возраст — от 6 до 17 лет. Учащиеся младшей школы: 29 человек (16 девочек, 13 мальчиков); средней школы: 13 человек (7 девочек, 6 мальчиков); старшей школы: 10 человек (4 девочки, 6 мальчиков).

Процедура формирования выборки. Участие испытуемых в исследовании было добровольным и не фи-

нансировалось. Сбор данных реализован посредством заполнения Google-формы. Исследование проходило в анонимном формате. Таким образом, в реализуемой процедуре мы учитывали этические нормы и требования к проведению психологических исследований.

Схема проведения исследования:

1) заполнение анкеты со скрининговыми данными (пол, возраст, уровень образования, количество детей и их возраст);

Таблица 1. Семантические категории, связанные с реагированием родителей школьников на сообщения об эвакуации в общеобразовательных учреждениях г. Тюмени
(Table 1. Semantic categories related to the response of schoolchildren's parents to information about evacuation in Tyumen educational institutions)

Укрупненная смысловая категория (УСК)	Смысловая категория	Семантические единицы (СЕ)	Количество СЕ в категории
Физическая реакция на ситуацию	Нормативная реактивность	ехать — 1, идти — 1, уходить — 1, увести — 1, забрать — 3, эвакуация — 3, потренировались — 1, холод — 2	13
	Повышенная реактивность	бежать — 2, побегали — 1, убежать — 1, паника — 2, сумбур — 1, хаос — 1, спешить — 1, спешка — 1, толпа — 1, толчея — 1, суета — 1, давка — 1	14
Образ угрожающей ситуации	Образ виновника	больной — 1, бредовый — 1, сумасшедший — 2, глупый — 2, нет ума — 1, бессовестные — 1, бесчеловечный — 1, не русские — 1, мерзкий — 1, отвратительный — 1, безответственные — 1, надоедливый — 1, безнаказанность — 1, хулиган — 1	16
	Образ предмета ситуации	бомба — 2, взрыв — 3, теракт — 1	6
	Средство создания ситуации	звонить — 1, звонок — 2, позвонить — 1, сообщить — 1, телефон — 1	5
	Оценка ситуации как источника опасности	беда — 1, опасность — 6, опасный — 5, небезопасный — 1, беззащитность — 3, беззащитный — 2, незащищенность — 1, незащищенный — 3, ненадежный — 1, красный — 3	25
Предсказуемость ситуации	Непредсказуемость	неожиданный — 2, непредсказуемый — 1, незапланированное — 1, несвоевременное — 1, неправдоподобное — 1, нереальный — 1, бесконтрольный — 1, беспочвенное — 1, непонятный — 2, недоуменный — 1, невозможное — 2, бессмысленный — 1, не поступит — 1	16
	Повторяемость	ожидаемый — 1, регулярное — 1, очередной — 1, продолжают — 1	4
Когнитивная оценка ситуации	Оценка ситуации как обмана	ложь — 3, обман — 2, обманчивый — 1, обманывать — 1, фейковый — 1, дезинформируют — 1, хитрость — 2	11
	Оценка ситуации как манипуляции	воздействие — 1, воздействующий — 1, манипулирующий — 1, манипуляция — 1, преувеличение — 1, заставляют — 1, принуждение — 1, сложная — 1, усложнить — 1	9
Эмоциональная оценка ситуации	Базовая реакция	встреваться — 1, обеспокоенный, — 1, беспокойный — 1, беспокойство — 1, беспокоиться — 2, нервничать — 1, переживание — 1, неуравновешенный — 1, тревога — 6, тревожность — 1, тревожный — 5	21
	Вариативность эмоциональной реакции Гипостеническая реакция	растерянность — 1, растерянный — 1, прятаться — 1, усталый — 1, утомительный — 2, боязнь — 1, бояться — 1, испуг — 1, испугаться — 1, напугался — 1, страх — 8, страшный — 10, пугающий — 2, запугивать — 1, запугивающий — 1, утрашать — 1, жуткий — 1, ужас — 4, ужасный — 4, кошмар — 1	44
	Вариативность эмоциональной реакции Гиперстеническая реакция	напряжение — 1, взволнованный — 1, волнение — 1, волнительный — 1, агрессивный — 1, злость — 2, хмурый — 1, плохой — 2, негативный — 2, неприятность — 3, неудачный — 1, раздражение — 1, издевательство — 1, надоело — 4, возмущение — 2, крик — 1, кричать — 1, <i>инвективы, выражающие возмущение</i> , — 6	32
Копинги	Копинг — саморегуляция	спокойный — 2, успокоиться — 1, не паниковать — 1, смиренный — 1, самообладание — 1, благоразумный — 1	7
	Копинг — планирование будущего	школа — 4, занятия — 1, уроки — 1, успеваемость — 1, отменилось — 1, сорванный — 1, прогулять — 1, репетитор — 1, выполнять — 1, делать — 1, доработывать — 1	14
	Копинг — проверка истинности информации	правдивый — 1, информация — 1, новость — 1, узнать — 3, говорить — 1, объяснить — 1, поговорить — 1, уточнить — 1, решать — 1, выяснять — 2, проверить — 1, ситуация — 1, смотреть — 2, свободная — 1	18
	Копинг — поиск внешней поддержки	быстро — 1, оперативно — 1, важный — 1, внимательный — 2, бдительный — 1, ответственный — 2, социальный — 1, наказание — 1, поймать — 1, полиция — 1, отреагировать — 1, решиться — 1, охранять — 1, обеспечить безопасность — 1, безопасность — 2, защитить — 4, спасти — 2, уберечь — 2	26
	Копинг — формирование образа дома/семьи как убежища	будь осторожен — 1, заботливый — 1, береги себя — 1, любовь — 1, дети — 3, родители — 1, дом — 2	10
Все категории (296 — все полученные ассоциации, 286 — категоризованные ассоциации, 7 — некатегоризуемые ответы)			289

2) сбор данных методом свободных ассоциаций на стимул: «сообщения об эвакуации в школах». На данный стимул родителям нужно было дать девять ассоциаций в формате: три существительных, три прилагательных и три глагола в инфинитивной форме. Психосемантический подход позволяет получить от испытуемого информацию, менее контролируемую со стороны установки на социальную желательность, нежели прямой вопрос [19]. Сбор данных проводился в конце января 2022 г.;

3) оценка родителями состояния своих детей посредством заполнения Родительской анкеты для оценки травматических переживаний детей Н. В. Табрабриной [20];

4) методом свободных ассоциаций на стимул: «сообщения об эвакуации в школах» было получено семантическое поле из 296 слов (иногда словосочетаний). Эти ассоциации были классифицированы по смысловым группам (однокоренные, родственные слова, семантически близкие), куда вошли 289 слов, остальные 7 слов оказались вне категорий по причине единичной представленности ассоциаций и не учитывались в дальнейшем анализе. Весь массив полученных данных был обработан с помощью покатегориального частотного анализа посредством экспертной оценки при распределении слов и словосочетаний по категориям.

Родительская анкета обрабатывалась по ключу, основанному на критериях ПТСР в DSM-IV (R): А — немедленное реагирование, В — навязчивое воспроизведение, С — избегание, D — возросшая возбудимость, F — нарушения функционирования.

Оценивался общий уровень посттравматических симптомов;

5) выделение группы детей, которые, по оценкам их родителей, продемонстрировали максимальное количество симптомов посттравматического реагирования. Сравнение выраженности смысловых категорий реагирования на ситуации ложных сообщений об акте терроризма у родителей детей с максимальным количеством симптомов посттравматического реагирования и родителей детей, которые не продемонстрировали указанных симптомов. Для попарного сравнения трех зависимых рядов данных: суммы семантических единиц в каждой смысловой категории в общей выборке родителей (37 человек), группе родителей детей с максимальным количеством симптомов посттравматического реагирования (8 человек) и группе родителей, чьи дети не имели симптомов посттравматического реагирования, — использовался критерий знаков (29 человек).

Результаты и обсуждение

Первый этап осмысления результатов связан с категоризацией семантических единиц в более крупные смысловые категории (табл. 1). Было проведено два этапа укрупнения, что позволило содержательно истолковать полученные результаты.

Второй этап осмысления результатов связан с ранжированием укрупненных смысловых категорий. Это позволило оценить выраженность компонентов стрессового реагирования родителей на ситуацию ложного сообщения об акте терроризма в школе (табл. 2.).

Было выделено шесть укрупненных смысловых категорий: физическая реакция на ситуацию, образ угрожающей ситуации, предсказуемость ситуации, когнитивная оценка ситуации, эмоциональная оценка ситуации, копинги.

Таблица 2. Сводная таблица оценок по укрупненным смысловым категориям
(Table 2. Summary table of assessments for enlarged semantic categories)

Укрупненная смысловая категория (УСК)	Смысловая категория	Количество СЕ в категории	Суммарное количество СЕ в УСК	Ранговое место УСК в семантическом поле выборки
Физическая реакция на ситуацию	Нормативная реактивность	13	27	4
	Повышенная реактивность	14		
Образ угрожающей ситуации	Образ виновника	16	52	3
	Образ предмета ситуации	6		
	Средство создания ситуации	5		
	Оценка ситуации как источника опасности	25		
Предсказуемость ситуации	Непредсказуемость	16	20	5
	Повторяемость	4		
Когнитивная оценка ситуации	Оценка ситуации как обмана	11	18	6
	Оценка ситуации как манипуляции	7		
Эмоциональная оценка ситуации	Базовая реакция	21	97	1
	Вариативность эмоциональной реакции Гипостеническая реакция	44		
	Вариативность эмоциональной реакции Гиперстеническая реакция	32		
Копинги	Копинг — саморегуляция	7	75	2
	Копинг — планирование будущего	14		
	Копинг — проверка истинности информации	18		
	Копинг — поиск внешней поддержки	26		
	Копинг — формирование образа дома/семьи как убежища	10		
Всего			289	

жающей ситуации, предсказуемость травматической ситуации, когнитивная, эмоциональная оценки ситуации и копинги. Ожидаемо, что эмоциональная оценка ситуации в семантическом пространстве реагирования на травматическую ситуацию ложного сообщения об акте терроризма в школе занимает первый ранг по частотности смысловых единиц. Эмоциональное реагирование родителей включает в себя как базовую реакцию тревоги, так и последующую вариативность эмоционального реагирования по гипостеническому и гиперстеническому типам, причем гипостенический вариант встречается чаще. Физическая реакция на ситуацию (4 ранг), нормативная или повышенная реактивность меньше представлена в семантическом пространстве, нежели эмоциональная. Однако можно увидеть, что нормативная и повышенная реактивность проявляются в равной мере, т. е. родители большей частью способны справиться со стремлением к паническим реакциям, связанным с физическим удалением от источника опасности. Еще менее выражена когнитивная оценка ситуации (6 ранг), что естественно для логики развития реакции на ситуацию, оцениваемую как опасная. Когнитивная оценка ситуации включает в себя оценку ситуации как обмана и как способа манипуляции. В какой-то мере такая оценка выступает в качестве способа стабилизации эмоционального состояния родителей, позволяет им прогнозировать последующие события и планировать собственные усилия по совладанию с эмоциональными последствиями ситуации ложного сообщения об акте терроризма в школе.

Однако в отношении способов совладания с эмоциональным состоянием у родителей можно выделить отдельную значимую смысловую категорию — копинги (второй ранг). Родители использовали саморегуляцию, поиск внешней поддержки, планировали свои будущие действия после завершения ситуации, указывали на необходимость проверки поступающей информации, формировали для ребенка образ дома и семьи как безопасного пространства. Наиболее выраженным является копинг «поиск внешней поддержки», связанный с обращением за помощью к полиции или ожиданием, что сотрудники полиции эффективно разрешат эту ситуацию. Все используемые родителями копинги можно отнести к конструктивным.

Образ угрожающей ситуации (3 ранг) и степень предсказуемости возникновения угрожающей ситуации (5 ранг) характеризуют источник опасности. Образ угрожающей ситуации складывается из образа виновника, образа предмета ситуации, представлений о средствах создания ситуации, оценки ситуации как источника опасности. Наибольший вклад вносит в эту смысловую категорию оценка ситуации как источника опасности, т. е. родители школьников считают ложные сообщения об акте терроризма в общеобразовательных

учреждениях событиями, которые напрямую угрожают жизненному благополучию. Необходимо обратить внимание также на выраженность такого компонента, как образ виновника ситуации: он представляется отрицательным из-за сниженных возможностей к адекватной оценке происходящего у родителей. Несмотря на неоднократность ложных сообщений об актах терроризма в школах, такие ситуации воспринимаются как непрогнозируемые, неожиданные, а значит, каждый раз требуют от родителей увеличения ресурсов по совладанию с неблагоприятными эмоциональными последствиями. Более того, повторение ситуаций, связанных с ложными сообщениями об актах терроризма в школах, активное освещение этих случаев в СМИ и социальных сетях могут вызвать усугубление травматических переживаний как детей, так и родителей [21].

Способность родителей справляться с травматическими ситуациями влияет на эмоциональное благополучие детей. Исследователи указывают на важность адекватного толкования травматической ситуации родителем для ребенка, что позволяет последнему встроить новое, хотя и травматическое событие в собственный опыт и выработать отношение к этому событию, способы совладания [22; 23]. Поэтому важно проанализировать эмоциональные реакции не только взрослых, но и их детей.

Анализ симптомов посттравматического стрессового реагирования у детей согласно экспертному оцениванию родителями показал, что синдромы не сформированы, но некоторые симптомы более часто встречаются, чем другие (табл. 3).

Таблица 3. Выраженность отдельных симптомов реагирования на травматическую ситуацию у детей (Table 3. The intensiveness of separate symptoms of response to a traumatic situation in children)

Группа симптомов/ синдром	Выраженность отдельных симптомов	Частота встречаемости в выборке
А — немедленное реагирование	Ребенок чувствовал ужас (очень сильный страх)	11
	Ребенок чувствовал себя беспомощным	10
	Ребенок был возбужденным. Он был гиперактивен, трудноконтролируем, импульсивен	10
В — навязчивое воспроизведение	Ребенок рассказывает о неприятных воспоминаниях о событии	8
	Ребенок легко пугается. Например, сильно вздрагивает, когда слышит неожиданный или громкий звук	9
	У ребенка появились проблемы со сном или засыпанием	6
С — избегание	Нет часто встречающихся симптомов	0
Д — возросшая возбудимость	Ребенку снятся плохие сны	9
Е — нарушения функционирования	Нет часто встречающихся симптомов	0

Остальные симптомы, перечисленные в анкете, встречаются реже в исследуемой выборке. Таким образом, можно утверждать, что наиболее часто на травматическую ситуацию ложного сообщения об акте терроризма в школе дети реагируют в логике острого стресса, преимущественно симптомами вторжения и физиологической возбудимости.

Из общей выборки были выделены 8 родителей, которые, согласно их оценкам, наблюдали у своих детей максимальное количество симптомов посттравматического реагирования (суммарно от 5 до 13). Сравнение выраженности смысловых категорий реагирования на ситуации ложных сообщений об акте терроризма у этих родителей с остальными родителями, чьи дети не продемонстрировали симптомов посттравматического реагирования (от 0 до 3 в сумме), показало отсутствие статистически значимой разницы по всем смысловым категориям реагирования на ситуации ложных сообщений об акте терроризма. Отсюда следует, что семантические аспекты родительской реакции в данной ситуации не связаны с особенностями детей. Это позволяет проводить психологическую работу с детьми по коррекции эмоционального состояния независимо от родителей. Полученные результаты противоречат некоторым исследованиям связей родительских копингов и симптоматики развития посттравматического стрессового расстройства у детей [24]. В частности, показана связь копинга подавления негативных эмоций у родителей и развития ПТСР у детей. Возможное объяснение этому противоречию состоит в том, что сила травматических ситуаций была критично разной.

Таким образом, в проведенном исследовании изучена эмоциональная реакция родителей и детей в ситуациях ложных сообщений об акте терроризма в общеобразовательных учреждениях. Для оценки реакции родителей использовался психосемантический подход. Для квалификации реакции детей — экспертное оценивание родителями. Согласно этой экспертной оценке, чаще всего дети демонстрируют отдельные симптомы вторжения и физиологической возбудимости в ответ на исследуемую травматическую ситуацию. Проведено сравнение семантических категорий реагирования на травматическую ситуацию ложного сообщения об акте терроризма у родителей, чьи дети продемонстрировали более выраженные симптомы посттравматического реагирования, и родителей, чьи

дети таких симптомов не демонстрировали. Показано отсутствие связи между родительским реагированием и реагированием детей.

Выводы

1. Психосемантическая организация исследования позволяет оценить реагирование родителей школьников на ложные сообщения об актах терроризма в общеобразовательных учреждениях.

2. Родители учащихся, участвовавших в эвакуации из школ из-за ложных сообщений об актах терроризма, демонстрируют реагирование в логике разворачивания острого стресса. Наиболее выражена эмоциональная реакция (тревога, гиперстеническое и гипостеническое реагирование), но активно функционируют конструктивные копинги: саморегуляции, планирования будущего, проверка достоверности информации, обращение к внешней поддержке, обеспечение эмоционального комфорта в отношениях с детьми.

3. Учащиеся, участвовавшие в эвакуации из школ из-за сообщений об актах терроризма, чаще всего демонстрируют отдельные симптомы вторжения и физиологической возбудимости в ответ на эту травматическую ситуацию. Наиболее выраженными у детей симптомами являются: 1) ощущения страха и ужаса; 2) ощущения беспомощности; 3) проявления возбужденности, гиперактивности в поведении; 4) повышенная пугливость как реакция на резкие звуки; 5) сновидения с пугающим содержанием.

4. Предположение о том, что имеется связь между эмоциональным реагированием родителей и детей на ситуацию ложного сообщения об акте терроризма, не нашло подтверждения. Это позволяет выстраивать психологическую работу по коррекции эмоционального состояния родителей и детей в данном контексте, независимо друг от друга.

Перспективы. В качестве перспектив данного исследования можно выделить такие направления:

1) сравнение особенностей посттравматического реагирования на ситуацию ложного сообщения об акте терроризма в общеобразовательных учреждениях у школьников разных возрастных групп и разного пола;

2) апробация способов стабилизации эмоционального состояния у родителей и школьников после ложных сообщений об актах терроризма в общеобразовательных учреждениях.

Список источников

1. Костылева О. В. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ) и угроза совершения террористического акта (ст. 205 УК РФ) // Уголовное право. 2018. № 2. С. 52–60.
2. Тюнин В. И., Озарь Т. А. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма: новеллы законодательства // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 1(72). С. 3–7.
3. Шигуров А. В., Шигурова Е. И. Проблемы уголовно-правового противодействия заведомо ложным сообщениям об акте терроризма, совершаемым несовершеннолетними // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2020. № 2(9). С. 36–44. <https://doi.org/10.24411/2618-8120-2020-00004>.

4. Майстренко Г. А. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ): методологические и правовые аспекты квалификации // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10, № 12А. С. 36–42. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.52.72.006>.
5. Allely C. S., Wicks S. J. The feasibility and utility of the Terrorist Radicalization Assessment Protocol (TRAP—18): A review and recommendations. *Journal of Threat Assessment and Management*. 2022. Advance online publication. <https://doi.org/10.1037/tam0000179>.
6. Игнатов А. Н. О террористическом характере заведомо ложного сообщения об акте терроризма // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 5. С. 157–165.
7. Lunn L., Champion K., James S., Velez G. A. framework for guiding transformative growth after school shootings. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2021. Vol. 27, No 3. С. 486–496. <https://doi.org/10.1037/pac0000534>.
8. Кисляков П. А., Шмелева Е. А., Толстов С. Н. Обеспечение социально-психологической безопасности субъектов образования // Вопросы психологии. 2015. № 5. С. 46–55. EDN: VQYXYV.
9. Halikias W. School-Based Risk Assessments: A Conceptual Framework and Model for Professional Practice. *Professional Psychology: Research and Practice*. 2004. Vol. 35, No 6. С. 598–607. <https://doi.org/10.1037/0735-7028.35.6.598/>.
10. Янгуразова Г. Д. Особенности объективных и субъективных признаков статьи 207 Уголовного кодекса Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. 2018. № 2(22). С. 126–131.
11. Жмуров Д. В., Протасевич А. А., Пороховой В. Ю. Телефонный терроризм: влияние средств массовой информации // Вестник Российской правовой академии. 2017. № 3. С. 63–67.
12. Быховец Ю. В., Тарабрина Н. В. Понятие угрозы: объективная и субъективная опасность // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. СоциокINETика. 2013. Т. 19, № 4. С. 139–144.
13. Еникополов С. Н., Мкртчян А. А. Психологические последствия терроризма и роль СМИ в процессе их формирования // Национальный психологический журнал. 2010. № 2(4). С. 41–46.
14. Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В., Ворона О. А. Проблема психологического благополучия населения перед лицом террористической угрозы // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. 2009. № 4. С. 61–68.
15. Еникополов С. Н., Лебедев С. В., Бобосов Е. А. Влияние экстремального события на косвенных участников // Психологический журнал. 2004. Т. 25, № 6. С. 73–76.
16. Крутолевич А. Н. Вторичная травматизация работников скорой медицинской помощи и работников органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям // Пожарная безопасность: проблемы и перспективы. 2012. № 2. С. 76–76.
17. Крутолевич А. Н. Факторы развития вторичной травматизации у работников экстремальных служб // Вопросы психологии. 2013. № 5. С. 54–63.
18. Малкина-Пых И. Г. Взаимосвязь профессионального выгорания и вторичного травматического стресса в структуре личности психологов // Акмеология. 2010. № 1. С. 79–88.
19. Вахитова З. З., Доценко Е. Л. Психосемантика. Тюмень, 2014. 292 с.
20. Тарабрина Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб., 2001. 272 с.
21. Ben-Zur H., Gil S., Shamshins Y. The relationship between exposure to terror through the media, coping strategies and resources, and distress and secondary traumatization. *International Journal of Stress Management*. 2012. Vol. 19, No. 2. С. 132–150. <https://doi.org/10.1037/a0027864>.
22. Алексанин С. С., Рыбников В. Ю., Цуцеева Ж. Ч. Концепция, принципы, психологические механизмы и структурно-функциональная модель формирования и коррекции посттравматических стрессовых расстройств у детей-жертв террористических актов // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2010. № 4-1. С. 93–98.
23. Брязунов И. П., Михайлов А. Н., Столярова Е. В. Посттравматическое стрессовое расстройство у детей и подростков. М., 2008. 144 с.
24. Есина О. Б., Макаров И. В. Клинические проявления ПТСР у детей и их взаимосвязи с родительскими копингами // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. 2013. Т. 77. С. 43–51.

Поступила 26.04.2022; одобрена после рецензирования: 21.06.2022; принята к публикации 30.08.2022.

References

1. Kostyleva O. V. Knowingly false report of an act of terrorism (Article 207 of the Criminal Code of the Russian Federation) and threat of committing a terrorist act (Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Criminal Law*. 2018. No. 2. Pp. 52–60. (In Russ.)
2. Tyunin V. I., Ogar' T. A. Knowingly false report of an act of terrorism: novels in legislation. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs*. 2019. No. 1(72). Pp. 3–7. (In Russ.)
3. Shigurov A. V., Shigurova E. I. Problems of criminal law counteraction to false reports about an act of terrorism made by juveniles. *Humanities, Political and Law Studies*. 2020. No. 2(9). Pp. 36–44. <https://doi.org/10.24411/2618-8120-2020-00004>. (In Russ.)
4. Maistrenko G. A. Knowingly false reports about an act of terrorism (Article 207 of the Criminal Code of the Russian Federation): methodological and legal aspects of qualification. *Matters of Russian and International Law*. 2020. Vol. 10, No. 12A. Pp. 36–42. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.52.72.006>. (In Russ.)
5. Allely C. S., Wicks S. J. The feasibility and utility of the Terrorist Radicalization Assessment Protocol (TRAP—18): A review and recommendations. *Journal of Threat Assessment and Management*. 2022. Advance online publication. <https://doi.org/10.1037/tam0000179>.
6. Ignatov A. N. On terrorist character of false reports about an act of terrorism. *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*. 2018. No. 5. Pp.157–165. (In Russ.)

7. Lunn L., Campion K., James S., Velez G. A. framework for guiding transformative growth after school shootings. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2021. Vol. 27, No 3. Pp. 486–496. <https://doi.org/10.1037/pac0000534>.
8. Kislyakov P. A., Shmeleva E. A., Tolstov S. N. Maintenance of social psychological security of subjects of education. *Psychological Issues*. 2015. No. 5. Pp. 46–55. EDN: VQYXYV. (In Russ.)
9. Halikias W. School-Based Risk Assessments: A Conceptual Framework and Model for Professional Practice. *Professional Psychology: Research and Practice*. 2004. Vol. 35, No. 6. Pp. 598–607. <https://doi.org/10.1037/0735-7028.35.6.598/>.
10. Yangurazova G. D. Features of objective and subjective signs of Article 207 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Science. Society. State*. 2018. No. 2(22). Pp. 126–131. (In Russ.)
11. Zhmurov D. V., Protasevich A. A., Porokhovoy V. Yu. Telephone terrorism: influence of mass media. *Bulletin of Russian Law Academy*. 2017. No. 3. Pp. 63–67. (In Russ.)
12. Bykhovets Yu. V., Tarabrina N. V. The concept of threat: objective and subjective danger. *Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 2013. Vol. 19, No. 4. Pp. 139–144. (In Russ.)
13. Enikopolov S. N., Mkrtychyan A. A. Psychological consequences of terrorism and the role of mass media in their formation. *National Psychological Journal*. 2010. No. 2(4). Pp. 41–46. (In Russ.)
14. Tarabrina N. V., Bykhovets Yu. V., Vorona O. A. The problem of psychological welfare of citizens facing terrorist threat. *Scientific Notes of Trans-Baikal State University. Series: Philosophy, Sociology, Cultural Studies, Social Work*. 2009. No. 4. Pp. 61–68. (In Russ.)
15. Enikopolov S. N., Lebedev S. V., Bobosov E. A. Influence of emergency situation on indirect participants. *Psychological Journal*. 2004. Vol. 25, No. 6. Pp. 73–76. (In Russ.)
16. Krutolevich A. N. Secondary traumatization of ambulance workers and employees of bodies and divisions for emergency situations. *Fire Safety: Problems and Prospects*. 2012. No. 2. Pp. 76–76. (In Russ.)
17. Krutolevich A. N. Factors of development of secondary traumatization of employees of emergency services. *Psychological Issues*. 2013. No. 5. Pp. 54–63. (In Russ.)
18. Malkina-Pykh I. G. Interconnection of professional burnout and secondary traumatic stress in the structure of psychologists' personality. *Acmeology*. 2010. No. 1. Pp. 79–88. (In Russ.)
19. Vakhitova Z. Z., Dotsenko E. L. Psychosemantics. Tyumen, 2014. 292 p. (In Russ.)
20. Tarabrina N. V. Workbook on psychology of post-traumatic stress. St. Petersburg, 2001. 272 p. (In Russ.)
21. Ben-Zur H., Gil S., Shamshins Y. The relationship between exposure to terror through the media, coping strategies and resources, and distress and secondary traumatization. *International Journal of Stress Management*. 2012. Vol. 19, No. 2. Pp. 132–150. <https://doi.org/10.1037/a0027864>.
22. Aleksanin S. S., Rybnikov V. Yu., Tsutsieva Zh. Ch. Conception, principles, psychological mechanisms and structural-functional model of formation and correction of post-traumatic stress disorders in children-victims of terrorist acts. *Medical Biological and Socio-Psychological Problems of Safety in Emergency Situations*. 2010. No. 4-1. Pp. 93–98. (In Russ.)
23. Bryazgunov I. P., Mikhailov A. N., Stolyarova E. V. Post-traumatic stress disorder in children and adolescents. Moscow, 2008. 144 p. (In Russ.)
24. Esina O. B., Makarov I. V. Clinical manifestations of post-traumatic stress disorder in children and their relationship with parental coping. *Review of Psychiatry and Medical Psychology*. 2013. Vol. 77. Pp. 43–51. (In Russ.)

Submitted 26.04.2022; approved after reviewing: 21.06.2022; accepted for publication: 30.08.2022.

Научно-практическая статья

УДК 159.92:929.5 © И. Ф. Муханова, 2022

doi: 10.24412/1999-6241-2022-491-420-428

5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии

Биографический метод как способ познания жизненного пути личности на примере студенческой молодежи Донбасса

Ирина Федоровна Муханова¹, кандидат психологических наук, доцент кафедры философии и психологии; mukhanovai@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3666-4581>

¹ Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького, 83003, Донецк, пр. Ильича, 16, Донецкая Народная Республика

Реферат

Введение. Психология жизненного пути личности является одним из наиболее динамично развивающихся направлений психологии, которое конституируется собственным предметом и оригинальным методом его познания. К предмету психологии жизненного пути относятся психологические феномены, механизмы и закономерности осуществления личностью собственной жизни. Изучение жизненного пути человека как личности и субъекта деятельности целесообразно осуществлять на основе биографического метода. Цель — теоретический анализ различных подходов к изучению жизненного пути личности и одного из эффективных методов его исследования — биографического, а также эмпирическое исследование жизненного прогнозирования, позволяющего раскрыть перспективы жизненного пути личности студента, его потребности и ожидания от будущего в периоды военных действий. **Материалы и методы.** Использовались теоретический анализ отечественных и зарубежных научных источников; общенаучные методы теоретического уровня (анализ, синтез, систематизация, обобщение научно-теоретических данных); эмпирические методы (биографический метод, анкетирование); методы обработки результатов (качественный и количественный анализ эмпирических данных). В исследовании приняли участие 220 студентов Донецкого национального медицинского университета им. М. Горького в возрасте 17–19 лет. Были использованы авторская анкета, включающая 20 вопросов, биографические методы. **Результаты и обсуждение.** Изучена эффективность биографического метода в исследовании жизненных перспектив студенческой молодежи. Охарактеризованы особенности ее жизненных перспектив в поворотные моменты — биографические события, когда постоянно присутствует угроза жизни, нарушены коммуникации, отсутствуют элементарные условия для жизни, когда имеются ограничения осуществлять процесс обучения и т. д. Жизненная перспектива рассматривается как целостная картина будущего в сложной и противоречивой взаимосвязи программируемых и ожидаемых событий. Отмечены социально-психологические ресурсы личности для выстраивания своего жизненного пути: устойчивые базовые ценности, опора на семью, ответственность за собственную жизнь, реалистичность во время прогнозирования жизненных событий и др. **Выводы.** Биографические методы позволяют раскрыть перспективы жизненного пути личности студента, его потребности и ожидания от будущего, отношение к настоящему в период военных действий. На данном этапе у студенческой молодежи может происходить модификация прежде сложившегося образа будущего, что оказывает влияние на разные сферы жизни.

Ключевые слова: жизненный путь; жизненные перспективы; событийно-биографический подход; событие; биографический метод; каузометрия; студенты; молодежь; военные действия

Для цитирования: Муханова И. Ф. Биографический метод как способ познания жизненного пути личности на примере студенческой молодежи Донбасса // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. № 4(91). С. 420–428. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-491-420-428>

Scientific and Practical Article

UDC 159.92:929.5 © I. F. Mukhanova, 2022

doi: 10.24412/1999-6241-2022-491-420-428

5.3.1 General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

Biographical Method as a Way of Getting to Know one's Life Path on the example of Student Youth in Donbas

Irina F. Mukhanova¹, Candidate of Sciences (in Psychology), Associate-Professor at the chair of Philosophy and Psychology; mukhanovai@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3666-4581>

¹ Donetsk National Medical University named after M. Gorky, 16, Ilyicha pr., Donetsk, 83003, the Donetsk People's Republic

Abstract

Introduction. The psychology of a person's life path is one of the most dynamically developing areas of psychology, which is constituted by its own subject and the original method of its cognition. The subject of the psychology of life path includes psychological phenomena, mechanisms and patterns of a person's implementation of his own life. It is reasonable to study the life path of an individual as a personality and as the subject of activity via a biographical method. The goal is a theoretical analysis of various approaches to the study of a person's life path, one of the effective methods of its study being biographical, as well as an empirical study of life forecasting, which allows revealing the prospects for the life path of a student's personality, his needs and expectations from the future during periods of military operations. **Materials and Methods.** The research employed theoretical analysis of domestic and foreign scientific sources; general scientific methods of theoretical level (analysis, synthesis, systematization, generalization of scientific and theoretical data); empirical methods (biographical method, questioning); methods for processing results (qualitative

and quantitative analysis of empirical data). The survey involved 220 students of Donetsk National Medical University named after M. Gorky aged from 17 to 19. The author's questionnaire composed of 20 questions and biographical methods were used. **Results and Discussion.** The effectiveness of the biographical method in the study of life prospects of student youth has been investigated. The author describes the features of their life prospects at turning points – biographical events, when there is a constant threat to life, communications are broken, there are no elementary conditions for life, when there are restrictions on the learning process, etc. The life perspective is considered as a holistic picture of the future in a complex and contradictory relationship of programmed and expected events. The emphasis is put on the socio-psychological resources of the individual for building their course of life: stable basic values, reliance on the family, responsibility for one's own life, realism when predicting life events, etc. **Conclusions.** Biographical methods ensure revealing the prospects for the life path of a student's personality, his needs and expectations from the future, attitude towards the present during periods of military operations. At this stage, student youth may undergo a modification of the previously established image of the future, which affects different areas of their lives.

Keywords: life path; life prospects; event-oriented and biographical approach; event; biographical method; causometry; students; youth; military operations

Citation: Mukhanova I. F. Biographical Method as a Way of Getting to Know one's Life Path on the example of Student Youth of Donbas. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27, No. 4(91). Pp. 420–428. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-491-420-428>

Основные положения

1. Жизненный путь личности выступает в качестве объекта междисциплинарного познания, в структуре которого свой предмет находит психология жизненного пути. Взаимодействие личности с собственной жизнью, психические структуры и процессы, опосредствующие его, составляют психологический аспект многосторонней проблемы жизненного пути.

2. Жизненный путь зависит от исторического времени, в котором живет человек, а в биографии человека существуют поворотные моменты — биографические события, сопровождающие принятием решения и вызывающие значительные личностные и социальные изменения.

3. Понимание сущности событий во многом определяет понимание природы жизненного пути в целом, который целесообразно изучать с помощью адекватного метода. Основным методом — способом познания предмета — в психологии жизненного пути служит биографический метод (сбор и анализ данных о жизненном пути человека как личности и субъекте деятельности).

4. У молодежи, проживающей в условиях боевых действий, повышается ценность настоящего, жизни сегодняшним днем и жизни в целом, сохраняется способность планировать свою жизнь достаточно активно по разным сферам, на короткое время (несколько дней, неделю), что делает возможным более реалистично планировать свое будущее, разделять действительность и фантазию, концентрировать усилия на том, что имеет объективные основания для осуществления поставленных целей в будущем. Главным событием в биографии, мешающим планированию жизненных перспектив, считают военные действия.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Исследования жизненного пути и жизненных перспектив в отечественной и зарубежной психологии ведутся давно, однако не утрачивают своей актуальности и сегодня. Очевидно, что социальные, политические и экономические изменения, а также военный конфликт

на Донбассе повлияли на восприятие людьми жизни и своего места в ней. Для подрастающего поколения, чье самосознание, система норм и ценностей формируются в новых условиях, заданных социумом, проблема восприятия ими своего жизненного пути особенно актуальна, поскольку перед юношами и девушками возникает необходимость самосознания, в первую очередь профессионального, а также самоопределения в личной жизни. Именно в юношеском возрасте личность впервые учится влиять на перспективу собственной жизни, формировать ее. В это время происходит интенсивная работа по формированию мировоззрения и выработке собственной философии [1, с. 234–238]. Поэтому целесообразно изучать особенности жизненного пути именно молодежи, так как молодой человек остается вечно ищущим, знающим, что он ищет.

Жизненный путь зависит от исторического времени, в котором живет человек. На наш взгляд, в 2014 г. в биографии жителей Донбасса произошло поворотное событие — вооруженный конфликт. Жизнь каждого человека изменилась. В таких условиях, когда постоянно присутствует угроза жизни, нарушены коммуникации, когда появляются ограничения в осуществлении процесса обучения и трудовой деятельности, изучение жизненного пути молодежи становится важным при рассмотрении восприятия будущего, постановке целей, выборе путей их реализации и жизненного пути в целом.

Лучшим способом изучения развития личности является осмысление уникальности ее жизненного пути, в основе периодизации которого могут пролегать конкретные жизненные (биографические) события, охватывающие социальные явления и психофизиологические процессы, переживаемые самой личностью. По мнению сторонников событийно-биографического подхода (Л. Ф. Бурлачук, Е. Ю. Коржова, Н. А. Логинова, Е. И. Головаха, А. А. Кроник, В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев и др.), то, как воспринимается, интерпретируется и переживается событие человеком, определяет психологическую судьбу личности.

Изучение жизненного пути человека как личности и субъекта деятельности целесообразно осуществлять именно на основе биографического метода, последний есть исследование самого бытия личности. Б. Г. Ананьев, определяя суть биографического метода, указывал на его специфический предмет — жизненный путь [2].

Цель исследования — теоретический анализ подходов к изучению жизненного пути личности и одного из эффективных методов его исследования — биографического, а также эмпирическое исследование жизненного прогнозирования, позволяющего раскрыть перспективы жизненного пути личности студента, его потребности и ожидания от будущего в период военных действий.

Теоретические предпосылки и обзор исследований. На современном этапе психология жизненного пути личности — одно из наиболее динамично развивающихся направлений психологии.

Самостоятельный статус психологии жизненного пути среди отраслей и разделов современной науки конституируется собственным предметом и оригинальным методом его познания. Так, ее предмет составляют психологические феномены, механизмы и закономерности осуществления личностью собственной жизни. Среди многочисленных феноменов, входящих в круг изучения психологии жизненного пути, наибольший теоретический и практический интерес представляют особые психические структуры личности, которые называют психобиографическими образованиями.

Психобиографические образования личности — это психические феномены, в которых отражается и посредством которых регулируется реальный жизненный путь. Это жизненная перспектива, жизненные планы и программы, жизненные цели и задачи, психологическое время и психологический возраст личности, субъективная картина жизненного пути, жизненная мудрость и, наконец, смысл жизни. Закономерности возникновения, развития и преобразования, а также механизмы функционирования психобиографических образований личности — все это сфера компетенции психологии жизненного пути. С такой точки зрения психология жизненного пути — это психология личности как субъекта жизни, т. е. творца собственной судьбы. Неверно было бы думать, что сам по себе жизненный путь личности является предметом психологического исследования. Жизненный путь личности, скорее, выступает в качестве объекта междисциплинарного познания, в структуре которого свой предмет находит психология жизненного пути. Взаимодействие личности с собственной жизнью, психические структуры и процессы, опосредствующие это взаимодействие, — вот исконно психологический аспект многосторонней проблемы жизненного пути [3, с. 3].

Первые научные попытки описания жизненного пути представляют собой построение теории личности «во времени» в противовес чисто структурным определениям личности. Первым исследователем эволюции личности в реальном временном протекании является

французский ученый П. Жане, который предпринял попытку связать биологическое, психологическое и историческое время в единой системе координат.

Другую концепцию личности в масштабе жизненного пути предложила Ш. Бюлер, чей труд о человеческой жизни считается исходным для изучения жизненного пути личности и генетических связей между его фазами. Автор, опираясь на собственную концепцию, установила закономерности в смене фаз жизни, в смене доминирующих тенденций, в изменении объема жизненной активности в зависимости от возраста [4]. В поздних исследованиях Ш. Бюлер были намечены научные проблемы, которые впоследствии составили проблемное поле экзистенциальной психологии и современной психологии жизненного пути. Это проблемы смысла жизни и жизненных целей, отношения личности к смерти и собственной судьбе.

Основателями психологии жизненного пути можно считать известных российских психологов С. Л. Рубинштейна, Б. Г. Ананьева, К. А. Абульханову-Славскую, А. Н. Леонтьева, Л. И. Анциферову, Н. А. Логинову, В. И. Ковалева, А. А. Кроника и многих других. В их исследованиях намечено поле проблем, которые долгое время оставались невостребованными и неразрешенными в других отраслях психологической науки.

В 1935 г. в «Основах психологии» С. Л. Рубинштейн обратился к проблеме жизненного пути, критикуя суждения Ш. Бюлер о том, что личность в своем жизненном пути есть только проект того, что заложено в детстве. По мнению С. Л. Рубинштейна, жизненный путь есть некая целостность и в то же время он состоит из этапов, каждый из которых может стать поворотным в жизни личности [5]. Жизненный путь для ученого не сумма жизненных событий, отдельных действий, продуктов творчества, а целостное, непрерывное явление. Каждый человек, полагает С. Л. Рубинштейн, имеет свою собственную историю и даже становится личностью именно потому, что имеет свою жизненную историю. Для него важно не просто выделить возрастные этапы, а учесть, как каждый из них подготавливает последующий и влияет на него. Исследователь утверждает, что каждый этап играет важную роль в жизненном пути, но не определяет его с фатальной неизбежностью. Центральная проблема личной жизни — сможет ли личность стать субъектом собственной жизни. Личность как субъект жизни — это идея об индивидуально-активном человеке, строящем условия жизни и свое отношение к ней.

Жизненный путь человека, с позиции Б. Г. Ананьева, представляет собой историю формирования и развития личности в определенном обществе, современника определенной эпохи и сверстника определенного поколения. В этом смысле жизненный путь личности — это история социализации личности, последовательного включения человека в различные системы социальных отношений в конкретное историческое время. Поэтому наряду с факторами прямого, межличностного взаимодействия

жизненный путь личности обусловлен всей совокупностью общественных отношений — экономических, политических, правовых и др. [2]. В исследованиях, выполненных под руководством Б. Г. Ананьева, на основе классификации, предложенной Ш. Бюлер, выделяются события внешней среды, события внутренней жизни и события поведения.

К событиям среды, при которых перемена обстоятельств происходит не по воле и инициативе человека, можно отнести, например, различные исторические события. Одни и те же события могут иметь разную степень значимости для человека, выступать или не выступать в качестве поворотных моментов жизни. Человек может иметь разную степень включенности в историческое время. События внутренней жизни составляют «духовную биографию личности». События поведения представляют собой поступки человека; существуют такие классы поступков, как гражданские, трудовые, коммуникативные и др. Поступок-событие не только служит достижению конкретной цели, но и открывает новую жизненную перспективу.

В контексте понимания проблемы жизненного пути личности К. А. Абульханова-Славская обращается к вопросу о взаимосвязи структурных и динамических подходов к анализу жизни индивида. Структурный подход предлагает следующие единицы жизненного пути: события, мероприятия, сферы жизни. Динамический подход фокусируется на изучении временных параметров: динамики жизненного пути, личностных механизмов, способов жизни. Автор указывает на полезность их соединения в изучении жизненного пути человека [6]. Таким образом, важно исследование не только событий в жизни, но и того, как они реализуются в динамике жизни, как становятся движущей силой развития личности и тем самым открывают дальнейшие жизненные перспективы.

Особое значение при разработке психологии жизненного пути отводится феномену жизненных перспектив личности. Анализ идей разных авторов свидетельствует о том, что существует научная парадигма в понимании жизненных перспектив.

К. К. Платонов формулирует понятие «жизненная перспектива» как «образ желанной и осознаваемой как возможной своей будущей жизни при условии достижения определенных целей» [7, с. 51]. Однако перспектива — это не всегда желаемое, но и нередко ожидаемое с тревогой и опасениями. Такие события, как, например, неудачи и утраты, вряд ли целесообразно планировать, но их вполне можно ожидать, готовясь к предотвращению негативных последствий. Поэтому жизненную перспективу следует рассматривать как целостную картину будущего в сложной и противоречивой взаимосвязи программируемых и ожидаемых событий. Если человек ожидает утраты и неудачи, но в арсенале программируемых событий не находит того, что могло бы предотвратить или преодолеть последствия ожидаемых потерь, его жизненная перспектива теряет положитель-

ную регулятивную функцию и может дезорганизовывать поведение [7].

Е. И. Головаха трактует жизненную перспективу как целостную картину будущего в сложной противоречивой взаимосвязи программируемых и ожидаемых событий, с которыми человека связывают социальная ценность и индивидуальный смысл собственной жизни [8].

К. А. Абульханова-Славская предлагает различать «психологическую, личностную и жизненную перспективы как три различных явления» [6, с. 143]. По ее мнению, психологическая перспектива — это «способность человека сознательно, мысленно предвидеть будущее, прогнозировать его, представлять себя в будущем. Личностная перспектива включает не только способность человека предвидеть будущее, но и готовность к нему в настоящем, установку на будущее (готовность к трудностям в будущем, к неопределенности и т. д.). Жизненная перспектива предполагает совокупность обстоятельств и условий жизни, которые создают для человека возможность оптимального жизненного продвижения» [6, с. 144].

Е. Ю. Мандрикова выделила четыре подхода к осмыслению жизненных перспектив: мотивационный, типологический, образовательный, событийно-биографический, глубинный анализ которых демонстрирует отсутствие единства в изучении этого феномена, его дискуссионность и широкую вариативность возможных трактовок жизненного пути в психологии [9].

Активное развитие событийно-биографический подход получил в 70-е гг. XX в. (Р. А. Ахмеров, О. В. Белановская, Е. И. Головаха, А. А. Кроник, Д. А. Леонтьев, Е. Ю. Мандрикова, Н. Н. Толстых, В. С. Хомик, Е. В. Шелобанова и др.), в рамках которого единицей измерения структуры жизненного пути выступает событие — «узловой момент и поворотный этап жизненного пути личности». Важным здесь является определение события в психологии жизненного пути по С. Л. Рубинштейну: «Событие — это поворотный этап жизненного пути, когда принимаются важные решения на длительное время» [5, с. 112].

Для развертывания любого психологического исследования нужен адекватный метод сбора и анализа изучаемой проблемы. Каждый научный метод обладает как достоинствами, так и недостатками. Методы не конкурируют между собой, а дополняют друг друга. Такие содружественные, координационные отношения методов отражены в многоуровневой и многоаспектной классификации Б. Г. Ананьева: организационные и эмпирические методы, методы обработки данных, интерпретационные методы [10]. Среди эмпирических методов, самой обширной группы методов, в одном ряду с хорошо развитыми и общепризнанными, такими как экспериментальные, наблюдательные, психодиагностические, праксиметрические, исследователь поместил биографический метод, на наш взгляд, почти забытый в науке.

Ученый первым уделил этому методу внимание в связи с комплексным исследованием развития инди-

видуальности и разработкой вопросов их методологии. Возрождение биографического метода началось именно в научной школе Б. Г. Ананьева на рубеже 1960–70-х гг. и совпало с подъемом биографических исследований в мировой психологии и социологии. Благодаря ему биографический метод, можно сказать, переживает сегодня второе рождение. Большую роль в «возвращении» биографического метода в поле научных методов сыграли также работы А. П. Вардомацкого, В. В. Воронкова, Е. А. Здравомысловой, Н. А. Логиновой, Е. Ю. Мещеркиной, Н. А. Рыбникова, В. В. Семеновой [11].

«Биографический метод — собрание и анализ данных о жизненном пути человека как личности и субъекта деятельности (анализ человеческой документации, свидетельств современников, продуктов деятельности самого человека и т. д.)» [12, с. 310]. Биографический метод оперирует данными об объективных событиях и субъективных переживаниях личности в разных жизненных обстоятельствах, на основе чего позволяет делать умозаключения о характере, самосознании, жизненной направленности, таланте и жизненном опыте личности. Все эти структуры относятся к личностно-биографическим и не могут быть поняты в отрыве от реального жизненного пути человека, а следовательно, без биографического метода.

Биографический метод используется многими дисциплинами, такими как история, искусствоведение, социология, психология, педагогика, этнология, этнография и др. Главные сферы применения биографических методов в психологии — психология личности, возрастная, социальная, дифференциальная, медицинская психология, история психологии, прикладные области (работа с персоналом, сбор анамнеза в клинике, изучение личности преступника).

В словаре «Психология» дается следующая характеристика биографического метода (методов): «Способы исследования, диагностики, коррекции и проектирования жизненного пути личности. Основаны на изучении личности в контексте истории и перспектив развития ее индивидуального бытия и взаимоотношений со значимыми другими, направлены на реконструкцию жизненных программ и сценариев развития личности, пространственно-временной организации ее деловой, семейной и духовной жизни, природной и социальной среды»*.

Л. Ф. Бурлачук и Е. Ю. Коржова в контексте изучения временного модуса будущего также используют биографический метод, разработанный школой Ананьева, и принимают его основной единицей анализа оценки будущего [13]. Далее, выстраивая собственную модель оценки жизненных перспектив, путем психобиографического анализа жизнеописания изучают варианты поведения личности в контексте ситуаций и времени. По их мнению, биографический подход позволяет осмысливать жизненные ситуации, сопровождающие человека на про-

тяжении всего жизненного пути, и изучать обыденные для него стратегии подбора и избегания социальных ситуаций [13].

Биографический метод существует в психологии в разных формах в виде частных методик: биографическая анкета, биографическое интервью, контент-анализ биографических документов. Его используют в номотетическом и идеографическом планах, а именно для исследования общих закономерностей жизни и развития личности и для изучения индивидуальности конкретного человека (анализ «случаев», написание жизненной истории, или психобиографии одного человека) [11]. Были проведены специальные методические эксперименты, доказывающие валидность биографических методов [14], также подтверждающие надежность каузометрического метода, имеющего непосредственное отношение к биографическому методу в целом [15].

Материалы и методы

Теоретико-методологическую основу нашего исследования составили теории, описывающие феномен субъективной картины жизни (К. А. Абульханова-Славская, Р. А. Ахмеров, Т. Н. Березина, Е. И. Головаха, В. И. Ковалев, А. А. Кроник, Н. А. Логинова, Ж. Нюттен), механизмы формирования и закономерности функционирования представлений личности о своем прошлом и будущем (В. В. Нуркова, Л. А. Редуш), ценностно-смысловую сферу личности (И. В. Абакумова, А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, Е. Е. Вахромов, П. Н. Ермаков, Д. А. Леонтьев); событийно-биографический подход (Р. А. Ахмеров, О. В. Белановская, Е. И. Головаха, А. А. Кроник, Д. А. Леонтьев, Е. Ю. Мандрикова, Н. Н. Толстых, В. С. Хомик, Е. В. Шелобанова); теории развития и саморазвития личности в период обучения в вузе (Л. И. Дементий, С. Т. Джанерьян, Е. А. Климов, Н. А. Лызь, В. Г. Маралов, Л. М. Митина, А. К. Осницкий, В. И. Слободчиков). Среди зарубежных авторов, рассматривающих данный вопрос, можно назвать Ш. Бюлер, Р. Кастенбаума, Т. Коттле, К. Левина, Ж. Нюттена, С. Мадди, Р. Мэй, В. Франкла, Л. Франка, И. Ялома и др.

Исследование жизненного пути предполагает разработку методического инструментария. Ключевым моментом нашей работы является изучение событий как структурных элементов модуса будущего в контексте осмысления жизненных перспектив человека. В ходе нашего исследования мы использовали каузометрию и футурологический опрос — основные биографические методы, диагностирующие целостную субъективную картину жизненного пути, включающую в себя как прошлые, так и будущие, ожидаемые и запланированные человеком события, перспективы жизненного пути личности, планы, потребности и ожидания от будущего [16]. Вместе с тем была использована авторская анкета, включающая 20 вопросов, ответы на которые раскрывают особенности психоэмоционального состояния молодежи

* Психология : словарь. М., 1990. С. 40.

в период боевых действий, ценностных ориентаций и образа будущего. Эти показатели позволяют изучить динамические компоненты процесса планирования жизненного пути индивида.

Эмпирическое исследование проводилось в период специальной военной операции России по защите жителей Луганской Народной Республики и Донецкой Народной Республики в апреле 2022 г. Исследование с обучающимися Донецкого национального медицинского университета им. М. Горького осуществлялось в онлайн-формате (рассылка анкеты, каузометрического и футурологического опросов). Онлайн-диагностика была избрана в связи с организованным с 23 марта 2022 г. дистанционным обучением в период ежедневных массивных артиллерийских обстрелов в регионе и высокой степенью опасности для жизни. В нем приняли участие 220 студентов 1-го курса (62 юноши и 158 девушек в возрасте 17–19 лет) из разных городов Донецкой Народной Республики (Горловка, Донецк, Дебальцево, Енакиево, Зугрэс, Макеевка, Харцызск, Шахтерск, Ясиноватая).

Результаты и обсуждение

Для изучения психоэмоционального состояния, ценностных ориентаций, выстраивания жизненного пути молодежью в период специальной военной операции, была разработана и использована авторская анкета, включающая 20 вопросов.

По ее результатам выяснилось, что 68% студентов издалека или рядом наблюдали и слышали взрывы, обстрелы, прятались в убежищах, но раненых и убитых не видели; 29% — непосредственно видели и слышали обстрелы, взрывы, наблюдали разрушения, раненых и убитых жителей; 3% — эвакуировались в российские города. Таким образом, большинство молодежи (97%) остались со своими семьями на Донбассе, не выехав на подконтрольные Украине города и в другие страны, где безопасно. Этот факт говорит о сформированности позитивных установок студенческой молодежи на собственную этническую общность через отношение к ме-

сту проживания, русскому языку, культуре, традициям региона. 48% студентов утверждают, что они стали еще большими патриотами.

На поведение 61% молодежи мысли о вооруженном конфликте по-разному влияют; на 22% — постоянно и лишь на 17% — мысли об этом не влияют. Отсюда следует, что у большинства студентов наблюдается нестабильное поведение в данный период жизни, имеет место сложность в управлении им.

Результаты опроса (рис. 1) позволяют сделать вывод о том, что, проживая реальные события своего времени, связанные с неопределенностью, ограничениями, высокой степенью риска для жизни, студенты испытывают определенные проблемы. Многие из них (58%) чувствуют обоснованный страх смерти родных и близких, почти половина (49%) — тревогу и чуть меньше имеют пониженное настроение (46%).

Вполне объяснимы появившиеся у 37% респондентов трудности в концентрации внимания, повышенное утомление (37%), напряжение (37%), привычка смотреть и читать информацию о боевых действиях (35%), раздражение (33%), трудности засыпания (31%), страх остаться без жилья (25%), страх собственной смерти (23%), слабость (23%), снижение памяти (19%), плохой аппетит (17%), приступы паники (12%), снижение ощущения удовольствия (12%), неприятные ощущения в теле (10%), раннее пробуждение (7%).

Выделяется и небольшая доля студентов (9%), которые не указали свои жалобы, что может свидетельствовать о таких индивидуально-психологических особенностях, как закрытость, инфантильность, и, возможно, психологических защитах в виде вытеснения и подавления переживаний, скорее «заморозки» чувств, а не их проживания.

Таким образом, данные об основной проблематике студенческой молодежи в период боевых действий указывают на наличие существенных проблем в психоэмоциональных состояниях (страхи, тревоги), менее существенных — в психосоматических состояниях (сла-

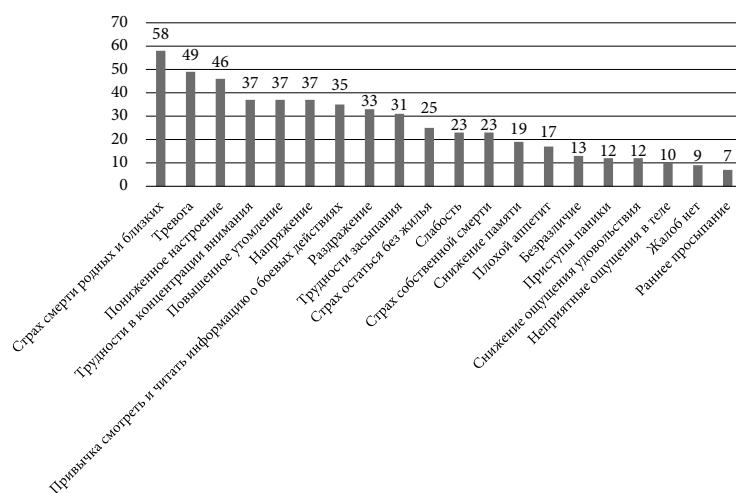

Рис. 1. Основные проблемы студентов в период боевых действий, %
(Fig. 1. The main problems of students in the period of military operations, %)

бость, утомление, ощущения в теле, паника), незначительных — физиологического характера (сон, аппетит).

Более детальный анализ особенностей влияния боевых действий на студентов показывает, что 39% из них начинают больше ценить жизнь; 30% — ощущают, что жизнь проходит мимо; 27% — в этот период не имеют планов, живут текущим моментом; 25% — утрачивают уверенность в завтрашнем дне; 21% — теряют интерес к жизни; 15% — считают, что все становится бесполезным; однако 18% студентов охотно берутся за новые идеи и планы, а 9% могут осуществить еще больше дел. Итак, у одних отмечается тенденция к ценности и дальнейшему планированию жизни, у других — неуверенность в завтрашнем дне, потеря интереса к жизни и в связи с этим бесполезность ее планировать.

Для большинства студентов (85%) значимой опорой во время сложного периода их жизни служат близкие люди и семья, для 50% — друзья, для 48% — вера в будущее. Для 29% обследуемых опорными являются забота о ком-то, значимость своего участия в жизни другого; для 24% — занятия учебной деятельностью; 23% — повседневная деятельность; 20% — поставленные ранее цели и планы; 18% — занятия творчеством; 13% — воспоминания о прошлом; 4% — примеры других людей. Подобную тенденцию можно объяснить тем, что значительная часть юношей и девушек выражает позитивную установку на общепринятую социальную норму — родительскую семью, что указывает на высокую степень защищенности в семье, а также на важность межличностных отношений.

Изучение ценностных ориентаций студенческой молодежи в военный период жизни показал иерархию базовых ценностей (рис. 2).

Для студентов базовыми ценностями в этот период являются: семья и родные (89%); друзья, наличие хороших и верных друзей (64%); психическое и физическое здоровье (57%); жизнь (54%).

Использование в исследовании биографических методов позволило изучить динамические компоненты (перспективы жизненного пути личности, планы, потребности и ожидания от будущего) процесса планирования жизненного пути современной молодежи.

Как показывает наше исследование, студенты в возрасте 18–19 лет планируют свою жизнь в основном на 3–5 дней (30%), на месяц (19%), на несколько недель (14%), на года (13%), реже десятилетие (5%). Пустой тратой времени 19% молодежи считают планирование жизни.

Тот факт, что молодые люди в основном планируют свою жизнь на микроинтервалы, приводит нас к мысли о построении ими короткой временной перспективы, на которую могут влиять разные социально-политические, в частности военные, события, не ожидавшиеся студентами в своей жизни. Можно предположить, что у них наблюдается тенденция к меньшему потенциалу раскрытия своих возможностей. Ведь ранние исследования (Я. В. Васильева, В. Н. Карандышева, Н. Н. Толстых) указывают на то, что чем дальше в будущее вынесены цели, намерения, ожидания личности, тем большую целенаправленность, целеустремленность, устойчивость и последовательность они придают деятельности, тем значимее потенциал раскрытия человеческих возможностей. Еще Н. Н. Толстых указывал, что «возникновение глубокой временной перспективы — важный момент развития индивидуальности» [цит. по: 16].

Однако тенденция продумывать свою жизнь на короткое время делает возможным более реалистичное планирование будущего, когда человек может разделять действительность и фантазию, концентрировать усилия на том, что имеет объективные основания для осуществления поставленных целей в будущем.

Проанализировав представления студентов, касающиеся процентного выражения зависимости осуществления жизненных планов от самого человека, мы выяснили, что, по мнению большинства молодежи,

Рис. 2. Иерархия ценностных ориентаций студентов в период боевых действий, %
(Fig. 2. Hierarchy of students' values in the period of military operations, %)

осуществление жизненных планов зависит от человека на 70–80% (48%), в меньшей степени — на 90–100% (25%), на 50% (15%). Минимально выражены суждения, что этот показатель равен 50–60% (у 8%), 30–40% (у 3%) и 10–20% (у 1%). Данные свидетельствуют об уже сформированной ответственности респондентов за собственную жизнь и реалистичность прогнозирования жизненных событий, достижения намеченных целей. Хотя фактор внешних обстоятельств, случая, возможностей 78% студентов не исключают, исходя из пережитого опыта.

Событиями, мешающими планированию жизненных перспектив, респонденты называют войну (77%), болезни (52%), семейные (36%) и экономические обстоятельства (28%), низкую мотивацию достижения (24%), внутреннюю политику (18%), слабость характера и низкую волю (19%), экологию (2%) и др. (1%).

Распределение жизненных планов студентов, касающихся будущего места проживания, показало преобладание желания остаться дома (80%). Небольшое количество опрошенных предполагает уехать за границу (14%), еще меньшее — переехать в другой город (5%) и в другую область (1%). Эти данные еще раз подтверждают ценность этнического окружения, развития определенности молодежи относительно своего будущего. Вместе с тем у респондентов также прослеживается тенденция к формированию и развитию чувства реальности, адекватности, объективности, в частности относительно собственных тактических и стратегических жизненных перспектив.

Наше исследование показывает, что студенты, несмотря на изменяющиеся условия жизни, планируют свою жизнь достаточно активно по разным сферам: работа и карьера (80%), семья (71%), материальный достаток: зарабатывать больше денег, купить машину и жилье (72%), учеба (64%), здоровье (54%), путешествия (47%), спорт (40%). Чем насыщеннее временная перспектива событиями, планами и надеждами, тем интенсивнее, содержательнее жизнь человека. И наоборот, чем меньше надежд, планов на будущее и реальных событий на временном горизонте, тем беднее и бессодержательнее жизнь.

Следует также отметить оптимистичное ожидание относительно будущих жизненных планов через 10 лет. Все респонденты способны планировать свою жизнь, что свидетельствует о положительном образе своего будущего и развитой способности молодежи действовать в настоящем в свете предвидения событий относительно далекого будущего.

Что касается отношения современной молодежи к прошлому, настоящему и будущему, то 58% ценят все, что было в прошлом, 19% многое изменили бы в прошлом, если бы могли; 14% считают, что его не вернуть, и не думают о нем; очень малая часть опрошенных обесценивают прошлое (2%) и равнодушны к нему (3%). Большинство студентов (78%) полагают, что настоящее — это короткий ценный отрезок времени, который нужно проживать. Данное понимание временной перспективы может исходить из интерпретации ее как способности молодежи

действовать в настоящем в свете предвидения событий относительно далекого будущего и осознанного проживания здесь и сейчас. Совсем немного испытуемых (13%) не задумываются о настоящем, еще меньше (5%) указывают, что «настоящее — отрезок длиной в жизнь», «вызывает грусть и плохие мысли», а некоторые (4%) считают, что настоящее не имеет значения, оно быстро проходит. Основная часть опрошенных (64%) устремлены в будущее, оно им интересно, ждут его; 18% боятся и тревожатся будущего, мысли о нем пугают; 13% — равнодушны к будущему; лишь 5% его не планируют.

Таким образом, у студенческой молодежи наблюдается тенденция к ценности настоящего, которое нужно проживать, устремленности в будущее и значимости прошлого опыта, что служит основанием осмысленности своего жизненного пути.

Выводы

1. Осмысление категории «личность» возможно при тщательном изучении особенностей ее жизненного пути, главным структурным элементом которого выступают определенные события, где социальные явления и психофизиологические процессы переживаются непосредственно личностью. Жизненный путь — это история индивидуального развития, жизнь человека как личности.

2. Теоретический анализ проблемы показывает, что особое значение при разработке психологии жизненного пути отводится феномену «жизненных перспектив личности». Анализ идей разных авторов свидетельствует о том, что существует определенная научная парадигма в понимании жизненных перспектив. Отечественная и зарубежная психология рассматривает жизненную перспективу как сложное системное образование, как совокупность обстоятельств и условий жизни, создающих для личности возможность оптимального жизненного продвижения. Жизненный путь выступает как предмет или чаще как объект биографического исследования.

3. В период специальной военной операции у большинства студентов при сформированности позитивных установок на собственную этническую общность через отношение к месту проживания наблюдаются нестабильное поведение, сложность в управлении им. Существенные проблемы отмечаются в психоэмоциональных состояниях (страх смерти родных и близких, тревожность, пониженное настроение). Базовыми ценностями в этот период являются семья и родные, друзья, наличие хороших и верных друзей, психическое и физическое здоровье, жизнь.

4. Современная молодежь выделяет основное событие, мешающее планированию жизненных перспектив, — военные действия. Жизнь планируется в основном на микроинтервалы, что делает возможным более реалистично планировать свое будущее, разделять действительность и фантазию, концентрировать усилия на том, что имеет объективные основания для реализации поставленных целей в будущем. Несмотря на изменяющиеся условия жизни, планируют свою жизнь достаточно активно по разным сферам, что свидетельствует о положительном об-

разе своего будущего и развитой способности молодежи действовать в настоящем в свете предвидения событий относительно далекого будущего. Положительной особенностью можно назвать тенденцию к ценности настоящего, которое нужно проживать, устремленности в будущее и значимости прошлого опыта, что служит основанием осмысленности своего жизненного пути.

5. У каждого жителя Донбасса в биографии появилось новое субъективное восприятие: жизнь до боевых действий и в период их, и, безусловно, возникает ожидаемое: жизнь после боевых действий. Результаты исследования показывают, что, несмотря на все сложности проживания в период специальной военной операции, у современной молодежи повышается ценность жизни — главного, что есть у каждого человека.

6. Жизненный путь представляет собой не только раз и навсегда закрепленную позицию, но и конкретную жизненную линию, т. е. реализацию своей жизни во времени, ее постепенное разворачивание, расширение и укрепление.

Перспективы. Данная статья не является исчерпывающим и всесторонним анализом методов исследования жизненного пути молодежи в условиях боевых действий. Она, скорее, актуализирует биографический метод как один из эффективных в исследовании данной проблемы. Потому перспективным нам представляется не только исследование психологических аспектов многосторонней проблематики жизненного пути современной молодежи, но и разработка программ развития и коррекции психологических образований личности.

Список источников

1. Швалб Ю. М., Муханова И. Ф. Возрастная психология : учеб. пособие для студентов вузов и практических психологов. Донецк, 2005. 304 с.
2. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л., 1968. 337 с.
3. Карпинский К. В. Психология жизненного пути личности : учеб. пособие. Гродно, 2002. 167 с.
4. Buhler Ch. Der menschliche Lebenslauf als psychologisches problem. Leipzig, 1933. 328 p.
5. Рубинштейн С. Л. Человек и мир // Проблемы общей психологии. СПб., 2000. 712 с.
6. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М., 1991. 299 с.
7. Платонов К. К. Система психологии и теория отражения. М., 1982. 309 с.
8. Головаха Е. И. Жизненные перспективы и ценностные ориентации личности // Психология личности в трудах отечественных психологов / сост. и общ. ред. Л. В. Куликова. СПб., 2001. С. 256–269.
9. Мандрикова Е. Ю. Современные подходы к изучению временной перспективы личности // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 4. С. 54–65.
10. Гамезо М. В., Петрова Е. А., Орлова Л. М. Возрастная и педагогическая психология : учеб. пособие для студентов пед. вузов / под ред. М. В. Гамезо. М., 2003. 508 с.
11. Логинова Н. А. Некоторые итоги развития биографического метода психологии в XX веке // Методология и история психологии. 2006. № 1. Вып. 2. С. 67–81.
12. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М., 1977. 380 с.
13. Бурлачук Л. Ф., Коржова Е. Ю. Психология жизненных ситуаций. М., 1998. 263 с.
14. Cartwright D., French J. R. P. The Reliability of Life History Studies. *Character and Personality*. 1939. Vol. 8. Pp. 110–119.
15. Кроник А. А., Ахмеров Р. А. Каузометрия. М., 2003. 284 с.
16. Панок В. Г., Рудь Г. В. Психология жизненного пути личности : монография. Киев, 2006. 280 с.

Поступила 10.08.2022; одобрена после рецензирования 21.08.2022; принята к публикации 30.08.2022.

References

1. Shwalb Yu. M., Mukhanova I. F. Developmental psychology. Textbook for university students and practical psychologists. Donetsk, 2005. 304 p. (In Russ.)
2. Ananiev B. G. Man as the object of cognition. Leningrad, 1968. 337 p. (In Russ.)
3. Karpinsky K. V. Psychology of a person's life path. Textbook. Grodno, 2002. 167 p.
4. Buhler Ch. Der menschliche Lebenslauf als psychologisches problem. Leipzig, 1933. 328 p.
5. Rubinstein S. L. Man and the world. Problems of General Psychology. St. Petersburg, 2000. 712 p. (In Russ.)
6. Abulkhanova-Slavskaya K. A. Life strategy. Moscow, 1991. 299 p. (In Russ.)
7. Platonov K. K. The system of psychology and theory of reflection. Moscow, 1982. 309 p. (In Russ.)
8. Golovakha E. I. Life perspectives and value orientations of a person. Personality psychology in works of domestic psychologists. Comp. and ed. by Kulikov L. V. St. Petersburg, 2001. Pp. 256–269. (In Russ.)
9. Mandrikova E. Yu. Modern approaches to studying person's time perspective. *Psychological Journal*. 2008. Vol. 29, No. 4. Pp. 54–65. (In Russ.)
10. Gamezo M. V., Petrova E. A., Orlova L. M. Developmental and pedagogical psychology. Textbook for students of pedagogical universities. Ed. by Gamezo M. V. Moscow, 2003. 508 p. (In Russ.)
11. Loginova N. A. Some outcomes of the development of a biographical method in psychology in the 20th century. *Methodology and History of Psychology*. 2006. Vol. 1, No. 2. Pp. 67–81. (In Russ.)
12. Ananiev B. G. On the problems of modern human study. Moscow, 1977. 380 p. (In Russ.)
13. Burlachuk L. F., Korzhova E. Yu. Psychology of life situations. Moscow, 1998. 263 p. (In Russ.)
14. Cartwright D., French J. R. P. The Reliability of Life History Studies. *Character and Personality*. 1939. Vol. 8. Pp. 110–119.
15. Kronik A. A., Akhmerov R. A. Causometry. Moscow, 2003. 284 p. (In Russ.)
16. Panok V. G., Rud' G. V. Psychology of a person's life path. Monograph. Kyiv, 2006. 280 p.

Submitted 10.08.2022; approved after reviewing: 21.08.2022; accepted for publication: 30.08.2022.

Обзорная статья

УДК 614:159.9.072 © З. А. Аксютинa, А. В. Ченская, Ю. Е. Шабышева, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-491-429-435

5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии

Проблема эмоционального выгорания в отечественной и зарубежной психологии

Зульфиа Абдулловна Аксютинa¹, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной педагогики и социальной работы; aksutina_zulfia@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2548-4673>

Альбина Викторовна Ченская¹, практикующий дефектолог, магистрант; romkanydni@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-1799-2328>

Юлия Евгеньевна Шабышева¹, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии; yshabysheva@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2541-4301>

¹ Омский государственный педагогический университет, 644099, Омск, ул. Партизанская, 4 А, Россия

Реферат

Введение. Проблема эмоционального выгорания широко рассматривается в сфере профессиональной психологии. При проявлении эмоционального выгорания стремительно снижается работоспособность. Для построения коррекционной работы с «выгоревшими» необходимо осмысление теоретических аспектов современной российской и зарубежной психологии. Значимость проблемы обусловлена экономическими потерями, которые несет государство от работы «выгоревших»; утратой личностных смыслов человеком; тенденциями к переходу эмоционального выгорания в психосоматические состояния. Цель заключалась в анализе психологической сущности эмоционального выгорания в современной отечественной и зарубежной психологии. **Материалы и методы.** В исследовании использованы теоретические методы: анализ, синтез, сравнение, сопоставление. **Результаты и обсуждение.** В ходе теоретического анализа проводится экскурс в этимологию понятия «эмоциональное выгорание», показано многообразие его синонимичного ряда в психологических исследованиях. Приведено описание факторных моделей эмоционального выгорания. Раскрываются основные характеристики протекания эмоционального выгорания. Раскрыто понимание эмоционального выгорания в гештальт-подходе, когнитивно-бихевиоральном, психоаналитическом, синтетическом, индивидуально-психологическом, позитивном подходах. **Выводы.** Изучение проблемы эмоционального выгорания в отечественной и зарубежной психологии базируется на пяти теоретических и экспериментальных подходах. На уровне факторного подхода исследователями осуществляется поиск тех факторов, которые наиболее ярко проявляются в эмоциональном выгорании. Процессуальный подход подразумевает исследование эмоционального выгорания как процесс. Динамический подход включает исследование протекания физиологических, аффективно-когнитивных и поведенческих реакций в эмоциональном выгорании. При этиологическом подходе исследуются причины эмоционального выгорания. Когнитивно-бихевиоральный подход проявляется в неверных выборах ожиданий.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание; модели эмоционального выгорания; когнитивно-бихевиоральный подход; психоаналитический подход; синтетический подход; гештальт-подход; индивидуально-психологический подход; позитивный подход

Для цитирования: Аксютинa З. А., Ченская А. В., Шабышева Ю. Е. Проблема эмоционального выгорания в отечественной и зарубежной психологии // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 4(91). С. 429–435. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-491-429-435>

Review Article

UDC 614:159.9.072 © Z. A. Aksyutina, A. V. Chenskaya, Yu. E. Shabysheva, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-491-429-435

5.3.1 General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

The Problem of Emotional Burnout in Domestic and Foreign Psychology

Zulfia A. Aksyutina¹, Candidate of Sciences (in Pedagogy), Associate-Professor at the chair of Social Pedagogy and Social Work; aksutina_zulfia@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2548-4673>

Albina V. Chenskaya¹, practicing speech pathologist, Master's degree student; romkanydni@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-1799-2328>

Yulia E. Shabysheva¹, Candidate of Sciences (in Psychology), Associate-Professor at the chair of General and Pedagogical Psychology; yshabysheva@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2541-4301>

¹ Omsk State Pedagogical University, 4 A, Partizanskaya st., Omsk, 644099, Russia

Abstract

Introduction. The problem of emotional burnout is widely considered in the field of professional psychology. With the manifestation of emotional burnout, efficiency is rapidly declining. To build correctional work with those "burnt out" it is necessary to comprehend the theoretical aspects of modern Russian and foreign psychology. The significance of the problem is determined by economic losses

incurred by the state from the work of the "burnt out"; loss of personal meanings by a person; tendencies to the transition of emotional burnout into psychosomatic states. The purpose is to analyze psychological essence of emotional burnout in the modern domestic and foreign psychology. **Materials and Methods.** The researchers employ theoretical methods: analysis, synthesis, comparison, confrontation. **Results and Discussion.** The theoretical analysis includes the excursus into the etymology of the concept of "emotional burnout", shows the variety of its synonymic row in psychological studies. The authors describe factor models of emotional burnout. The main characteristics of the process of emotional burnout are revealed, as well as the understanding of emotional burnout in gestalt approach, cognitive behavioural, psychoanalytical, synthetic, individual psychological and positive approaches. **Conclusions.** The study of the problem of emotional burnout in domestic and foreign psychology is based on five theoretical and experimental approaches. At the level of the factor approach, researchers seek for those factors that are most vividly manifested in the emotional burnout. The procedural approach implies the study of emotional burnout as a process. Dynamical approach involves investigation of physiological, affective cognitive and behavioural reactions in emotional burnout. Within the etiological approach, the causes of emotional burnout are examined. The cognitive behavioural approach manifests itself in the wrong choice of expectations.

Keywords: emotional burnout; models of emotional burnout; cognitive behavioural approach; psychoanalytical approach; synthetic approach; gestalt approach; individual psychological approach; positive approach

Citation: Aksyutina Z. A., Chenskaya A. V., Shabyшева Yu. E. The Problem of Emotional Burnout in Domestic and Foreign Psychology. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27, No. 4(91). Pp. 429–435. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-491-429-435>

Основные положения

1. В психологии сформировалось новое самостоятельное явление, о котором длительное время шли научные споры. Первоначально было замечено, что вполне здоровые люди оказывались не способными к продуктивной профессиональной деятельности. Явление имело множество названий, но впоследствии оформилось в психологическое понятие «эмоциональное выгорание».

2. Процесс эмоционального выгорания разворачивается постепенно. Возникшее ощущение напряжения, тревоги, нервозности при усилении психотравмирующими факторами становится спусковым механизмом для разворачивания целостной картины эмоционального выгорания. Опасность эмоционального выгорания заключается в том, что могут появиться состояние полной дезориентации, отчужденности от профессиональной деятельности и семейной жизни, цинизм и дегуманизация в профессиональных и личностных отношениях.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Социальная жизнь с ее динамично и стремительно изменяющейся повседневностью приводит к неизбежному формированию эмоционального выгорания у человека, которому в наибольшей степени подвержены специалисты, работающие в сфере «человек — человек». К ним прежде всего относятся педагоги, медики и сотрудники правоохранительных органов. Для построения коррекционной работы с «выгоревшими» необходимо осмысление теоретических аспектов в современной российской и зарубежной психологии.

Значимость проблемы обусловлена экономическими потерями, которые несет государство от работы «выгоревших»; утратой личностных смыслов человеком; тенденциями к переходу эмоционального выгорания в психосоматические состояния.

Цель — анализ и синтез психологической сущности эмоционального выгорания в современной отечественной и зарубежной психологии.

Материалы и методы

Исходя из целевых ориентиров исследования использовались следующие теоретические методы: анализ, синтез, сравнение, сопоставление.

Результаты и обсуждение

Эмоциональное выгорание как теоретическая проблема отечественной и зарубежной психологии. В работах отечественных и зарубежных исследователей, изучающих феномен эмоционального выгорания, можно наблюдать многообразие терминов, обозначающих его: эмоциональное сгорание (Т. В. Форманюк) [1], синдром эмоционального выгорания (В. В. Бойко) [2], синдром эмоционального перегорания (В. Д. Вид, Е. И. Лозинская) [3], психическое выгорание (В. Е. Орел) [4].

Эмоциональное выгорание нередко пытаются изучать как депрессию, психологическую защиту, состояние, стресс, утомление и т. п. Многообразие в подходах к анализу феномена эмоционального выгорания определяется его неоднозначностью, сложностью в проявлениях и исследовании.

Авторство введения термина принадлежит Б. Г. Ананьеву. Он рассматривает понятие «эмоциональное сгорание» как отрицательное явление, связанное с межличностными отношениями и возникающее у людей профессий типа «человек — человек» [5, с. 1–3]. И это обусловлено тем, что понятие первоначально применялось в профессиональной сфере.

Признаки эмоционального выгорания были выделены Т. В. Форманюк:

— индивидуальный эмоциональный предел, способный обеспечить максимальное противостояние истощению, противодействие сгоранию и самосохранность;

— внутренний психологический опыт, ориентированный на чувства, установки, мотивы и ожидания;

— негативный индивидуальный опыт — концентрация проблем, дистресс, внутренний дискомфорт, дисфункции и их негативные последствия [1, с. 58].

Е. С. Лаврентьева и Ю. В. Сорокина утверждают, что эмоциональное выгорание способствует формированию отрицательных черт характера, приводит к соматическим и психическим нарушениям здоровья [6, с. 62]. Данные ученые к базовым симптомам эмоционального выгорания отнесли пять групп: поведенческие, связанные с ощущением хронической усталости; физические, влияющие на быстрое утомление, истощаемость; социальные, проявляющиеся в сужении контактов и интересов, вплоть до полного их исключения; интеллектуальные, приводящие к скуке и отказу от активности, доведенные до формализации; эмоциональные, выражающиеся в пессимизме, черствости, беспомощности и др. [6, с. 19].

Симптомы эмоционального выгорания описала в своем исследовании Е. К. Николаева [7], выделив лишь негативные и отрицательные характеристики, не обнаружив позитивных тенденций в процессе его протекания. Это указывает на разрушающий характер эмоционального выгорания.

В психологических исследованиях нашли распространение несколько научных подходов к рассмотрению эмоционального выгорания: факторный, процессуальный, динамический, когнитивно-бихевиоральный и этиологический. На уровне факторного подхода выделены однофакторная, двухфакторная, трехфакторная и четырехфакторная модели. *Однофакторную* модель предложили А. М. Pines и Е. Aronson в 1988 г. [8]. В ней выгорание рассматривается как совокупность физического, эмоционального и когнитивного истощения. На его возникновение существенное влияние оказывает длительность нахождения в эмоциональной перегрузке, а истощение выступает его главной причиной. *Двухфакторную* модель разработали D. Dierendonck, B. Schaufeli, H. Sixma в 1994 г. [8]. В данной модели есть два параметра: эмоциональное истощение и деперсонализация. Первый характеризуется изменениями в психосоматическом здоровье, а второй — отношением к себе. *Трехфакторная* модель, авторами которой являются К. Маслач и С. Джексон [9], получила более широкую известность в психологии. Она содержит три компонента: эмоциональное истощение, деперсонализацию и редуцирование личностных достижений. *Четырехфакторную* модель предложили Е. F. Iwanicki и R. L. Schwab в 1981 г. [10], дополнили и доработали Firth и Mims в 1985 г. В ней те же три компонента, что и в предыдущей, но в процессе эмоционального выгорания один фактор из трех может делиться на два, что и привело к формированию четырех факторов.

В процессуальном подходе эмоциональное выгорание рассматривается как процесс, в котором возникает повышение негативных установок по отношению к субъектам деятельности. Это оказывает существенное влияние на эмоциональное дистанцирование и негативизацию отношения к личным достижениям.

В данном подходе выделим позицию Дж. Гринберга, который обращает внимание на пятиступенчатость прогрессирующего процесса эмоционального выгорания («медовый месяц», «недостаток топлива», «трудоголизм», кризис, «пробивание стены») [11].

Динамический подход находит отражение в трудах Б. Перлмана и Е. А. Хартмана [12]. Ими выделены три группы реакций на процесс эмоционального выгорания. Это проявляется в физиологических, аффективно-когнитивных и поведенческих реакциях. Их разворачивание способствует длительности переживания стресса, повышению психоэмоциональной нагрузки и дальнейшей дезинтеграции различных сфер психики, в том числе и эмоциональной.

О. И. Мезенцева указывает на наличие еще двух подходов — когнитивно-бихевиорального и этиологического [13]. Первый описывается С. Майером через модель возникновения выгорания посредством неверно выбранных ожиданий, которые не соответствуют возникающим ситуациям. Данный подход не нашел подтверждения на практике. В этиологическом подходе акцент делают на причинах возникновения данного явления, в качестве которых принимают совокупность индивидуальных, организационных и социальных факторов. Выгорание начинается с потери чувства компетентности на фоне проявления апатии, цинизма и ригидности.

Определение понятия «эмоциональное выгорание». Определением понятия «эмоциональное выгорание» занимались многие ученые в контексте профессионального выгорания, считая его последствием стрессов (М. В. Борисова, С. Б. Величковская, Н. Е. Водопьянова, Дж. Гринберг, С. Джексон, К. Маслач, В. Е. Орел, Т. В. Форманюк и др.). Считается, что термин Staff burnout введен в 1974 г. психиатром Х. Дж. Фрейденбергом в качестве оценки интенсификации общения медицинского персонала с пациентами, при котором наблюдаются изнеможение, истощение, ощущение бесполезности [14, с. 121–122]. Согласно современным исследованиям феномен эмоционального выгорания — «выработанный личностью механизм психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций в ответ на избирательные психотравмирующие воздействия» [2, с. 108]. Под эмоциональным выгоранием следует понимать выработанные механизмы психологической защиты, которые формируются поэтапно с выраженной динамикой, направленной на частичную, а затем и полную утрату эмоционально насыщенных позитивных эмоций и чувств.

В психологии сложился теоретический ряд моделей, которые отражают психологическую природу синдрома эмоционального выгорания. Остановимся на наиболее значимых для исследования. Модель J. Lasan связывается с необходимостью субъекта в признании. Данное желание возникает вследствие ощущения пустоты, отсутствия ощущения жизни, или, иначе

говоря, рутинизации быта, что влечет за собой потерю идентичности или ее расколотость [15].

В модели Е. Перлмана и Б. Хартмана выделено три фактора: физиологический, аффективно-когнитивный и поведенческий. В основе физиологического фактора лежит физическое истощение, а аффективно-когнитивного — эмоциональное [12]. Аффективно-когнитивный фактор характеризуется высоким уровнем усталости и утомляемости и недостаточным уровнем функционирования психических процессов. В поведенческой сфере наблюдаются срывы, вплоть до агрессивных проявлений в адрес близких.

В модели S. Vanheule и P. Verhaeghe эмоциональное выгорание формируется как следствие изменения в восприятии других [15]. Эти изменения происходят из позиции: «весь мир нам (мне) должен, потому что...».

Опираясь на исследования концепции М. Burisch [16–19], в эмоциональном выгорании выделяют следующие реакции: предпатологические, астенические, эмоциональные, деструктивные, психосоматические и реакции разочарования. Л. А. Базалевой выделены структурные составляющие фаз эмоционального выгорания. К ним отнесены фазы «тревожного напряжения», «сопротивления», «истощения». На первой фазе происходит запуск механизмов эмоционального выгорания, на второй — ощущается тревожное напряжение, а третья характеризуется выраженным наличием эмоционального выгорания [16, с. 176].

Психологическая сущность эмоционального выгорания. Эмоциональное выгорание начали исследовать с начала 70-х гг. прошлого столетия. Одним из крупнейших исследователей этой области считается Х. Фреденбергер, описавший в 1974 г. феномен (истощение, потеря мотивации и ответственности), назвав его выгоранием [20, с. 3]. В его трактовке выгоранием «является истощение энергии у профессионалов в сфере социальной помощи, когда они чувствуют себя перегруженными проблемами других людей» [15, с. 30].

В выгорании наблюдаются эмоциональное истощение, деперсонализация и редукция. Эмоциональное истощение характеризуется опустошенностью и усталостью, деперсонализация проявляется в циничном отношении, бесчувственности, дегуманизации поведения, а редукция — в потере чувства компетентности. Опираясь на эту точку зрения, К. Маслач указывал, что выгорание «возникает на фоне стресса, вызванного межличностным общением» [15, с. 30–31].

А. И. Куликов и А. Лэнгле выделили подходы для объяснения возникновения эмоционального выгорания:

1) индивидуально-психологический, характеризующийся несоответствием между ожиданиями и действительностью;

2) социально-психологический, объясняющийся спецификой деятельности, где можно наблюдать неглубокие эмоциональные контакты;

3) организационно-психологический, связанный с типовыми проблемами личностного развития (недостаток автономии и поддержки, ролевые конфликты, неадекватная или недостаточная обратная связь и др.) [21; 22].

Постепенно в теории происходит сдвиг от восприятия феномена эмоционального выгорания как внешнего (например, профессиональная ситуация) к внутреннему (индивидуально-личностные особенности, способствующие возникновению эмоционального выгорания). Так, в первых исследованиях эмоционального выгорания К. Маслач больше говорит о состоянии работы, чем о человеке [15, с. 80], а Х. Фреденбергер видит в выгорании уже случай психологического нездоровья. Он пишет, что выгорание — «состояние утомления или фрустрации, которое было вызвано беззаветной преданностью делу, стилем жизни или способом взаимоотношений, которые не привели к ожидаемому и предполагаемому вознаграждению» [15, с. 5].

Отметим, что большинство моделей эмоционального выгорания не нашли эмпирического подтверждения и их использование осуществляется на уровне научных гипотез.

Представляется важной COR-теория С. Хобфолла, которая по сути является ресурсной. Исследователь в структуру эмоционального выгорания включил личностные, поведенческие и социальные переменные. Обнаружившуюся стойкость к развитию эмоционального выгорания он назвал ресурсом. Ресурс способствует сохранению психической устойчивости в ситуации стресса. Ресурсы охватывают в своем составе совокупность целей, состояний, личностных и энергетических характеристик, которые влияют на выживаемость человека. Теория «сохранения ресурсов» базируется на двух принципах. Первый определяется стремлением к сохранению и защите своих ценностей, а второй продиктован необходимостью инвестирования в ресурсы для их защиты от потери, восстановления и для приобретения новых [15, с. 265].

Подходы к исследованию эмоционального выгорания. Раскроем взгляды на эмоциональное выгорание на примере различных психологических научных подходов.

Когнитивно-бихевиоральный подход (С. Майер) предполагает, что эмоциональное выгорание — это результат неверных ожиданий, которые не соответствуют ситуации. При этом выделяются следующие виды ожидания: ожидание подкрепления, ожидание результата, ожидание эффективности. В основе подхода лежит теория научения, где виды ожиданий играют различные роли в возникновении выгорания [15, с. 15].

В психоаналитическом подходе (З. Фрейд, К. Юнг) эмоциональное выгорание рассматривается как неразрешенный контрперенос [21; 23–25]. Контрперенос понимается как «совокупности бессознательных реакций аналитика на личность анализируемого и особенно на его трансфер» [25, с. 189–201].

В синтетическом подходе (О. Кернберг) эмоциональное выгорание предполагает взаимоотношения между контрпереносом и личностью в трех измерениях [26, с. 330]. Первое «пространственное измерение» отражает реакцию на эмоциональное выгорание, второе «временное измерение» — длительность протекания, а третье измерение — тяжесть нарушения [26, с. 335]. Данный подход поддерживается и российскими учеными. Так, А. И. Куликов указывает, что синдром выгорания — это феномен, в основе которого лежит неразрешенный контрперенос, где синдром эмоционального выгорания — его манифестное содержание, рационализованное бессознательным конфликтом [21], проявляющееся в хронических реакциях.

Вероятно, условиями и механизмами перехода стресса в дистресс и далее в выгорание способствуют психологический / психопатологический статус; коммуникативная изоляция; неблагоприятные условия и организация быта; низкая экономическая ресурсность и др. Поэтому осознание контрпереноса — основной элемент в коррекции состояния [21].

А.-М. Гарден выразил несогласие с трехкомпонентной структурой выгорания К. Маслач. По А.-М. Гардену, внутренней составляющей эмоционального выгорания выступает эмоциональное истощение, а деперсонализация характерна лишь для сферы социального обслуживания. Выгорание есть специальное свойство психики для восстановления равновесия и (или) роста личности, поэтому оно является позитивным, развивающим личность процессом [27, с. 73–93].

В гештальт-подходе полагают, что синдром эмоционального выгорания имеет комплексный характер. У лиц с синдромом эмоционального выгорания наблюдаются психосоматические проблемы, проблемы межличностного общения. В преодолении синдрома необходимо интегрировать все факторы для более целостного преодоления выгорания [28].

В индивидуально-психологическом подходе (А. Пайнс) выгорание понимается как «состояние физического и психологического истощения, вызванного длительным пребыванием в эмоционально перегруженных ситуациях» [15, с. 188]. Главными причинами выгорания признаются неудачный поиск смысла жизни, высокий уровень притязаний. Источником выгорания представляется чувство недостижимости, незначимости своей работы, незначительности своих усилий [15; 22; 29].

На взгляд К. Маслач и Дж. Сонека, «эмоциональное истощение, деперсонализация, переживание собственной неэффективности и витальная нестабильность — вместе представляют собой первые признаки развития предсуицидального состояния» [22, с. 5].

Существует и позитивный подход (Д. Г. Трунов), согласно которому синдром эмоционального выгорания предполагает «негативные изменения в состоя-

нии и личности консультанта, как явление, наносящее вред... Позитивное восприятие действительности — первый шаг на пути к пониманию себя и решению проблем, возникающих при общении с абонентом» [30, с. 84], т. е. синдром выгорания — естественный и нормальный процесс.

Зарубежные исследователи в большей мере изучают практические аспекты проявления эмоционального выгорания. Так, D. C. McFarland и F. Hlubocky раскрыли влияние эмоционального выгорания у врачей на пациентов [31]. Они указывают, что эмоциональное выгорание перерастает в депрессию. G. Bodenheimer и S. M. Shuster изучали эмоциональное выгорание у преподавателей и выявили связи структурных и интеракционных ожиданий на выгорание [32]. E. Heuven и A. Bakker провели проверку гипотезы о том, что эмоциональный диссонанс является предикатором эмоционального выгорания на примере бортпроводников [33], подтвердив ее. P. M. Le Blanc, A. B. Bakker, M. C. W. Peeters, N. C. A. van Heesch и W. B. Schaufeli установили, что при наличии высокой восприимчивости к эмоциональному заражению более высок риск возникновения эмоционального выгорания [34]. J. Weisberg и A. Sagie обнаружили, что физическое и психическое истощение существенно влияют на намерение уйти с работы, а эмоциональное истощение при этом незначительно [35]. G. Kinman, S. Wray и C. Strange отмечают, что для профилактики эмоционального выгорания необходимо организовывать социальную поддержку, реализовывать программы по осведомленности об эмоциональных требованиях к профессии [36].

Выводы

Изучение проблемы эмоционального выгорания в отечественной и зарубежной психологии базируется на пяти теоретических и экспериментальных подходах.

На уровне факторного подхода исследователями осуществляется поиск тех факторов, которые наиболее ярко выражаются в эмоциональном выгорании. Процессуальный подход подразумевает исследование эмоционального выгорания как процесс, что требует выявления его протекания. Динамический подход состоит в исследовании протекания физиологических, аффективно-когнитивных и поведенческих реакций в эмоциональном выгорании. Этиологический подход предполагает исследование причин эмоционального выгорания. Когнитивно-бихевиоральный подход выражается в неверных выборах ожиданий.

Под эмоциональным выгоранием следует понимать выработанные механизмы психологической защиты, которые формируются поэтапно с выраженной динамикой, направленной на частичную, а затем и полную утрату позитивных эмоций и чувств, отягощенных психотравмирующими воздействиями.

Список источников

1. Форманюк Т. В. Синдром «эмоционального сгорания» как показатель профессиональной дезадаптации учителя // Вопросы психологии. 1994. № 6. С. 57–64.
2. Бойко В. В. Синдром эмоционального выгорания в профессиональном общении. СПб., 2009. 278 с.
3. Вид В. Д., Лозинская Е. И. Системный индекс синдрома перегорания (на основе теста МБИ) : методические рекомендации. СПб., 2007. 17 с.
4. Орел В. Е. Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования и перспективы // Психологический журнал. 2001. Т. 22, № 1. С. 90–101.
5. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб., 2001. 288 с.
6. Лаврентьева Е. С., Сорокина Ю. В. Синдром эмоционального выгорания как механизм психологической защиты // Известия Института систем управления СГЭУ. 2021. № 1(23). С. 62–66.
7. Николаева Е. К. Проблема эмоционального выгорания в современном мире // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. № 2(54). С. 18–22.
8. Pines A. M., Aronson E. Burnout: From tedium to personal growth. N. Y., 1981. 229 p.
9. Maslach C. Burnout. The Cost of Caring. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1982. 47 p.
10. Iwanicki E. F., Schwab R. L. Across-validation of the Maslach Burnout Inventory. *Educational and Psychological Measurement*. 1981. Vol. 41. Pp. 1167–1174.
11. Гринберг Дж. Управление стрессом. СПб., 2002. 496 с.
12. Perlman B., Hartman E. A. Burnout: summary and future research. *Human relations*. 1982. Vol. 35(4). Pp. 283–305.
13. Мезенцева О. И. Современные подходы к определению понятия «синдром эмоционального выгорания» в психолого-педагогической литературе // Вопросы педагогики. 2020. № 2-2. С. 110–112.
14. Асташова А. Н., Добросоцкая А. В. Сущность феномена «эмоционального выгорания» // Медико-биологические и педагогические основы адаптации, спортивной деятельности и здорового образа жизни : сб. науч. ст. VII всерос. заоч. научн.-практ. конф. с междунар. участием. Воронеж, 2018. С. 121–126.
15. Водопьянова Н. Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб., 2005. 336 с.
16. Базалева Л. А. Возможности исследования эмоционального «выгорания» у матерей в психологии личности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2010. Вып. 1. С. 174–182.
17. Зубова Е. В. Особенности психологического состояния родителей, воспитывающих дошкольников с нарушениями ОВЗ // Клиническая и специальная психология. 2012. № 3. С. 28–45.
18. Кайбышев В. Т. Профессионально детерминированный образ жизни и здоровье врачей в условиях современной России // Медицина труда и промышленная экология. 2006. № 12. С. 21–26.
19. Мальярчук Н. Н., Криницына Г. М., Пащенко Е. В., Отева Н. И. Проблемы и ресурсы семей, воспитывающих детей с тяжелыми множественными нарушениями в развитии // Вестник Мининского университета. 2019. Т. 7, № 2(27). С. 8–21.
20. Лаврова К., Левин А. Синдром выгорания: профилактика и управление: пособие для сотрудников, работающих в программах снижения вреда. Вильнюс, 2006. 70 с.
21. Куликов А. И. Профессиональное выгорание и контрперенос // Сайт Национальной Федерации Психоанализа. URL: <http://nfr.oedipus.ru/node/561> (дата обращения: 19.05.2022).
22. Лэнгле А. Эмоциональное выгорание с позиций экзистенциального анализа // Вопросы психологии. 2008. № 2. С. 3–16.
23. Пик И. Б. Проработка в контрпереносе // Журнал практической психологии и психоанализа. 2006. № 3. С. 157–166.
24. Уварова С. Проблема вервока в средней полосе // Материалы международного осеннего психоаналитического форума. Киев, 2005. С. 38–46.
25. Фрейд З. Советы врачу при психоаналитическом лечении. СПб., 1998. С. 189–201.
26. Кернберг О. Ф. Тяжелые личностные расстройства: стратегии психотерапии. М., 2000. 298 с.
27. Gargen A. M. The purpose of burnout: A Jungian interpretation. Special Issue: Handbook on job stress. *J. of Social Behavior and Personality*. 1991. Vol. 6(7). Pp. 73–93.
28. Семкова М. П. Совершая труд. Взгляд гештальт-терапевта на синдром эмоционального выгорания. URL: zhurnal.lib.ru/s/semkowa_m_p/sowershajatrud.shtml-89k (дата обращения: 19.05.2022).
29. Гришина Н. В. Помогаящие отношения: профессиональные и экзистенциальные проблемы // Психологические проблемы самореализации личности / под ред. А. А. Крылова и Л. А. Коростылевой. СПб., 2002. С. 143–156.
30. Трунов Д. Г. Синдром сгорания: позитивный подход к проблеме // Журнал практического психолога. 1998. № 8. С. 84–89.
31. McFarland D. C., Hlubocky F. Therapeutic Strategies to Tackle Burnout and Emotional Exhaustion in Frontline Medical Staff: Narrative Review. *Psychology Research and Behavior Management*. 2021. Vol. 14. Pp. 1429–1436. <https://doi.org/10.2147/PRBM.S256228>.
32. Bodenheimer G., Shuster S. M. Emotional labour, teaching and burnout: Investigating complex relationships. *Educational Research*. 2020. Vol. 62. Pp. 63–76. <https://doi.org/10.1080/00131881.2019.1705868>.
33. Heuven E., Bakker A. Emotional dissonance and burnout among cabin attendants. *European Journal of Work and Organizational Psychology*. 2003. Vol. 12, Issue 1. Pp. 81–100. <https://doi.org/10.1080/13594320344000039>.
34. Le Blanc P. M., Bakker A. B., Peeters M. C. W., van Heesch N. C. A., Schaufeli W. B. Emotional job demands and burnout among oncology care providers. *Anxiety, Stress & Coping. An International Journal*. 2001. Vol. 14, Issue 3. Pp. 243–263. <https://doi.org/10.1080/10615800108248356>.
35. Weisberg J., Sagie A. Teachers' Physical, Mental, and Emotional Burnout: Impact on Intention to Quit. *The Journal of Psychology. Interdisciplinary and Applied*. 1999. Vol. 133, Issue 3. Pp. 333–339. <https://doi.org/10.1080/00223989909599746>.
36. Kinman G., Wray S., Strange C. Emotional labour, burnout and job satisfaction in UK teachers: the role of workplace social support. *Educational Psychology. An International Journal of Experimental Educational Psychology*. 2011. Vol. 31, Issue 7. Pp. 843–856. <https://doi.org/10.1080/01443410.2011.608650>.

Поступила 04.07.2022; одобрена после рецензирования 02.08.2022; принята к публикации 30.08.2022.
Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

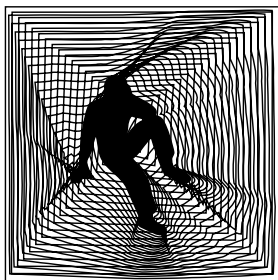
References

1. Formanyuk T. V. Syndrome of "emotional burnout" as an indicator of teacher's professional maladaptation. *Issues of Psychology*. 1994. No. 6. Pp. 57–64. (In Russ.)
2. Boyko V. V. Syndrome of emotional burnout in professional communication. St. Petersburg, 2009. 278 p. (In Russ.)
3. Vid V. D., Lozinskaya E. I. System index of burnout syndrome (based on the MBI test). Methodical guidance. St. Petersburg, 2007. 17 p. (In Russ.)
4. Orel V. E. The phenomenon of "burnout" in foreign psychology: empirical research and perspectives. *Psychological Journal*. 2001. Vol. 22. No. 1. Pp. 90–101. (In Russ.)
5. Ananiev B. G. Man as a subject of cognition. St. Petersburg, 2001. 288 p. (In Russ.)
6. Lavrentieva E. S., Sorokina Yu. V. Emotional burnout syndrome as a mechanism of psychological protection. *Proceedings of the Institute of Management of the Samara State University of Economics*. 2021. No. 1(23). Pp. 62–66. (In Russ.)
7. Nikolaeva E. K. The problem of emotional burnout in the modern world. *Skif. Issues of Student Science*. 2021. No. 2(54). Pp. 18–22. (In Russ.)
8. Pines A. M., Aronson E. Burnout: From tedium to personal growth. N. Y., 1981. 229 p.
9. Maslach C. Burnout. The Cost of Caring. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1982. 47 p.
10. Twanicki E. F., Schwab R. L. Across-validation of the Maslach Burnout Inventory. *Educational and Psychological Measurement*. 1981. Vol. 41. Pp. 1167–1174.
11. Grinberg J. Stress management. St. Petersburg, 2002. 496 p. (In Russ.)
12. Perlman B., Hartman E. A. Burnout: summary and future research. *Human relations*. 1982. Vol. 35(4). Pp. 283–305.
13. Mezentseva O. I. Modern approaches to the definition of the concept of "emotional burnout syndrome" in psychological and pedagogical literature. *Pedagogical Issues*. 2020. No. 2-2. Pp. 110–112. (In Russ.)
14. Astashova A. N., Dobrosotskaya A. V. The essence of the phenomenon of "emotional burnout". Medical, biological and pedagogical foundations of adaptation, sports activities and a healthy lifestyle. Voronezh, 2018. Pp. 121–126. (In Russ.)
15. Vodopyanova N. E. Burnout syndrome: Diagnosis and prevention. St. Petersburg, 2005. 336 p. (In Russ.)
16. Bazaleva L. A. Possibilities for the study of mothers' emotional "burnout" in personality psychology. *Bulletin of Adyge State University. Series. Pedagogy and Psychology*. 2010. Issue 1. Pp. 174–182. (In Russ.)
17. Zubova E. V. Features of the psychological state of parents raising preschool children with disabilities. *Clinical and Special Psychology*. 2012. No. 3. Pp. 28–45. (In Russ.)
18. Kaibyshev V. T. Professionally determined lifestyle and health of doctors in modern Russia. *Russian Journal of Occupational Health and Industrial Ecology*. 2006. No. 12. Pp. 21–26. (In Russ.)
19. Malyarchuk N. N., Krinitsyna G. M., Pashchenko E. V., Oteva N. I. Problems and resources of families raising children with severe multiple developmental disorders. *Bulletin of Minin University*. 2019. Vol. 7, No. 2(27). Pp. 8–21. (In Russ.)
20. Lavrova K., Levin A. Burnout syndrome: prevention and management. Handbook for staff working in harm reduction programs. Vilnius, 2006. 70 p. (In Russ.)
21. Kulikov A. I. Professional burnout and countertransference. URL: Website of the National Federation of Psychoanalysis. <http://nfp.oedipus.ru/node/561> (accessed: 19.05.2022). (In Russ.)
22. Langle A. Emotional burnout from the view of existential analysis. *Psychological Issues*. 2008. No. 2. Pp. 3–16. (In Russ.)
23. Pik I. B. Working through countertransference. *Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis*. 2006. No. 3. Pp. 157–166. (In Russ.)
24. Uvarova S. The problem of the Werewolf in the middle lane. Proceedings of the International Autumn Psychoanalytic Forum. Kyiv, 2005. Pp. 38–46. (In Russ.)
25. Freud Z. Advice to the doctor in psychoanalytic treatment. St. Petersburg, 1998. Pp. 189–201. (In Russ.)
26. Kernberg O. F. Severe personality disorders: Strategies for psychotherapy. Moscow, 2000. 298 p. (In Russ.)
27. Gargen A. M. The purpose of burnout: A Jungian interpretation. Special Issue: Handbook on job stress. *Journal of Social Behavior and Personality*. 1991. Vol. 6(7). Pp. 73–93.
28. Semkova M. P. Doing work. A Gestalt Therapist's View on Burnout Syndrome. URL: zhurnal.lib.ru/s/semkova_m_p/sowershajatrud.shtml-89k (accessed: 19.05.2022). (In Russ.)
29. Grishina N. V. Helping relationships: professional and existential problems. Psychological problems of personality self-realization. Ed. by Krylov A. A., Korostyleva L. A. St. Petersburg, 2002. Pp. 143–156. (In Russ.)
30. Trunov D. G. Burnout syndrome: a positive approach to the problem. *Journal of Practical Psychologist*. 1998. No. 8. Pp. 84–89. (In Russ.)
31. McFarland D. C., Hlubocky F. Therapeutic Strategies to Tackle Burnout and Emotional Exhaustion in Frontline Medical Staff: Narrative Review. *Psychology Research and Behavior Management*. Vol. 14. Pp. 1429–1436. <https://doi.org/10.2147/PRBM.S256228>.
32. Bodenheimer G., Shuster S. M. Emotional labour, teaching and burnout: Investigating complex relationships. *Educational Research*. Vol. 62. Pp. 63–76. <https://doi.org/10.1080/00131881.2019.1705868>.
33. Heuven E., Bakker A. Emotional dissonance and burnout among cabin attendants. *European Journal of Work and Organizational Psychology*. Vol. 12, Issue 1. Pp. 81–100. <https://doi.org/10.1080/13594320344000039>.
34. Le Blanc P. M., Bakker A. B., Peeters M. C. W., Van Heesch N. C. A., Schaufeli W. B. Emotional job demands and burnout among oncology care providers. *Anxiety, Stress & Coping. An International Journal*. Vol. 14, Issue 3. Pp. 243–263. <https://doi.org/10.1080/10615800108248356>.
35. Weisberg J., Sagie A. Teachers' Physical, Mental, and Emotional Burnout: Impact on Intention to Quit. *The Journal of Psychology. Interdisciplinary and Applied*. Vol. 133, Issue 3. Pp. 333–339. <https://doi.org/10.1080/00223989909599746>.
36. Kinman G., Wray S., Strange C. Emotional labour, burnout and job satisfaction in UK teachers: the role of workplace social support. *Educational Psychology. An International Journal of Experimental Educational Psychology*. Vol. 31, Issue 7. Pp. 843–856. <https://doi.org/10.1080/01443410.2011.608650>.

Submitted 04.07.2022; approved after reviewing: 02.08.2022; accepted for publication: 30.08.2022.

All the authors have made an equal contribution to the publication.

The authors declare that there is no conflict of interest.

Психокоррекция и регуляция состояний

Psycho-correction and regulation of states

Научно-практическая статья

УДК 159.98 © Р. И. Хотеева, Д. А. Астальцева, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-491-436-445

5.3.4 Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

Особенности социального поведения волонтеров, работающих с детьми с ограниченными возможностями здоровья

Раиса Ивановна Хотеева¹, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии; khoteeva@ya.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4580-7241>

Диана Александровна Астальцева¹, бакалавр психологии, профиль «Психологическое консультирование»; taorissin@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-9703-1353>

¹ Институт психологии Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского, 248023, Калуга, ул. Разина, 22/48, Россия

Реферат

Введение. Волонтерство и добровольчество — важные ресурсы обеспечения развития России, ее социальной и иной безопасности. Они должны быть полем социально, психологически, нравственно и т. д. безопасной помогающей активности. Для этого необходимы принципы и стандарты работы волонтеров, их отбор и обучение, исследование и дифференцированный подход: разные ситуации и виды волонтерства и добровольчества требуют развернутого и глубокого осмысления специфики деятельности волонтера, наличия у него тех или иных качеств, моделей поведения и общения, ценностей и т. д. Целью исследования стало изучение особенностей социального поведения волонтеров, работающих с детьми с ограниченными возможностями здоровья. **Материалы и методы.** Методологическая и методическая база — изыскания ученых, посвященные волонтерству как социальному явлению, обобщающие исследования социального поведения в целом, описывающие особенности работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья. Использовались следующие методики: авторская анкета «Социальное поведение волонтеров»; Ценностные ориентации личности (Ориентировочная анкета Б. Басса); методика диагностики коммуникативной установки В. В. Бойко; методика «Суверенность психологического пространства» С. К. Нартовой-Бочавер; методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О. Ф. Потемкиной. В исследовании приняли участие 40 волонтеров разного пола, возраста и профессий, работающих в рамках благотворительного фонда «Волонтеры — детям» г. Калуги. **Результаты и обсуждение.** «Карьерные» волонтеры имеют различные особенности социального поведения, отличающие их от «событийных» («случайных») волонтеров, выраженную направленность на задачу и латентную агрессивность. Выявлен ряд иных важных моментов, указывающих на личностную и социальную зрелость многих волонтеров и негативное влияние обедненного или деструктивного индивидуального опыта волонтеров, особенно событийных. Богатый и позитивный опыт отношений помогает и событийным, и иным волонтерам быть успешными, в том числе не заражаться негативными состояниями от своих подопечных и не использовать их иначе, чем это предполагают ценностно-целевые рамки помогающей ситуации. Негативные моменты волонтерской деятельности отмечаются относительно редко в контексте как исследований духовно-нравственных сторон помогающих отношений, так и осмысления их социокультурных и индивидуально-психологических аспектов. **Выводы.** Волонтеры, работающие с детьми с ограниченными возможностями здоровья, имеют такие особенности социального поведения, которые отличают их от событийных волонтеров, а именно: направленность на задачу и латентную агрессивность, что подтверждает нашу гипотезу. Событийным волонтерам быть эффективными нередко мешает их личный опыт.

Ключевые слова: социальное поведение личности; помогающая деятельность; эдология; эдологическая деятельность; волонтерство; особенности работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья

Для цитирования: Хотеева Р. И., Астальцева Д. А. Особенности социального поведения волонтеров, работающих с детьми с ограниченными возможностями здоровья // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 4(91). С. 436–445. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-491-436-445>

Scientific and Practical Article

UDC 159.98 © R. I. Khoteeva, D. A. Astaltseva, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-491-436-445

5.3.4 Pedagogical Psychology, Psychodiagnostics of Digital Educational Environment

Features of the Social Behaviour of Volunteers working with Disabled Children

Raisa I. Khoteeva¹, Candidate of Sciences (in Psychology), Associate-Professor at the chair of General and Social Psychology;

khoteeva@ya.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4580-7241>

Diana A. Astaltseva¹, Bachelor of Psychology, profile "Psychological Consulting";

taorissin@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-9703-1353>

¹ the Institute of Psychology of Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky, 22/48, Razin st., Kaluga, 248023, Russia

Abstract

Introduction. Volunteering and voluntarism are important resources for ensuring the development of Russia, its social and other types of security. It must be a field of socially, psychologically, morally, etc. safe assistance. This requires the principles and standards of volunteer work, their selection and training, research and a differentiated approach: different situations and types of volunteering require an extended and in-depth understanding of the specifics of a volunteer's activity, whether he has certain qualities, patterns of behavior and communication, values and etc. The objective of the research is to study the peculiarities of social behavior of volunteers working with disabled children. **Materials and Methods.** Methodology and methodic toolkit includes the scientific studies devoted to volunteering as a social phenomenon and summarizing the researches on social behavior in general, describing the specifics of working with disabled children. The study employed the following methods: the authors' questionnaire "Volunteers' Social Behaviour"; Personal Value Orientation (B. Bass Orientation Inventory); V. V. Boyko Communication Attitude Diagnostics; S. K. Nartova-Bochaver "Sovereignty of Psychological Space"; O. F. Potemkina Diagnostics of Social Psychological Attitudes of a Person in Motivation and Needs' sphere. The study involved 40 volunteers of different sex, age and occupations, who participated in the work of Kaluga Charity Fund "Volunteers — to Children". **Results and Discussion.** "Career" volunteers possess various peculiarities of social behavior distinguishing them from occasional volunteers, intensified task orientation and latent aggressiveness. The researchers revealed a range of important points which indicate personal and social maturity of many volunteers and negative influence of poor and destructive individual experience of volunteers, especially occasional ones. Abundant and positive experience in relations helps both occasional and other volunteers to be successful and also not to be afflicted by the negative states of the people under their care and not to use it otherwise than it provided by the values and purposes of the helping situation. Negative moments of volunteering are relatively rare in the context of both studies devoted to spiritual and moral aspects of helping relations and comprehension of their socio-cultural and individually-psychological aspects. **Conclusions.** Volunteers working with disabled children possess such features of social behavior distinguishing them from occasional volunteers as task orientation and latent aggressiveness, which proves the authors' hypothesis. It is occasional volunteers' individual experience that not infrequently hinders their efficiency.

Keywords: social behavior of a person; helping activity; edology; edological activity; volunteering; specifics of work with disabled children

Citation: Khoteeva R. I., Astaltseva D. A. Features of the Social Behaviour of Volunteers working with Disabled Children. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27. No. 4(91). Pp. 436–445. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-491-436-445>

Основные положения

1. Разные группы волонтеров имеют свои особенности социального поведения. Волонтеры, работающие с детьми с ограниченными возможностями здоровья, имеют особенности социального поведения, отличающие их от событийных волонтеров: выраженную направленность на задачу и латентную агрессивность. В некоторых случаях латентная агрессивность граничит с завуалированной жестокостью: осознанное непреклонное преследование цели, без выбора средств и без отчета себе в совершаемых ошибках (насилие, одностороннее понимание и т. д.). «Событийным» волонтерам быть эффективными нередко мешает их личный опыт. Необходима специальная образовательная и психосоциальная подготовка волонтеров к работе с разными группами нуждающихся в помощи.

2. Для многих волонтеров характерны личностная и социальная зрелость. Можно отметить негативное влияние обедненного или деструктивного индиви-

дуального опыта волонтеров. Богатый и позитивный опыт отношений помогает и событийным, и иным волонтерам быть успешными, в том числе не заражаться негативными состояниями от своих подопечных и не использовать их иначе, чем это предполагают ценностно-целевые рамки помогающей ситуации.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Волонтерство и добровольчество — важные ресурсы обеспечения развития России, ее социальной и иной безопасности. Чтобы выполнять эту функцию, волонтерство и добровольчество должно быть полем социально, психологически, нравственно безопасной помогающей активности. Необходимы закрепленные принципы и стандарты работы волонтеров, их отбор и обучение, исследование и дифференцированный подход: разные ситуации и виды волонтерства и добровольчества требуют развернутого и глубокого осмысления специфики деятельности волонтера, наличия у него тех

или иных особых качеств, моделей поведения и общения, ценностей и т. д. В план реализации Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года¹ включена работа по совершенствованию законодательства в сфере привлечения труда добровольцев. Концепция охватывает развитие добровольчества и объединяет разные добровольческие инициативы, включая корпоративное добровольчество, бесплатное профессиональное волонтерство в рамках программ социальной ответственности бизнеса. По данным Росстата за 2020 г., большинство волонтеров (1,1 млн человек) были заняты социальной работой (помощь пожилым, детям, инвалидам и людям с ограниченными возможностями здоровья (далее — ОВЗ)). **Цель** исследования — изучение особенностей социального поведения волонтеров, работающих с детьми с ОВЗ («карьерное» волонтерство в концепции серьезного досуга Р. Стеббинса).

Материалы и методы

Методологическая база исследования. Методологической основой являются работы ученых, исследовавших волонтерство как социальное явление (Э. Д. Ахметгалеев, И. Городецкая, Т. И. Иванушкина, Л. А. Кудринская, И. А. Левдер, Л. Е. Сикорская) [1–6], помогающее социальное поведение (М. Р. Арпентьева, Г. А. Ковалев, Г. К. Триандис, И. А. Шмерлина) [7–11], особенности работы с детьми с ОВЗ (М. Р. Арпентьева, Е. Г. Карасева, Ф. Л. Ратнер и др.) [12–16].

Использованы следующие методики: авторская анкета «Социальное поведение волонтеров»; Ценностные ориентации личности (Ориентировочная анкета Б. Басса); методика диагностики коммуникативной установки В. В. Бойко; методика «Суверенность психологического пространства» С. К. Нартовой-Бочавер; методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О. Ф. Потемкиной.

В исследовании приняли участие волонтеры благотворительного фонда «Волонтеры — детям» г. Калуги в количестве 40 человек, среди которых 13 мужчин и 27 женщин. Возраст респондентов — от 19 до 43 лет. По основному роду деятельности исследуемые разделились таким образом: 30% — студенты; 20% — работающие студенты; 50% — люди, занятые в различных сферах трудовой деятельности. Доля социологических профессий (образование, здравоохранение, социальное обслуживание) составила 60%, остальные добровольцы из сферы бизнеса, экономики, инженерии.

Результаты и обсуждение

Результаты теоретического этапа исследования. В последнее время наблюдается увеличение

количества нуждающихся людей, что связано со многими факторами: демографическими и социальными, психологическими и культурными, юридическими и экономическими. Поэтому изучение помогающего поведения и его субъектов имеет большую значимость.

Помогающим (просоциальным или альтруистическим) называется поведение человека, в основе которого лежит его стремление помогать другим людям и поддерживать их². Словосочетание «помогающее поведение» используется в тех случаях, когда человек, оказывая помощь другому человеку, делает это добровольно, без принуждения и без расчета на получение какой-либо награды или выгоды либо вполне осознанно идет при этом на материальную или иную жертву в пользу нуждающегося [7; 8; 17; 18].

Исследований положительных черт волонтерской активности много, поскольку само понятие волонтерства как деятельности, направленной на достижение социально значимых целей, связывается со «светлыми» аспектами человеческого бытия. Однако волонтерство многолико, не всегда добровольно, а в случае «карьерного» волонтерства имеет сходство с собственно трудовой (профессиональной) активностью [7; 8; 19–22]. Среди «темных» сторон наиболее изучены проблемы, возникающие в контексте психологического выгорания и деформаций людей, занимающихся помощью другим людям [18].

Помогающее (эдологическое) поведение — это особое рода активность, совокупность действий, которые направлены на благо других и за которые не предусматривается каких-либо внешних вознаграждений [6; 8]. Помогающее поведение относится к категории просоциального поведения, которое охватывает все положительные формы социальных действий, имеющие своей целью пользу или выгоду других.

В России изучением этой проблемы занимаются многие практики и теоретики. Так, М. Р. Арпентьева и ее соавторы рассматривают помогающее поведение в контексте системы эдологии как теории и практики помощи человека человеку [7; 8], выделяют и сравнивают ведущие парадигмы, теории, понятия эдологии [23–25] и др. Они отмечают и исследуют сходства и различия волонтерства, добровольчества, профессиональной социальной работы и «обучения, интегрированного в работу». «Простой волонтер» на деле оказывается совсем не «прост»: волонтеры — группа людей с самыми разными мотивами и целями, личностными и межличностными чертами и опытом учебных и профессиональных, дружеских и семейных отношений [7; 8; 22].

И. А. Левдер отмечает, что «базовой характеристикой, „фундаментом“ помогающих профессий со-

¹ Концепция развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2018 г. № 2950р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Лапина В. Г. Альтруизм // Социологическая энциклопедия / под ред. В. Н. Иванова. М., 2019. С. 13.

ционического типа является просоциальная активность личности, берущая свое начало в обыденной, повседневной жизни, успешно преобразовавшаяся через комплекс мотивов в профессиональную деятельность» [5], в «добровольное обязательство», которое выводит «простого волонтера» в статус квазипрофессионала и при желании профессионала. На этом пути волонтерство представляет собой порой и самый краткий, и самый сложный путь к пониманию профессии помощника.

Н. А. Стародымов характеризует помогающие профессии следующим образом: предметом деятельности в этих профессиях выступает культура, понимаемая как целостное динамическое пространство значений, носителем которого является сообщество или отдельный человек. Средства деятельности в помогающих профессиях, как и в большинстве профессий типа «человек — человек», обладают преимущественно внутренним функциональным характером. Условия деятельности в помогающих профессиях связаны с повышенной моральной ответственностью. Цели и результаты в них имеют свои особенности. Во-первых, в большинстве случаев результат труда в этих профессиях задается не определенно, а в виде общего представления. Часто предполагаемый продукт описывается только через необходимые следствия: надо сделать нечто, чтобы, например, человек чувствовал себя лучше. Во-вторых, в помогающих профессиях продукт — это в той или иной степени «личностный вклад», т. е. его существование неотделимо полностью от личности, от субъекта [26; 27].

Волонтерство — вид непрофессиональной помогающей активности, тесно связанный с профессиональной помогающей деятельностью [20]. По мнению Л. А. Кудринской, добровольческая (волонтерская) деятельность «представляет собой феномен, в основе которого лежат нравственные категории: альтруизм, гуманизм, сострадание и бескорыстие» [4]. Волонтер — это образ жизни, а волонтерство — работа, которая не нуждается в оплате, потому что сама является наградой. Ведь не получать денег не значит не получать ничего [28; 29]. К важнейшим требованиям эффективной организации волонтерской деятельности относится готовность волонтера к взаимодействию с любой категорией «особых, нуждающихся людей», в том числе с детьми и представителями иных возрастных групп, развивающихся в условиях нарушений и недостаточности (ограниченности) возможностей. Вместе с тем в России на сегодняшний день не имеется механизма

отбора и подготовки волонтеров для работы с детьми и взрослыми с ОВЗ и их семьями, не обозначены подходы к проблеме, нет ее эффективных и продуктивных методик подготовки к волонтерской деятельности, совершенствования и т. д.

Волонтер — это человек, который оказывает помощь другим добровольно. Волонтерская деятельность основана на добровольном оказании помощи другим. По мнению многих исследователей, волонтерство содействует развитию эмоционально-волевой сферы личности, изменяет и формирует ее цели и ценностный мир, активизирует познавательную деятельность, способствует реализации социальной и творческой активности, личностному росту [7; 8]. Она благотворно влияет на становление социально-психологических компетенций и межличностное развитие, а также учебный и профессиональный рост людей и групп. Добровольчество выполняет воспитательную, прогностическую, конструктивно-проектировочную, организаторскую, познавательную, коммуникативную и рефлексивную функции [30; 31].

Для нашего исследования важно то, что основным критерием оценки эффективности деятельности волонтера является его способность и готовность как лично и социально зрелого человека обеспечить условия развития подопечного, готовность и способность к максимально независимой жизни в обществе, повышение уровня социальной адаптированности детей и подростков, имеющих значительные ограничения в жизнедеятельности³. Работа волонтера опирается на традиции милосердия, внимания к ближнему, сострадания к чужой беде, деятельного добра, бескорыстия, честности, ответственности, самоограничения и дисциплины [1; 32].

Помимо изложенного, волонтеры и добровольцы подвержены опасному воздействию: они могут испытывать психологическое выгорание и более серьезные профессиональные деформации [7; 8; 26; 33]. Современные исследователи отмечают существование двух точек зрения на добровольчество: 1) добровольцы — «святые», социально зрелые и исключительно гармоничные люди; 2) «просто добровольцы» — невротики и неудачники, в том числе непрофессионалы [34–37]⁴. Поэтому крайне важно понимать и учитывать не только то, что делается, но и ради чего: от намерения зависит то, к чему стремится и до чего дойдет доброволец. Мотивация деятельности волонтеров, помогающей активности в целом представляется одним из важнейших аспектов совершенствования их труда [7; 8; 37–39].

³ Доброволец // Энциклопедии & Словари. Социологический словарь. URL: <http://enc-dic.com/sociology/Dobrovolec-1808.html> (дата обращения: 16.07.2022).

⁴ Валинурова Н. Г. О добре и зле добровольцев // Православный вестник. 2017. 25 июля. URL: <https://orthodox-magazine.ru/articles/at983> (дата обращения: 22.07.2022); Trail B. Dealing with Difficult Volunteers. A Resource. *The Bruce Trail Conservancy*. 2012. January. 15 p. URL: https://bruce-trail.org/system/downloads/0000/0651/Dealing_With_Difficult_Volunteers_Resource_-_January_2012.pdf (accessed: 22.07.2022).

Социально-психологические особенности волонтеров. Мы предполагали, что волонтеры, на постоянной основе работающие с детьми с ОВЗ («карьерные» волонтеры), имеют особенности социального поведения, отличающие их от «событийных» («случайных») волонтеров, а именно: направленность на задачу и латентную агрессивность, иногда перерождающуюся в такой признак психологического выгорания, как завуалированная жестокость (М. Р. Арпентьева, В. В. Бойко и др.) [29]. Первая является неосознанной и чаще всего находит в нуждающихся и деструктивном отношении к ним один из множества вариантов выражения недовольства собой и миром («опредмечивается»), вторая говорит о намеренном и осознанном причинении вреда именно нуждающимся в помощи, что, скорее всего, выступает противопоказанием для начала и причиной для завершения волонтерства (добровольчества).

В ходе исследования респондентам нужно было дополнить предложение «Для Вас волонтерство — это...». Оказалось, что почти для половины их волонтерство — это возможность поделиться опытом; для 35% — помощь нуждающимся; для 10% — получить «мерч» (товары с определенной символикой) и благодарность за проведенные мероприятия; для 5% — стать известным или способ потратить свободное время.

Далее исследуемым предлагалось оценить себя от 1 до 10 по ряду личностных параметров. Большинство респондентов считают себя ответственными, толерантными, стрессоустойчивыми, при этом около 2–5% опрошенных приписывают себе крайне низкие показатели по выбранным качествам.

На вопрос: «Сколько времени Вы посвящаете волонтерской деятельности?» больше половины респондентов (55%) ответили, что осуществляют волонтерскую деятельность примерно 1 раз в месяц; 18% — имеют ненормированный волонтерский график, т. е. являются «событийными» волонтерами, 12% — примерно 1 раз в неделю. Малое количество респондентов отметили варианты ответов «каждый день», «примерно 1 раз в год» и «реже 1 раза в год».

По стажу волонтерской деятельности респонденты разделились следующим образом: 45% — один год; 25% — несколько лет; 25% — полгода; 5% — месяц или меньше месяца.

На вопрос: «Как Вы помогаете / готовы помогать как волонтер?» самым популярным ответом стал такой, как «информационная поддержка», на втором месте — «вещевые пожертвования». Меньшее количество волонтеров готово оказывать психологическую, социальную помощь или курировать семьи детей с ОВЗ. И всего 7 волонтеров готовы к финансовой помощи, т. е. к благотворительности (рис. 1).

По результатам использования методики В. В. Бойко «Диагностика коммуникативной установки» выяс-

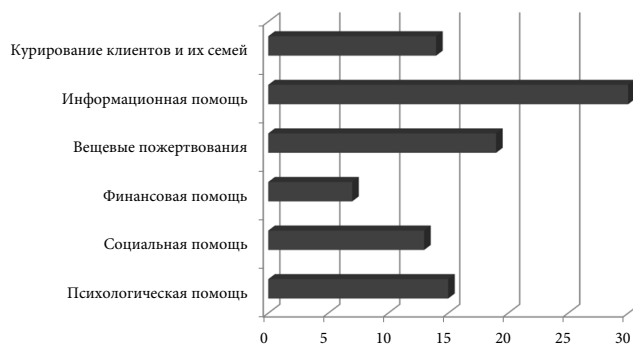

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос о способах помощи (Fig. 1. Distributing the answers to question about means of help)

нилось, что у «карьерных» волонтеров преобладают такие негативные установки, как завуалированная жестокость (латентная агрессия) и брюзжание (ворчливость как выражение не вполне осознанных причин недовольства собой и миром). Очевидно, что речь часто идет о переутомлении и психологическом выгорании, инвалидизме (присвоении волонтерами обыденных и квазипрофессиональных мифов-представлений об инвалидах и иных людях с ОВЗ) и о «заражении» — психологическом «инфицировании» негативными переживаниями, представлениями, поведенческими моделями и моделями общения от подопечных [8; 12; 25]. Многие исследователи отмечают, что подопечные волонтеров — дети с ОВЗ и члены их семей — весьма неблагоприятная по психологическому состоянию группа [12; 13; 15]. Низкий уровень показателей часто встречается у респондентов в отношении таких установок, как открытая жестокость, обоснованный негативизм и негативный личный опыт (незавезение в отношениях с ближайшим кругом знакомых и партнеров по совместной деятельности). Общий уровень негативных установок у 15% респондентов низкий, средний — у 50% и высокий — у 35% (рис. 2).

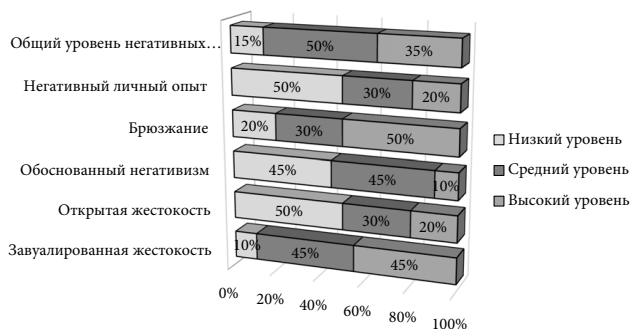

Рис. 2. Негативные коммуникативные установки «карьерных» волонтеров (Fig. 2. Negative communication attitudes of “career” volunteers)

По результатам использования методики можно сказать, что у опрошенных «событийных» волонтеров весьма разрушителен для их деятельности негативный личный опыт. Низкий уровень выраженности показателей нарушений наблюдается у респондентов в отношении

таких установок, как латентная агрессивность, открытая жестокость и обоснованный негативизм. Средний уровень имеет такой показатель, как брюзжание. Общий уровень негативных установок низкий у 50% респондентов, средний — у 25% и высокий — у 25% (рис. 3).

Рис. 3. Негативные коммуникативные установки «событийных» волонтеров (Fig. 3. Negative communication attitudes of “occasional” volunteers)

Таким образом, респонденты в суждениях, как правило, выражают недоброжелательность и настроенность по отношению к людям, склонны делать необоснованные обобщения негативных фактов во взаимоотношениях с окружающими и имеют негативный личный опыт предыдущего общения. Волонтерам, работающим с детьми с ОВЗ, присущи негативные установки в виде латентной агрессивности (иногда даже намеренной, осознаваемой, но «завуалированной жестокости») и брюзжания (ворчливость), а событийным волонтерам — негативный личный опыт.

Перейдем к описанию результатов, полученных с использованием методики Ценностных ориентаций личности (Ориентировочная анкета Б. Басса) (рис. 4).

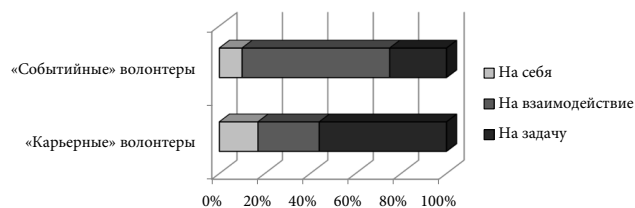

Рис. 4. Направленность «карьерных» и «событийных» волонтеров (Ориентировочная анкета Б. Басса) (Fig. 4. Orientation of career and occasional volunteers (Bass Orientation Inventory))

У «карьерных» волонтеров ярче всего выражена направленность на задачу — 56%. Высокий показатель направленности на взаимодействие имеют 27% и направленность на себя демонстрируют 17%. Можно сказать, что респонденты почти не стремятся к личному первенству и престижу, к поддержанию хороших отношений с коллегами, при этом желают овладеть новыми умениями и навыками, увлечены деятельностью и ориентированы на сотрудничество только в рамках деловых отношений и задач.

У «событийных» волонтеров ярче всего выражена направленность на взаимодействие — 65%. Высокий показатель направленности на задачу выявлен у 25%, направленность на себя — у 10%. Таким образом, респонденты почти не стремятся к личному первенству и престижу, но им важны хорошие отношения с коллегами. При этом четвертая часть опрошенных стараются овладеть новыми умениями и навыками, увлечены деятельностью и ориентированы на сотрудничество.

Рассмотрим результаты, полученные по методике «Суверенность психологического пространства» С. К. Нартовой-Бочавер (рис. 5–6). Благодаря суверенности личность адаптируется, развивается и обретает продуктивность в любой деятельности.

Рис. 5. Суверенность психологического пространства у «карьерных» волонтеров (Fig. 5. Sovereignty of psychological space in “career” volunteers)

По результатам диагностики можно сделать вывод, что по большинству шкал у «карьерных» волонтеров есть установки на суверенность своего психологического и физического пространства, территории, вещей, привычек и ценностей.

Наиболее выраженными являются установки на суверенность территории (75% респондентов), социальных связей (75%) и ценностей (80%).

Рис. 6. Суверенность психологического пространства у «событийных» волонтеров (Fig. 6. Sovereignty of psychological space in “occasional” volunteers)

По большинству шкал у «карьерных» волонтеров есть установки на суверенность своего психологического и физического пространства, территории, вещей, привычек и ценностей.

Так, 70% респондентов демонстрируют установки на суверенность привычек и 75% — на суверенность ценностей.

Обратимся к описанию результатов, полученных по методике диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О. Ф. Потемкиной (рис. 7–8).

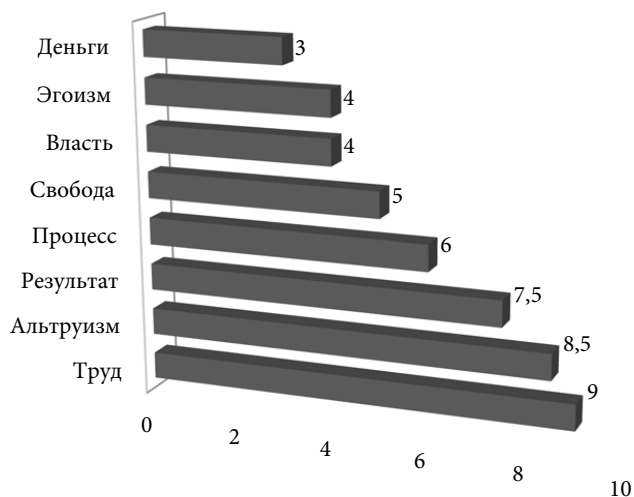

Рис. 7. Результаты диагностики социально-психологических установок личности «карьерных» волонтеров по методике О. Ф. Потемкиной
(Fig. 7. Results of diagnostics of social psychological attitudes of a person in "career" volunteers according to Potemkina's method)

Иерархия социально-психологических установок «карьерных» волонтеров, работающих с детьми с ОВЗ, представлена максимальными показателями по ориентации на труд, альтруизм и результат. Это говорит о том, что карьерные волонтеры могут достигать результата в своей деятельности вопреки внешним помехам, часто способны работать в ущерб себе и стремятся использовать свое свободное время для оказания помощи.

Иерархия социально-психологических установок «событийных» волонтеров представлена максимальными показателями по ориентации на альтруизм, процесс и труд. Можно заключить, что волонтеры часто способны работать в ущерб себе, стремятся использовать свое свободное время для оказания помощи и получают удовольствие не столько от конечного продукта своей деятельности, сколько от самого процесса волонтерской деятельности.

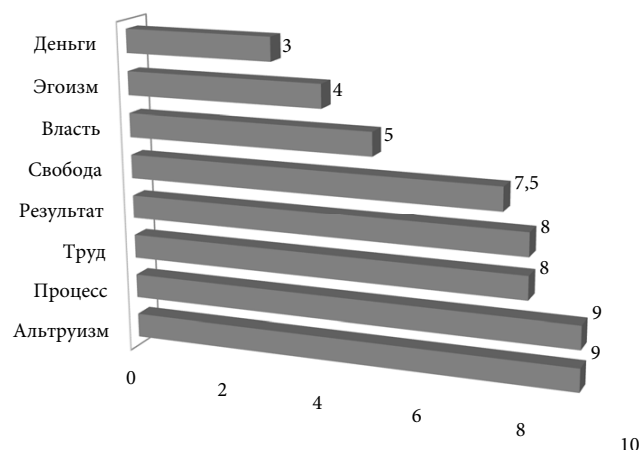

Рис. 8. Результаты диагностики социально-психологических установок личности «событийных» волонтеров по методике О. Ф. Потемкиной
(Fig. 8. Results of diagnostics of social psychological attitudes of a person in "occasional" volunteers according to Potemkina's method)

Результаты математико-статистической обработки данных показали, что данные по различным методикам у «карьерных» волонтеров достоверно выше, чем у «событийных» волонтеров при 5%-ном уровне значимости.

Выводы

«Карьерные» волонтеры, работающие с детьми с ОВЗ, имеют ряд особенностей социального поведения, отличающих их от событийных волонтеров, а именно: направленность на задачу и латентную агрессивность. Это подтверждает нашу гипотезу о том, что среди карьерных волонтеров больше «токсичных» [39]. «Событийным» волонтерам быть успешными нередко мешает их негативный индивидуальный опыт вне и внутри помогающей активности. Богатый и позитивный опыт отношений помогает всем волонтерам быть успешными, в том числе не заражаться негативными состояниями от своих подопечных и не использовать их иначе, чем это предполагают ценностно-целевые рамки помогающей ситуации. Негативные аспекты волонтерской деятельности отмечаются относительно редко, но их можно увидеть в контексте как исследований духовно-нравственной стороны помогающих отношений, так и осмысления их социокультурных и индивидуально-психологических сторон.

Перспективы исследования. Перспективы исследования связаны с осуществлением масштабного сравнительного исследования волонтеров разного пола, возраста, социального статуса, профессиональной и этнокультурной принадлежности, с разработкой и апробацией программ подготовки и профессионального обучения и воспитания волонтеров / добровольцев.

Список источников

1. Ахметгалеев Э. Д. Студенческое волонтерское движение как фактор социального сопровождения подготовки конкурентоспособного специалиста в едином образовательном пространстве // Мониторинг качества образования и творческого саморазвития личности : мат-лы XV всерос. науч.-практ. конф. Казань, 2017. С. 87–92.
2. Городецкая И. Добровольческое движение в США // Мировая экономика и международные отношения. 2021. № 1-2. С. 78–86.
3. Иванушкина Т. И. Социальное и профессиональное самоопределение молодежи через участие в волонтерском движении: профессиональная ориентация, психологическая поддержка молодежи. М., 2012. 84 с.
4. Кудринская Л. А. Добровольческий труд: сущность, функции, специфика // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 15–22.
5. Левдер И. А. Добровольческое движение как одна из форм социального обслуживания // Социальная работа. 2016. № 2. С. 35–38.
6. Сикорская Л. Е. Толерантность в представлениях молодых российских и немецких волонтеров социальной работы // Социологические исследования. 2019. № 3. С. 2–14.
7. Арпентьева М. Р. Помогающее поведение: понятие, теории, проблемы // Профессиональная библиотека работника социальной службы. 2017. № 12. Вып. 3 : Персонал организаций социального обслуживания / отв. ред., введ. М. Р. Арпентьева. М., 2017. С. 11–43.
8. Помогающее поведение: ценности, смыслы, модели / отв. ред., введ. М. Р. Арпентьева. Калуга, 2016. 340 с.
9. Ковалев Г. А. Активное социальное обучение как метод коррекции психологических характеристик субъекта общения : дис. ... канд. психол. наук. М., 1980. 270 с.
10. Триандис Г. К. Культура и социальное поведение. М., 2012. 384 с.
11. Шмерлина И. А. Биологические грани социальности. Очерки о природных предпосылках социального поведения человека. М., 2018. 325 с.
12. Арпентьева М. Р. Психосоциальное сопровождение лиц с ОВЗ и их семей. СПб., 2022. 252 с.
13. Карасева Е. Г. Инклюзивное обучение и воспитание детей дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья. М., 2014. 840 с.
14. Ратнер Ф. Л. Интегрированное обучение детей с ограниченными возможностями в обществе здоровых детей. М., 2014. 414 с.
15. Ратнер Ф. Л., Юсупова А. Ю. Интегрированное обучение детей с ограниченными возможностями в обществе здоровых детей. М., 2014. 176 с.
16. Матяш Н. В., Павлова Т. А. Методы активного социально-психологического обучения. М., 2010. 96 с.
17. Косова У. П. Структурно-содержательные характеристики волонтерской деятельности // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 45–54.
18. Guzzetta C. Voluntarism and professionalism: questions of identity and relationship. *Voluntarism and social work practice: A growing collaboration* / Ed. by F. S. Schwartz. Lanham, Md., 1984. Pp. 203–219.
19. Клепикова А. А. Добровольцы благотворительной организации в государственном учреждении для людей с тяжелой инвалидностью: конструкты волонтерства и профессионализма // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9, № 3. С. 406–418.
20. Туркулец С. Е., Фетисова Е. А. Проблема концептуализации волонтерства в междисциплинарных исследованиях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 2. С. 90–97.
21. Stebbins R. A. Volunteering: A Serious Leisure Perspective. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 1996. Vol. 25(2). Pp. 211–224.
22. Hustinx L., Lammertyn F. Collective and Reflexive Styles of Volunteering. *Voluntas. International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2003. № 14(2). Pp. 167–187.
23. Арпентьева М. Р. Конфликт интересов и мотивация эдологической деятельности // Armenian Medical Review Journal. Armenia, Yerevan: RSMU, 2015. № 11. URL: <http://www.medlib.am/Jurnal/2015/RU/11.pdf> (дата обращения: 16.07.2022).
24. Арпентьева М. Р. Конфликт интересов и мотивация эдологической деятельности. Evidence-based medicine: from theory to practice. Proceedings of the 2nd International Conference, 24–26 September 2015 / Eds: Zb. Fedorowicz, R. Hovhannesyan, V. Vlasov. Yerevan, YSMU, 2015. Pp. 116–139.
25. Korchagina N. S., Arpentieva M. R. Personal readiness of students of the faculties of social work and professional activities. North Carolina, 2017. 240 p.
26. Минигалиева М. Р. Философия и практика социальной работы в России: парадигмы, уровни, проблемы, успехи. Saarbrücken, 2013. 486 с.
27. Стародымов Н. А. Движение сестер милосердия: 150 лет // Благотворительный фонд Вдохновение. URL: <http://www.vdohnovenie.org/blago/history/sestri.php> (дата обращения: 16.07.2022).
28. Потапенко О. В., Тимошенко С. И. Волонтерство как активный вид деятельности по формированию гражданской ответственности и патриотизма студенческой молодежи. Горки, 2011. 34 с.
29. Phillips M. Motivation and expectation in successful volunteerism // *Voluntarism and social work practice: A growing collaboration* / Ed. by F. S. Schwartz. Lanham, Md., 1984. Pp. 139–147.
30. Смирнова А. С. Актуальность работы волонтеров с детьми с ограниченными возможностями здоровья // Студенческий научный форум : мат-лы XI междунар. студ. науч. конф. М., 2019. URL: <https://scienceforum.ru/2019/article/2018013850> (дата обращения: 16.07.2022).
31. Шарытин А. В. Волонтерское движение: истоки и современность // Современные исследования социальных проблем. 2010. № 4. С. 214–220.
32. Макклелланд Д. Мотивация человека. СПб., 2017. 672 с.

33. Арпентьева М. Р. Профессиональное выгорание: десакрализация и латентная агрессия сотрудников правоохранительной системы // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25, № 4. С. 669–676.
34. Воробьева А. Е., Скипор С. И. Психологические характеристики волонтеров различных направленностей активности // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12, № 3. С. 205–218. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120313>.
35. Benson M. Five Strategies to Shut Down Volunteer Conflict. Engage journal. 2016. April. P. 1. URL: https://engagejournal.org/Shut_Down_Volunteer_Conflict (accessed: 22.07.2022).
36. Jaffa E. & Sasson U. Evil and Good, Aggression and Volunteering: two Sides of a Coin?. *Voluntaris. Zeitschrift für Freiwilligendienste*. 2014. Vol. 2(2). Pp. 62–73. <https://doi.org/10.5771/2196-3886-2014-2-62>.
37. Азарова Е. С., Яницкий М. С. Психологические детерминанты добровольческой деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 306. С. 120–125.
38. Knight K. Burnout and Compassion Fatigue: Protecting the Mental Health of Our Volunteers. Engage journal. 2022. January. P. 1. URL: <https://engagejournal.org/article/january-2022/burnout-and-compassion-fatigue-protecting-mental-health-our-volunteers> (accessed: 22.07.2022).
39. Snyder M., Omoto A. M., & Lindsay J. J. Sacrificing time and effort for the good of others: The benefits and costs of volunteerism. *The social psychology of good and evil / A. G. Miller (Ed.)*. N. Y., 2004. Pp. 444–468.

Поступила 23.01.2022; одобрена после рецензирования 25.03.2022; принята к публикации 30.08.2022.
Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

References

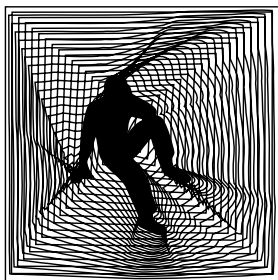
1. Akhmetgaleev E. D. Student volunteer movement as a factor of social support for the training of a competitive specialist in a single educational space. Monitoring the quality of education and creative self-development of the individual. Materials of the 15th All-Russian Scientific and Practical Conference. Kazan, 2017. Pp. 87–92. (In Russ.)
2. Gorodetskaya I. Volunteer movement in the USA. *World Economy and International Relations*. 2021. No. 1-2. Pp. 78–86. (In Russ.)
3. Ivanushkina T. I. Social and professional self-determination of youth through participation in the volunteer movement: Professional orientation, psychological support for youth. Moscow, 2012. 84 p. (In Russ.)
4. Kudrinskaya L. A. Volunteer work: essence, functions, specifics. *Sociological Studies*. 2016. No. 6. Pp. 15–22. (In Russ.)
5. Levder I. A. Volunteer movement as one of the forms of social service. *Social Work*. 2016. No. 2. Pp. 35–38. (In Russ.)
6. Sikorskaya L. E. Tolerance in the minds of young Russian and German social work volunteers. *Sociological Studies*. 2019. No. 3. Pp. 2–14. (In Russ.)
7. Arpentieva M. R. Helping behavior: concept, theories, problems. Professional Library of a Social Worker. 2017. No. 12. Issue. 3. Personnel of social service organizations. Ed. by Arpentieva M. R. Moscow, 2017. Pp. 11–43. (In Russ.)
8. Helping behavior: values, meanings, models. Ed. by Arpentieva M. R. Kaluga, 2016. 340 p. (In Russ.)
9. Kovalev G. A. Active social learning as a method for correcting the psychological characteristics of the subject of communication. Candidate of sciences dissertation (in Psychology). Moscow, 1980. 270 p. (In Russ.)
10. Triandis H. C. Culture and social behavior. Moscow, 2012. 384 p. (In Russ.)
11. Shmerlina I. A. Biological facets of sociality. Essays on the natural prerequisites for human social behavior. Moscow, 2018. 325 p. (In Russ.)
12. Arpentieva M. R. Psychosocial support of persons with disabilities and their families. St. Petersburg, 2022. 252 p. (In Russ.)
13. Karaseva E. G. Inclusive education and upbringing of preschool children with disabilities. Moscow, 2014. 840 p. (In Russ.)
14. Ratner F. L. Integrated education of children with disabilities in the society of healthy children. Moscow, 2014. 414 p. (In Russ.)
15. Ratner F. L., Yusupova A. Yu. Integrated education of children with disabilities in a society of healthy children. Moscow, 2014. 176 p. (In Russ.)
16. Matyash N. V., Pavlova T. A. Methods of active social psychological training. Moscow, 2010. 96 p. (In Russ.)
17. Kosova U. P. Structural and meaningful characteristics of volunteer activities. *Bulletin of the Kamchatka Regional Association Educational and Scientific Center (KRASEC). Humanities*. 2011. No. 2. Pp. 45–54 (In Russ.)
18. Guzzetta C. Voluntarism and professionalism: questions of identity and relationship. *Voluntarism and social work practice: A growing collaboration*. Ed. by Schwartz F. S. Lanham, Md., 1984. Pp. 203–219.
19. Klepikova A. A. Volunteers of a charitable organization in a state institution for people with severe disabilities: constructs of volunteerism and professionalism. *The Journal of Social Policy Studies*. 2011. Vol. 9, No. 3. Pp. 406–418. (In Russ.)
20. Turkulets S. E., Fetisova E. A. The problem of conceptualization of volunteering in interdisciplinary studies. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. 2022. No. 2. Pp. 90–97. (In Russ.)
21. Stebbins R. A. Volunteering: A Serious Leisure Perspective. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 1996. Vol. 25(2). Pp. 211–224.
22. Hustinx L., Lammertyn F. Collective and Reflexive Styles of Volunteering. *Voluntas. International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2003. No. 14(2). Pp. 167–187.
23. Arpentieva M. R. Conflict of interests and motivation of edological activity. *Armenian Medical Review Journal (AMRJ)*. Yerevan, 2015. No. 11. P. 1. URL: <http://www.medlib.am/Jurnal/2015/RU/11.pdf> (accessed: 16.07.2022).
24. Arpentieva M. R. Conflict of interest and motivation for edological activities. Evidence-based medicine: from theory to practice. Proceedings of the 2nd International Conference, 24-26 September, 2015. Ed. by Fedorowicz Zb., Hovhannesian R., Vlasov V. Yerevan, 2015. Pp. 116–139.
25. Korchagina N. S., Arpentieva M. R. Personal readiness of students of the faculties of social work and professional activities. North Carolina, 2017. 240 p.

26. Minigalieva M. R. Philosophy and practice of social work in Russia: paradigms, levels, problems, achievements. Saarbrücken, 2013. 486 p.
27. Starodymov N. A. Movement of the Sisters of Mercy: 150 years. Charitable Foundation «Inspiration». URL: <http://www.vdohnovenie.org/blago/history/sestri.php> (accessed: 16.07.2022). (In Russ.)
28. Potapenko O. V., Timoshenko S. I. Volunteering as an active type of activity in the formation of civic responsibility and patriotism of student youth. Gorki, 2021. 34 p. (In Russ.)
29. Phillips M. Motivation and expectation in successful volunteerism. *Voluntarism and social work practice: A growing collaboration*. Ed. by Schwartz F. S. Lanham, Md., 1984. Pp. 139–147.
30. Smirnova A. S. The relevance of the work of volunteers with children with disabilities. Student Scientific Forum. Proceedings of the 11th International Student Scientific Conference. Moscow, 2019. URL: <https://scienceforum.ru/2019/article/2018013850> (accessed: 16.07.2022). (In Russ.)
31. Sharypin A. V. Volunteer movement: origins and modernity. *Modern Studies of Social Problems*. 2010. No. 4. Pp. 214–220. (In Russ.)
32. McClelland D. Human motivation. St. Petersburg, 2017. 672 p. (In Russ.)
33. Arpentieva M. R. Professional burnout: desacralization and latent aggression of law enforcement officers. *Man: Crime and Punishment*. 2017. Vol. 25, No. 4. Pp. 669–676. (In Russ.)
34. Vorobieva A. E., Skipor S. I. Psychological Characteristics of Volunteers of Different Types of Activity. *Social Psychology and Society*. 2021. Vol. 12, No. 3. Pp. 205–218. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120313>. (In Russ.)
35. Benson M. Five Strategies to Shut Down Volunteer Conflict. *Engage Journal*. 2016. April. P. 1. URL: https://engagejournal.org/Shut_Down_Volunteer_Conflict (accessed: 22.07.2022).
36. Jaffa E. & Sasson U. Evil and Good, Aggression and Volunteering: two Sides of a Coin? *Voluntaris. Zeitschrift für Freiwilligendienste*. 2014. Vol. 2(2). Pp. 62–73. <https://doi.org/10.5771/2196-3886-2014-2-62>.
37. Azarova E. S., Yanitsky M. S. Psychological determinants of volunteerism. *Bulletin of Tomsk State University*. 2008. No. 306. Pp. 120–125. (In Russ.)
38. Knight K. Burnout and Compassion Fatigue: Protecting the Mental Health of Our Volunteers. *Engage Journal*. 2022. January. P. 1. URL: <https://engagejournal.org/article/january-2022/burnout-and-compassion-fatigue-protecting-mental-health-our-volunteers> (accessed: 22.07.2022).
39. Snyder M., Omoto A. M., & Lindsay J. J. Sacrificing time and effort for the good of others: The benefits and costs of volunteerism. *The social psychology of good and evil*. Ed. by Miller A. G. N. Y., 2004. Pp. 444–468.

Submitted: 23.01.2022; approved after reviewing: 25.03.2022; accepted for publication: 30.08.2022.

All the authors have made an equal contribution to the publication.

The authors declare that there is no conflict of interest.

Методологические аспекты диагностики и познания личности

Methodological aspects of personality diagnostics and cognition

Обзорная статья

УДК 159.9 © О. В. Арефьева, И. В. Гайдамашко, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-491-446-455

5.3.9 Юридическая психология и психология безопасности

Основания для психофизиологических исследований кандидатов на службу в органы внутренних дел с применением полиграфа

Оксана Валентиновна Арефьева¹, адъюнкт кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами; oksanalow@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8307-0463>

Игорь Вячеславович Гайдамашко², доктор психологических наук, профессор, и. о. ректора; gaydamashko@mail.ru

¹ Академия управления МВД России, 125171, Москва, ул. 3. и А. Космодемьянских, 8, Россия

² Сочинский государственный университет, 354000, Сочи, ул. Пластунская, 94, Россия

Реферат

Введение. Представлено описание зарубежных и отечественных теорий проведения специального психофизиологического исследования с применением полиграфа, пытающихся дать научное обоснование зависимости физиологических реакций, возникающих у тестируемого на полиграфе, от предъявления стимула, содержащего важную информацию, которую испытуемый пытается скрыть. Цель — анализ и выявление основных теоретических подходов к специальному психофизиологическому исследованию с применением полиграфа. **Результаты и обсуждение.** Несмотря на существование более двух десятков теорий, ни одна из них не является общепринятой, что свидетельствует о сложности происходящего процесса во время тестирования на полиграфе, выражающегося в возникновении психофизиологической реакции тестируемого на предъявление ему значимого стимула. Авторы более ранних научных воззрений принимали за основу какое-то одно психическое явление или свойство нервной системы. Такой подход находил отражение в однокомпонентных теориях полиграфа. Мультикомпонентные теории, в отличие от однокомпонентных, объясняют психофизиологический феномен, принимая за основу комплекс психических функций либо несколько сфер личности одновременно. Данный подход наиболее объективен, так как от момента предъявления значимого стимула до возникновения физиологических реакций, регистрируемых полиграфом, в работу включаются многочисленные психические процессы испытуемого. Физиологические реакции в ответ на релевантный стимул при проведении специального психофизиологического исследования с применением полиграфа можно объяснить и интерпретировать с учетом интеграции научных теорий, позволяющих учитывать работу комплекса психических функций и сфер личности. **Выводы.** Объективным и перспективным, учитывающим многочисленные составляющие сложного психофизиологического феномена является подход, выражающийся в мультикомпонентных теориях. Сочетание и интегрирование теорий предоставляют еще большие перспективы к объяснению психофизиологических реакций, возникающих в ответ на предъявление значимого стимула.

Ключевые слова: полиграф; теория полиграфа; мультикомпонентные теории; специальное психофизиологическое исследование с применением полиграфа; значимые стимулы; визуальные стимулы

Благодарности: выражаем особую благодарность доктору психологических наук Ольге Александровне Ульяниной за содействие в подготовке работы.

Для цитирования: Арефьева О. В., Гайдамашко И. В. Основания для психофизиологических исследований кандидатов на службу в органы внутренних дел с применением полиграфа // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 4(91). С. 446–455. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-491-446-455>

Review Article

UDC 159.9 © O. V. Arefieva, I. V. Gaidamashko, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-491-446-455

5.3.9 Legal Psychology and Psychology of Security

Grounds for Using Psychophysiological Polygraph Examination of Applicants for Law Enforcement Service

Oksana V. Arefieva¹, post-graduate student at the chair of Psychology, Pedagogy and Organization of work with Personnel of the Academy of Management of the Russian Ministry of Internal Affairs; oksanalow@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8307-0463>

Igor V. Gaidamashko², Doctor of Sciences (in Psychology), Professor, Acting Rector; gaydamashko@mail.ru

¹Academy of Management of the Russian Ministry of Internal Affairs, 8, Z. and A. Kosmodemyanskikh st., Moscow, 125171, Russia

²Sochi State University, 94, Plastunskaya st., Sochi, 354000, Russia

Abstract

Introduction. The paper comprises the description of foreign and domestic theories devoted to special psychophysiological examination via polygraph, which attempt to provide scientific proof of dependence of physiological reactions of the examinee under polygraph examination on the suggested stimulus containing important information the examinee is trying to conceal. The purpose is to analyze and synthesize the problems of scientific theoretical approaches of the special psychophysiological examination via polygraph. **Results and Discussion.** Despite the existence of more than two dozen theories, none of them is generally accepted, which indicates the complexity of the ongoing process during polygraph testing, which is expressed in the occurrence of a psychophysiological reaction of the examinee to the suggested stimulus significant to him. The authors of earlier scientific views took as a basis one mental phenomenon or property of the nervous system. This approach was reflected in one-component theories of the polygraph. Multi-component theories, in contrast to single-component ones, explain the psychophysiological phenomenon, taking as a basis a complex of mental functions or several spheres of the personality simultaneously. This approach is the most objective one, since from the moment a significant stimulus is presented to the occurring of physiological reactions recorded by a polygraph, numerous mental processes of the subject are working. Physiological reactions in response to a relevant stimulus during a special psychophysiological examination via polygraph can be explained and interpreted with regard to the integration of scientific theories that allow taking into account the work of a complex of mental functions and personality spheres. **Conclusions.** The approach expressed in multi-component theories is objective and promising and takes into account the numerous components of a complex psychophysiological phenomenon. The combination and integration of theories provide even greater prospects for explaining the psychophysiological reactions that arise in response to the suggested significant stimulus.

Keywords: polygraph; theory of polygraph; multi-component theories; special psychophysiological examination with a polygraph; significant stimuli; visual stimuli

Acknowledgments: the author is particularly grateful to Olga Alexandrovna Ulyanina, the author's supervisor, Doctor of Psychological sciences, for responsive guidance and assistance in writing the work.

Citation: Arefieva O. V., Gaidamashko I. V. Grounds for Using Psychophysiological Polygraph Examination of Candidates for Law Enforcement Service. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27. No. 4(91). Pp. 446–455. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-491-446-455>

Основные положения

1. Мультикомпонентные теории полиграфа в сравнении с однокомпонентными объясняют психофизиологические реакции тестируемого на полиграфе более объективно, так как учитывают работу комплекса психических функций и сфер личности.

2. Комплексный подход к теоретическому обоснованию специального психофизиологического исследования с применением полиграфа, включающий интеграцию теоретических воззрений, является наиболее перспективным в объяснении возникающих у кандидатов на службу в органы внутренних дел психофизиологических реакций на значимый стимул.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Специальные психофизиологические исследования с применением полиграфа по причине его высокой результативности применяются и Федеральной службой безопасности, и Министерством обороны, и Службой внешней разведки, и другими государственными организациями и ведомствами. Полиграф активно используется и в следственной практике. Заключение полиграфологов принимается во внимание следственными органами в виде ориентирующей информации, иногда кардинально меняющей направление расследования, а судом заключение специалиста может выступать одним из видов доказательств, предусмотренных ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Отметим, что

благодаря исследованию с применением полиграфа в ходе расследования уголовных дел нередко удается избежать траты человеческих и материальных ресурсов правоохранительных органов, а также уголовной ответственности невиновных подозреваемых. Примером может служить проведение исследования с применением полиграфа автором статьи в рамках расследования уголовного дела, возбужденного в соответствии с ч. 1 ст. 112 Уголовного кодекса РФ, в результате которого была доказана невиновность подозреваемого, введенного в заблуждение родственниками лица, которому ранее было инкриминировано данное преступление [1, с. 73].

В связи с этим возникает необходимость в проведении анализа имеющихся в научной литературе теорий полиграфа.

Целью являлось проведение комплексного анализа и синтеза проблем научных подходов к специальному психофизиологическому исследованию с применением полиграфа.

Степень разработанности и обзор проблемы. Ученые на протяжении длительного времени пытались дать теоретическое обоснование технологии исследования на полиграфе. Ряд работ, посвященных определению валидности и достоверности психофизиологического исследования с применением полиграфа, опубликованы специалистами Национальной академии наук [2], ведущими американскими полиграфологами и психофизиологами [3]. Кроме того, научные подходы к проведению

психофизиологических исследований разрабатывали ученые в области психологии и медицины [4]. Специальное психофизиологическое исследование с применением полиграфа в целях выявления скрываемой человеком информации применяется уже более 100 лет. В нашей стране признание исследования с применением полиграфа имело очень непростой путь. Первым шагом было подписание в 1975 г. Ю. В. Андроповым приказа об организации подразделения по проведению проверок на полиграфе. Далее в 1989 г. Министерством внутренних дел была создана рабочая группа для определения целесообразности внедрения полиграфа в практику расследования уголовных дел, и, как результат, в 1994 г. был подписан первый приказ о применении полиграфа при опросе граждан*. С 2014 г. в системе МВД России специальное психофизиологическое исследование с применением полиграфа стало неотъемлемым этапом проведения профессионального психологического отбора кандидатов на службу и регламентировано ведомственными нормативными правовыми документами ограниченного доступа. Целью проведения исследования с применением полиграфа служит выявление несовместимых с данным видом деятельности факторов риска у лиц, желающих служить в полиции. Следует отметить, что в практике полиграфных проверок нередко обращают на себя внимание «мнимые» факторы риска. Например, при проведении исследования в отношении кандидата на службу автором статьи были выявлены устойчивые психофизиологические реакции на вербальный стимул: «Вы когда-либо употребляли наркотические или психотропные вещества без назначения врача?» В ходе проведения исследования установлено употребление вещества в виде курительной смеси в сигарете, которую кандидат попросил у прохожего. Понимание того, что это, вероятно, было наркотическое вещество, пришло после курения сигареты, когда возникли необычные ощущения и потребность ко сну. Но было ли это наркотическое вещество, кандидат уверенности не имел. В таких случаях полиграф помогает прояснить ситуацию относительно намеренности действий, их периодичности и отношения к данному деянию.

Несомненно, специальное психофизиологическое исследование с применением полиграфа подтверждает свою высокую результативность. Российский ученый Ю. И. Холодный, занимающийся вопросами полиграфа, отмечал, что достоверность результатов исследований на полиграфе составляет 90% [5]. Несмотря на высокую результативность исследования, заключения полиграфологов обладают рекомендательным характером по причине недостаточного теоретического обоснования зависимости возникающих психофизиологических реакций тестируемого лица от предъявления ему значи-

мого стимула. В научной литературе имеется более двух десятков теорий. Существование столь многочисленных теоретических воззрений обусловлено неоднократными обращениями как зарубежных, так и отечественных государственных структур к ученым-полиграфологам с просьбой провести исследования, направленные на изучение научных основ специального психофизиологического исследования с применением полиграфа. Относительно недавно, в 2020 г., на Всероссийском межведомственном семинаре «Психофизиологические исследования с использованием полиграфа при расследовании уголовных дел: актуальные вопросы и перспективы развития», состоявшемся в Российском государственном университете правосудия, была доведена до присутствующих позиция Верховного Суда Российской Федерации, согласно которой «психофизиологические исследования с использованием полиграфа в настоящее время не имеют доказательственного значения» [6]. Представитель Верховного Суда Российской Федерации пояснил, что такая позиция обоснована отсутствием научно доказанных связей психофизиологических реакций человека и имеющейся у него информации о преступлении. Безусловно, как показывает практика применения полиграфа, такие связи существуют, иначе проведение специального психофизиологического исследования с применением полиграфа не было бы таким результативным как в процессуальном производстве, так и в кадровом отборе кандидатов на службу в органы внутренних дел (далее — ОВД).

Таким образом, проблема теоретико-методологической обоснованности исследования нуждается в дальнейшей проработке и обсуждении в профессиональном сообществе.

Результаты

В ходе исследования было выявлено и систематизировано несколько теорий полиграфа, некоторые из них и в настоящее время продолжают быть популярными.

Однокомпонентные теории полиграфа. Теория угрозы наказания, построенная на экспериментах А. Моссо [7], явилась одной из первых теорий, пытающихся научно обосновать психофизиологическую детекцию лжи в контексте специального психофизиологического исследования с применением полиграфа. В соответствии с теорией любой человек в условиях ожидания возможного наказания за совершенное противоправное деяние испытывает страх. По мнению известного психолога П. Экмана [8], страх вызывает напряженность по причине ожидания ситуаций, представляющих угрозу. Угрозу в контексте полиграфной проверки несут возможные негативные последствия для тестируемого при распознавании скрываемой информации в виде, например, уголовного наказания или отказа в приеме на службу. Напряжение

* Об утверждении инструкции о порядке использования полиграфа при опросе граждан : приказ МВД России от 28 декабря 1994 г. № 437. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

во время страха активирует симпатическую нервную систему и отражается в физиологических реакциях организма, которые фиксирует полиграф. Согласно теории угрозы наказания лицо, скрывающее информацию, будет реагировать идентично как при ее сокрытии, так и при ее признании. У человека, говорящего правду, реакций на вопросы, касающиеся проверочной темы, не будет. Это объясняется отсутствием страха.

Теория конфликта оказалась не менее популярной, согласно ей в момент необходимости тестируемого дать ответ на проверочный вопрос возникает внутреннее противоборство правды и лжи [9, p. 446]. Еще немецкий психолог О. Липман в начале XX в. отмечал существование внутренней борьбы между ложной и правдивой информацией [10]. По его мнению, ложь нередко побеждает, потому что всегда направлена на желаемый результат. В рамках проведения специального психофизиологического исследования с применением полиграфа существующее противоборство поддается фиксации на полиграфе. Известный советский психолог А. Р. Лурия экспериментальным путем установил зависимость сокрытия значимой информации и выраженности физиологических реакций тестируемого в связи с возникающим острым аффективным напряжением. Кроме того, полагает А. Р. Лурия, чем в большей степени тестируемый будет стараться подавить противоборство, тем более выражены будут его физиологические реакции. При вербализации правды конфликт исчезает и, как следствие, физиологические реакции приближаются к фоновым [11].

Условно-рефлекторная теория также имеет место в попытках объяснения психофизиологических реакций тестируемого на полиграфе. В ее основу была положена теория условных рефлексов И. П. Павлова, в частности изученная советским ученым взаимосвязь между реакцией и раздражителем [12]. Согласно авторам условно-рефлекторной теории у каждого человека, совершившего противоправное деяние, в памяти остается след в виде полученного опыта. При активации памяти посредством релевантного вопроса в организме человека происходят определенные процессы, свидетельствующие о значимости проверяемой темы. С позиции представленной теории, чем серьезнее совершенный в прошлом проступок, тем выраженнее психофизиологические реакции [13, p. 102].

Таким образом, психофизиологическая диагностика скрываемой информации с применением полиграфа в контексте рассмотренных теорий заключается в фиксации и анализе вегетативных реакций, возникающих при активации мотивационных и эмоциональных факторов у тестируемого лица. Однако при отсутствии высокой мотивации и ярких эмоциональных проявлений, а также страха наказания и внутренней борьбы между правдивой и ложной информацией физиологические реакции на значимый стимул все же будут выраженными, что

подвергает сомнению все теоретические обоснования, построенные на мотивационно-эмоциональных аспектах.

На смену теорий мотивационно-эмоциональной направленности в целях устранения обнаруженных теоретических ошибок пришли теории, основанные на когнитивных факторах, способствующих восприятию и переработке поступающей информации к испытуемому в процессе проведения специального психофизиологического исследования с применением полиграфа.

Теория активации, принявшая за основу понятие Д. Ликкена о знании виновного [14], объясняет значимые психофизиологические реакции посредством когнитивных факторов. Суть заключается в том, что только виновный может знать все мельчайшие обстоятельства совершенного им проступка, следовательно, предъявление ему значимого стимула приведет к ориентировочному рефлексу, остальные стимулы для него будут нейтральными. Для не имеющего отношения к противоправному деянию тестируемого все стимулы будут нейтральными, не вызывающими выраженных психофизиологических реакций. Таким образом, теория активации состоит в объяснении возникновения ярких психофизиологических реакций различной активационной силой предъявляемых стимулов [15, p. 447].

Теория психологической установки, предложенная К. Бакстером, построена на работах грузинского психолога Д. Н. Узнадзе [16], автора теории установки. Гипотезой служит предположение, что появление психофизиологической реакции испытуемого объясняется установкой на сосредоточении его внимания на вопросе, представляющем непосредственную угрозу его благополучию.

Дихотомизационная теория полиграфа пыталась объяснить вызываемую кожно-гальваническую реакцию тестируемого определенной частоты на значимые стимулы и установить зависимость дифференциальной чувствительности от последовательности расположения значимого стимула в группе других стимулов. Таким образом, авторы теории считали необходимым группировать стимулы в некой последовательности в целях установления их субъективной значимости [17].

Несколько теорий, опирающихся на информационную составляющую, предложил канадский исследователь Р. Хеслегрейв.

Теория количества информации констатирует, что для вербализации ложной информации человеку необходимо обработать и словесно реализовать больший объем информации, чем при вербализации правды. Таким образом, чем значительнее объем информации используется для обработки и реализации, тем большее возбуждение можно зафиксировать.

Теория возвращения затруднений, в свою очередь, утверждает, что правдивую информацию о происшедших событиях воспроизвести гораздо проще, чем ложную, так как она имеет место в памяти человека. В процессе воспроизведения ложной информации необходимо

задействовать иные психологические механизмы, что повышает и психическое напряжение.

Теория новизны полагает, что психическое напряжение во время ложного ответа на проверочный вопрос возрастает, потому что происходит формирование новой непривычной для тестируемого ассоциации ответа с вопросом по причине отсутствия данной информации в памяти [18].

Принимая во внимание недостатки зарубежных теорий, советские полиграфологи провели ряд исследований, выразившихся в создании нового подхода.

Теория целенаправленного тестирования памяти, представленная Ю. И. Холодным, предлагает осуществлять психофизиологическую диагностику посредством целенаправленной актуализации событий, хранящихся в памяти испытуемого. В рамках теории ученый предложил понятие психофизиологического феномена в памяти, который «заключается в том, что внешний стимул (слово, предмет, фотография и т. п.), несущий человеку значимую в конкретной ситуации информацию о событии, запечатленном в его памяти, устойчиво вызывает физиологическую реакцию, превышающую реакции на родственные (однородные) стимулы, предъявляемые в тех же условиях, но не связанные с упомянутым событием и не несущие человеку ситуационно значимой информации» [19, с. 55]. Эмоции, по мнению автора, являются лишь помехой для качественной диагностики лжи.

Идентичная теория разработана польскими специалистами в области распознавания скрываемой информации с использованием психофизиологического метода с применением полиграфа.

Теория выявления в памяти следов преступлений, базирующаяся на положении о том, что совершение тяжкого преступления всегда сопровождается сильными отрицательными эмоциями, которые находятся в определенных отделах памяти. Имеющаяся в памяти испытуемого информация о событии преступления выражается в функционировании различных систем организма, которое фиксируется полиграфом [20, р. 227]. Теория выявления в памяти следов преступления стала общепризнанной среди польских специалистов.

Ориентационная теория полиграфа М. Кляйнера строилась на исследованиях Е. Н. Соколова, изучавшего ориентировочный рефлекс, открытый И. П. Павловым.

Отметим, что Е. Н. Соколов в своих работах сделал акцент на психофизиологические механизмы структуры ориентировочного рефлекса, состоящие из электроэнцефалографического, сенсорного, вегетативного и двигательного компонентов. Он научно доказал взаимосвязь возникновения ориентировочного рефлекса и физиологических реакций организма [21, с. 58]. Автор теории полиграфа пытался объяснить появляющиеся физиологические реакции у тестируемого на проверочные вопросы с точки зрения понятий Е. Н. Соколова об ориентировочном рефлексе и новизне стимула [22]. Он впервые

ввел понятие «значимость стимула», которое активно используется на современном этапе в рамках проведения специального психофизиологического исследования с применением полиграфа. Благодаря создателю теории М. Кляйнеру в среде полиграфологов появилось суждение о значимости и незначимости реагирования, что заменило устаревшие определения об обнаруженной и необнаруженной лжи.

Теория опроса объясняет физиологические сдвиги тестируемого проведением качественного предтестового собеседования. По мнению авторов, в процессе предварительного собеседования при обсуждении проверочных вопросов у правдивого испытуемого происходят адаптация к вопросам и снятие психического напряжения, а у лживого, наоборот, повышается напряжение и появляется обеспокоенность за дальнейшее развитие событий [23, с. 15].

Теория важности значимой темы, сформулированная А. Гинтоном, строится на психологическом механизме внимания. Полагалось, что значимые для лживого тестируемого проверочные темы будут захватывать и удерживать все его внимание, в отличие от остальных тем, в то время как для правдивого все темы останутся равнозначными.

Проанализировав работы разных специалистов в области теоретических основ специального психофизиологического исследования с применением полиграфа, можно заключить, что все рассмотренные теории пытаются объяснить сложный психофизиологический феномен с какой-то одной конкретной позиции, опираясь на одну сферу личности, принимая во внимание конкретный психический процесс, т. е. несколько однобоко. Понимая этот существенный недостаток, отечественные и зарубежные исследователи попытались выработать новый подход к теоретическому обоснованию психофизиологической диагностики с применением полиграфа, выразившийся в мультикомпонентных теориях. На наш взгляд, мультикомпонентные теории, в отличие от однокомпонентных, объясняют психофизиологический феномен, принимая за основу комплекс психических функций либо несколько сфер личности одновременно. Такой подход наиболее объективен, так как от момента предъявления значимого стимула до появления физиологических реакций, регистрируемых полиграфом, в работу включаются многочисленные психические процессы испытуемого.

Мультикомпонентные теории полиграфа. Информационная теория — первая отечественная теория, появившаяся в XX в., которая, на наш взгляд, относится к мультикомпонентным. В ее основу положены принципы информационной теории эмоций П. В. Симонова, обуславливающие зависимость эмоционального напряжения от трех факторов: существующей потребности в чем-либо; наличия информации, необходимой для удовлетворения этой потребности; наличия информации

у тестируемого лица [24]. Применительно к полиграфной проверке автором теории П. В. Симоновым объясняется возникновение психофизиологического феномена недостатком необходимой информации у тестируемого для удовлетворения имеющейся потребности в виде сокрытия информации. Иными словами, чем сильнее потребность избежать негативных последствий, тем большим объемом информации, нужной для удовлетворения этой потребности, должен владеть человек, проходящий тестирование на полиграфе. Однако чем меньше у него информации, тем сильнее будет проявляться эмоциональное напряжение, фиксируемое полиграфом.

Мотивационная теория, созданная В. А. Варламовым и Г. В. Варламовым, понятие мотивации в контексте проведения полиграфной проверки рассматривает как комплексное понятие, объединяющее основы нескольких теорий: угрозы наказания, активности, условно-рефлекторной и информационной теории П. В. Симонова [25]. По мнению авторов, возникновение эмоционального напряжения в процессе полиграфной проверки зависит от уровня мотивации, функционального состояния организма и индивидуальных особенностей нервной системы. Все же ведущая роль отводится мотивации, так как, по убеждению Варламовых, только высокая мотивация может дать стопроцентный положительный результат, а безразличие к исследованию часто ведет к нулевому результату.

Теория направленной актуализации динамических личностных смыслов сознания приняла за основу положения теории деятельности А. Н. Леонтьева. Авторы теории С. И. Оглоблин, А. Ю. Молчанов, А. Ю. Бабикив утверждают, что в ситуации исследования на полиграфе с актуализацией личностного смысла испытуемого путем предъявления значимого стимула появляются более выраженные физиологические реакции. Кроме того, немалое значение придается темпераменту и характеру обследуемого лица, а также потребностно-мотивационной сфере личности [26, с. 227–230].

Теория динамики активности внимания, сформулированная А. П. Сошниковым и А. Б. Пеленицыным, в возникновении психофизиологических реакций главенствующую роль отводит вниманию. Под воздействием значимых внешних и внутренних стимулов работа всех психических функций способствует возникновению физиологических реакций во время тестирования на полиграфе, но все же пусковым механизмом считается внимание, состояние и динамика которого составляют основу оценки сообщаемой информации. Чем значимее для тестируемого будет стимул, тем больше внимания он привлечет и, соответственно, тем выраженнее будут его физиологические реакции [27, с. 136–137].

Эмоциональная теория, предложенная С. В. Поповичевым, предполагала через изучение эмоциональной сферы тестируемого исследовать содержание памяти. Суть данной теории заключается в утверждении взаи-

мосвязи потребности в безопасности субъекта тестирования и эмоционального напряжения, проявляющегося в физиологических реакциях тестируемого, регистрируемых полиграфом. По мнению автора, низкая вероятность удовлетворения потребности в безопасности при сообщении испытуемым ложной информации повышает эмоциональное напряжение и, наоборот, высокая вероятность удовлетворения потребности в безопасности [28] при вербализации испытуемым правды порождает низкое эмоциональное напряжение.

Мотивационно-адаптационная теория, разработанная Л. Г. Алексеевым, объясняет психофизиологический феномен стремлением организма к удовлетворению потребности в постоянстве. Так, при воздействии на организм внешних стимулов появляется мотивация, сопровождающаяся определенными эмоциями, сбором информации о среде, извлечением имеющейся информации из памяти, выработкой дальнейшей программы действий. При совпадении имеющейся информации и воздействующего стимула (у правдивого испытуемого) процесс адаптации к ситуации будет успешным и быстрым. При отсутствии в памяти информации (у лживого испытуемого) процесс адаптации будет происходить с большими энергетическими затратами, выражающимися в глубине изменений физиологических показателей тестируемого [29, с. 32].

Теория дифференциальной выраженности объясняет дифференциальную реактивность в тестах с вопросами сравнения и в тестах выявления скрываемой информации [30, р. 77].

Теория предварительного процесса иностранными специалистами считается наиболее приоритетной, она «базируется на ориентировочном рефлексе, включает в себя оценку стимулов и другие высокоавтоматизированные когнитивные функции, из которых значимость стимула играет ключевую роль» [31].

Все появляющиеся многочисленные теоретические воззрения практически незамедлительно подвергались критике, преимущественно со стороны авторов вновь возникающих научных подходов. Так, кандидат биологических наук, полиграфолог, автор теории динамики активности внимания А. Б. Пеленицын в отношении теории целенаправленного тестирования памяти Ю. И. Холодного указывает, что процессы памяти никак не влияют на функционирование вегетативной нервной системы и возникновение физиологических реакций, фиксируемых полиграфом. Между процессами памяти и физиологическими реакциями, по мнению А. Б. Пеленицына, располагаются множественные явления, например познавательные процессы, эмоции, без учета которых не представляется возможным сделать выводы о влиянии содержащейся в памяти информации на физиологические реакции испытуемого на полиграфе [32]. В свою очередь, Ю. И. Холодный обозначил, что отечественная *теория*

динамики активности внимания, сформулированная А. П. Сошниковым и А. Б. Пеленицыным, является лишь дублирующей концепцией *теории важности значимой темы* А. Гинтона, отдающей приоритет психологическому механизму внимания [33].

Появление мультикомпонентных теорий не привело к разрешению глобального вопроса в области теоретико-методологической обоснованности специального психофизиологического исследования с применением полиграфа, но положило начало новому интегративному научному подходу, требующему дальнейшей проработки.

На современном этапе, по мнению Ю. И. Холодного, возникли перспективы решения существующей не одно десятилетие проблемы. Так, достижения различных областей науки, ранее казавшихся совершенно не пересекающимися, привели к возникновению новейшего подхода к научному обоснованию зависимости возникающих физиологических реакций от наличия скрываемой информации. Автор в качестве такого подхода предлагает рассмотреть исследования в сфере стремительно развивающихся нейронаук. Ученых давно интересовал вопрос о роли мозга в жизнедеятельности психики. Ответ на него, вероятно, кроется во всестороннем изучении нейронных систем, вовлеченных в осуществление лжи, с помощью метода функциональной магнитно-резонансной томографии. В Национальном исследовательском центре «Курчатовский институт» проводятся экспериментальные исследования с использованием специального оборудования, состоящего из сочетания магнитно-резонансного томографа и полиграфа, заключающиеся в полном воссоздании процедуры проведения специального психофизиологического исследования с применением полиграфа под контролем функционирования структур мозга. Предполагается, что результатом таких исследований может стать создание единой теоретической концепции, позволяющей понять функционирование «фундаментального механизма психофизиологии человека» [34].

Обсуждение

Рассмотрев различные теоретические подходы и критические замечания, можно констатировать, что многочисленность теоретических воззрений свидетельствует о достаточно сложном характере процессов, лежащих в основе возникающих психофизиологических реакций испытуемого на предъявление ему значимых стимулов. Убеждения авторов существующих теорий не выступают противоречивыми, а лишь позволяют взглянуть на этот сложный и многогранный механизм разносторонне и даже с разных областей науки. Зарубежные и отечественные исследователи существующих теорий пытались объяснить эти процессы с той или иной позиции посредством интеграции научных разработок в сферу прикладного использования полиграфа.

Однако, к сожалению, научные исследования ученых в этом направлении весьма скудны. Кроме того, в последнее время наблюдается некоторая раздвоенность мнений в отношении теоретического обоснования использования полиграфа между отечественными и зарубежными специалистами. Несомненно, американские полиграфологи в области применения психофизиологической детекции скрываемой информации с помощью полиграфа являются ведущими, однако отечественные специалисты, ссылаясь на менталитет населения России, отличающийся от западного, пытаются разработать собственные научные подходы. Проанализировав суждения известных отечественных полиграфологов, можно отметить отсутствие единой позиции, разрозненность и несогласие по отношению к теоретическим основам проведения специального психофизиологического исследования посредством полиграфа, подтверждением тому служат многочисленные критические замечания в адрес друг друга.

Прослеживая историю развития научных подходов, можно заключить, что авторы более ранних научных воззрений принимали за основу какое-то одно психическое явление или свойство нервной системы. Несомненно, попытка всестороннего изучения психофизиологического феномена в процессе проведения специального психофизиологического исследования с применением полиграфа, выражающегося в мультикомпонентных теориях, представляет собой более перспективный подход, так как учитывает большое количество составляющих этого сложного образования. Здесь можно согласиться с А. Б. Пеленицыным в том, что многочисленность процессов и явлений обуславливает психофизиологические реакции тестируемого на значимые стимулы. В этом состоит преимущество мультикомпонентных теорий над однокомпонентными.

В контексте темы нашей научной работы прослеживается не только сочетание разнообразных психических процессов, вызывающих психофизиологические реакции, но и интеграция описанных теорий. Например, уже на начальном этапе специального психофизиологического исследования с применением полиграфа, на предтестовом собеседовании с кандидатом на службу в ОВД, повышенное напряжение у лживого испытуемого при его знакомстве с интересующими полиграфолога темами исследования объясняет теория опроса Р. Нельсона [35]. Далее, с помощью теории целенаправленного тестирования памяти Ю. И. Холодного, мы понимаем возникновение психофизиологических реакций у испытуемого при активизации памяти посредством предъявления значимого стимула. Согласно теории динамики активности внимания А. П. Сошникова и А. Б. Пеленицына значимые стимулы в виде изучаемых факторов риска привлекут внимание кандидата, проходящего этап проверки на полиграфе, что в процессе тестирования выразится в ярких физиологических реакциях, регистрируемых полигра-

фом. В контексте теории важности значимой темы [36] внимание испытуемого привлекут только те стимулы, которые для него значимы, а все остальные останутся незамеченными. Выраженную мотивацию поступления на службу и, как следствие, психофизиологические реакции на релевантный стимул объясняет мотивационная теория Варламовых.

Таким образом, при проведении специального психофизиологического исследования с применением полиграфа в отношении кандидатов на службу в ОВД возникающий психофизиологический феномен можно объяснить посредством интеграции научных теорий, что представляет собой комплексный подход, охватывающий не только различные аспекты функционирования психики кандидата при предъявлении значимых стимулов, но и сочетание существующих теорий. Кроме того, решение вопроса грамотно выбранного научного подхода к проведению специального психофизиологического исследования с применением полиграфа кандидатов на службу видится нам в некотором совершенствовании имеющихся методик. Так, на современном этапе в рамках проведения исследования на полиграфе кандидатов на службу в ОВД все изучаемые факторы риска предъявляются испытуемому в виде аудиальных стимулов. На наш взгляд, на этапе предтестового собеседования использование и визуальных факторов риска после классических аудиальных, возможно, послужит катализатором и позволит в большей степени привлечь внимание к значимым стимулам и темам, дополнительно активизируя память кандидата.

Выводы

1. Мультикомпонентные теории, в отличие от однокомпонентных, объясняют психофизиологический феномен, принимая за основу комплекс психических функций либо несколько сфер личности одновременно. Такой подход наиболее объективен, так как от момента предъявления значимого стимула до появления физиологических реакций, регистрируемых полиграфом, в работу включаются многочисленные психические процессы испытуемого.

2. Возникающие психофизиологические реакции на стимулы при проведении специального психофизиологического исследования кандидатов на службу в ОВД с применением полиграфа можно объяснить комплексным подходом, охватывающим различные аспекты функционирования психики кандидата на значимые стимулы.

3. Выраженность психофизиологических реакций у кандидатов на службу в ОВД при предъявлении им релевантного стимула можно объяснить и интерпретировать с учетом теоретических подходов: теории опроса, теории целенаправленного тестирования памяти, теории динамики активности внимания, теории важности значимой темы, мотивационной теории.

В *перспективе* целесообразно разработать методический материал в формате визуальных стимулов факторов риска и реализовать интегративный теоретический подход в совокупности с использованием визуальных стимулов в процессе проведения специального психофизиологического исследования с применением полиграфа в рамках профессионального психологического отбора кандидатов на службу в ОВД.

Список источников

1. Арефьева О. В., Соловьева Н. А. Психофизиологическое исследование с использованием полиграфа как средство профилактики следственных ошибок // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 2(45). С. 70–75.
2. National Research Council. The Polygraph and Lie Detection. Committee to Review the Scientific Evidence on the Polygraph. Division of Behavioral and Social Sciences and Education. Washington, 2003. URL: <http://nap.nationalacademies.org/10420> (accessed: 27.08.2022).
3. Kleiner M. Handbook of polygraph testing. San Diego: Acad. press, Cop. 2002. XI. 354 p.
4. Philip E Crewson. A Comparative Analysis of Polygraph with other Screening and Diagnostic Tools. *Polygraph*. 2003. Vol. 32, № 2. Pp. 57–85.
5. Холодный Ю. И. Полиграфы («детекторы лжи») и безопасность. Справочная информация и рекомендации. Серия: Библиотека полиграфа. Выпуск 1. М., 1998. 96 с.
6. Свободный Ф. К. Некоторые проблемы исследований на полиграфе в рамках оперативно-розыскной деятельности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24, № 4(79). С. 375–382.
7. Романенко В. Ю. Психофизиологический метод выявления скрываемой информации с использованием полиграфа в целях кадрового отбора: вопросы истории, теории и практики // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2008. № 1(32). С. 73–77.
8. Экман П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. СПб., 2010. 196 с.
9. Barland G. H., Raskin D. C. Detection of deception. Electrodermal activity in psychological research. N. Y., 1973. Pp. 419–477.
10. Чахоян А. С. Понятие лжи: дифференциальная диагностика // Теоретическая и экспериментальная психология. 2015. Т. 8, № 2. С. 74–79.
11. Luria A. R. The nature of human conflicts. N. Y., 1932. Pp. 77–127.
12. Данилова Н. Н., Крылова А. Л. Физиология высшей нервной деятельности. Ростов н/Д, 2005. 478 с.
13. Ben-Shakhar G., Furedy J. Theories and applications in the detection of deception: A psychophysiological and international perspective. N. Y., 1990. 192 p.
14. Хлоповских Ю. Г. К вопросу о методолого-теоретических основах психофизиологического обследования с помощью полиграфа // Современные проблемы гражданской защиты. 2018. № 3(28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-metodologo-teoreticheskikh-osnovah-psihofiziologicheskogo-obsledovaniya-s-pomoschyu-poligrafa> (accessed: 26.04.2022).
15. Borland G. H., Raskin D. C. Detection of deception. N. Y., 1973. 477 p.

16. Птахина Ю. А., Черенева Е. А. Вклад грузинской школы в изучение установки // Наука и современность. 2011. № 14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vklad-gruzinskoy-shkoly-v-izuchenie-ustanovki> (accessed: 27.04.2022).
17. Ben-Shakhar G., Lieblich I. The dichotomization theory for differential autonomic responsivity reconsidered. *Psychophysiology*. 1982. Vol. 19. Pp. 277–281.
18. Heslegrave R. An examination of the psychological mechanisms underlying deception. *Psychophysiology*. 1982. Vol. 19. Pp. 285–293.
19. Холодный Ю. И. Опрос с использованием полиграфа и его естественно-научные основы // Вестник криминалистики. 2005. Вып. 2(14). С. 47–57.
20. Krzyocin A. The debate over polygraph in Poland. *Polygraph*. 2000. Vol. 29, No 3. Pp. 226–236.
21. Основы психофизиологии : учебник / отв. ред. Ю. И. Александров. М., 1997. 121 с.
22. Kleiner M. Physiological detection of deception in psychological perspectives: A theoretical proposal. *Handbook of Polygraph Testing*. San Diego, 2002. Pp. 127–182.
23. Nelson R. Scientific basis of polygraph testing. *Polygraph*. 2015. Vol. 44. Pp. 28–61.
24. Симонов П. В. О роли эмоций в приспособительном поведении живых систем // Вопросы психологии. 1965. № 4. С. 75–84.
25. Варламов В. А., Варламов Г. В. Психофизиология полиграфных проверок. Краснодар, 2000. 239 с.
26. Оглоблин С. И., Молчанов А. Ю. Инструментальная «детекция лжи» : академический курс. Ярославль, 2004. 411 с.
27. Сошников А. П., Пеленицын А. Б. Оценка персонала: психологические и психофизиологические методы. М., 2009. 240 с.
28. Поповичев С. В. Взаимосвязь потребности в безопасности субъекта и вероятности распознавания лжи в опросе с применением полиграфа : дис. ... канд. психол. наук. М., 2011. 184 с.
29. Алексеев Л. Г. Психофизиология детекции лжи. Методология. М., 2011. 108 с.
30. Krapohl D. J., Show P. K. *Fundamentals of Polygraph Practice*. San Diego, 2015. 348 p.
31. Krapohl D. J. Short report: Update for the objective scoring system. *Polygraph*. 2002. Vol. 31. Pp. 298–302.
32. Пеленицын А. Б., Сошников А. П., Жбанкова О. В. Так что же все-таки определяет полиграф? // Вестник криминалистики. 2011. Вып. 2(38). С. 7–11.
33. Майлис Н. П., Холодный Ю. И. Некоторые теоретические аспекты технологии исследований с применением полиграфа // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2021. № 1(31). С. 147–152.
34. Холодный Ю. И., Малахов Д. Г., Орлов В. А., Карташов С. И., Александров Ю. И., Ковальчук М. В. Изучение нейрокognитивных процессов в парадигме сокрытия информации // Экспериментальная психология. 2021. Т. 14, № 3. С. 17–39.
35. Хамзин С. Р. Реферативный обзор статьи Р. Нельсона «Научное обоснование исследований на полиграфе» // Юридическая психология. 2016. № 3. С. 36–40.
36. Холодный Ю. И. Некоторые теоретические аспекты технологии исследований с применением полиграфа (статья вторая) // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2021. № 2. С. 119–125.

Поступила 27.04.2022; одобрена после рецензирования 30.05.2022; принята к публикации 30.08.2022.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

References

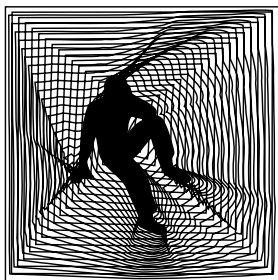
1. Arefieva O. V., Solovyova N. A. Psychophysiological research using a polygraph as a means of preventing investigative errors. *Bulletin of the Volgograd Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs*. 2018. No. 2(45). Pp. 70–75. (In Russ.)
2. National Research Council. The Polygraph and Lie Detection. Committee to Review the Scientific Evidence on the polygraph. Division of Behavioral and Social Sciences and Education. Washington, 2003. URL: <http://nap.nationalacademies.org/10420> (accessed: 27.08.2022).
3. Kleiner M. *Handbook of polygraph testing*. San Diego, 2002. XI. 354 p.
4. Philip E. Crewson. A comparative analysis of polygraph with other screening and diagnostic tools. *Polygraph*. 2003. Vol. 32. No. 2. Pp. 57–85.
5. Kholodny Yu. I. Polygraphs (“lie detectors”) and security. Reference and recommendations. Series “Polygraph Library”. Issue 1. Moscow, 1998. 96 p. (In Russ.)
6. Svobodny F. K. Some problems of polygraph examination in the framework of operational investigative activities. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2019. Vol. 24, No. 4(79). Pp. 375–382. (In Russ.)
7. Romanenko V. Yu. Psychophysiological method of revealing the concealed information using a polygraph for personnel selection purposes: questions of history, theory and practice. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2008. No. 1(32). Pp. 73–77. (In Russ.)
8. Ekman P. *Psychology of lies. Fool me if you can*. St. Petersburg, 2010. 196 p. (In Russ.)
9. Barland G. H., Raskin D. C. Detection of deception. Electrodermal activity in psychological research. N. Y., 1973. Pp. 419–477.
10. Chakhoyan A.S. The concept of lies: differential diagnostics. *Theoretical and Experimental Psychology*. 2015. Vol. 8. No. 2. Pp. 74–79. (In Russ.)
11. Luria A. R. *The nature of human conflicts*. N. Y., 1932. Pp. 77–127.
12. Danilova N. N., Krylova A. L. Physiology of higher nervous activity. Rostov-on-Don, 2005. 478 p. (In Russ.)
13. Ben-Shakhar G., Furedy J. Theories and applications in the detection of deception: A psychophysiological and international perspective. N. Y., 1990. 192 p.
14. Khlopovskikh Yu. G. To the question of methodological and theoretical foundations of psychophysiological examination using a polygraph. *Modern problems of civil protection*. 2018. No. 3(28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-metodologicheskikh-osnovah-psihofiziologicheskogo-obsledovaniya-s-pomoschyu-poligrafa> (accessed: 26.04.2022). (In Russ.)
15. Borland G. H., Raskin D. C. *Detection of deception*. N. Y., 1973. 477 p.
16. Ptakhina Yu. A., Chereneva E. A. Contribution of the Georgian school to the study of attitude. *Science and Modernity*. 2011. No. 14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vklad-gruzinsky-shkoly-v-izuchenie-ustanovki> (accessed: 27.04.2022). (In Russ.)

17. Ben-Shakhar G., Lieblich I. The dichotomization theory for differential autonomic responsivity reconsidered. *Psychophysiology*. 1982. Vol. 19. Pp. 277–281.
18. Heselgrave R. An examination of the psychological mechanisms underlying deception. *Psychophysiology*. 1982. Vol. 19. Pp. 285–293.
19. Kholodny Yu. I. A survey using a polygraph and its natural-scientific foundations. *Bulletin of Criminalistics*. 2005. Issue 2(14). Pp. 47–57. (In Russ.)
20. Krzyoecin A. The debate over polygon in Poland. *Polygraph*. 2000. Vol. 29. No. 3. Pp. 226–236.
21. Fundamentals of psychophysiology. Textbook. Ed. by Alexandrov Yu. I. Moscow, 1997. 121 p. (In Russ.)
22. Kleiner M. Physiological detection of deception in psychological perspectives: A theoretical proposal. *Handbook of Polygraph Testing*. San Diego, 2002. Pp. 127–182.
23. Nelson R. Scientific basis of polygraph testing. *Polygraph*. 2015. Vol. 44. Pp. 28–61.
24. Simonov P. V. On the role of emotions in adaptive behavior of living systems. *Psychological Issues*. 1965. No. 4. Pp. 75–84. (In Russ.)
25. Varlamov V. A., Varlamov G. V. Psychophysiology of polygraph tests. Krasnodar, 2000. 239 p. (In Russ.)
26. Ogloblin S. I., Molchanov A. Yu. Instrumental "lie detection": academic course. Yaroslavl, 2004. 411 p. (In Russ.)
27. Soshnikov A. P., Pelenitsyn A. B. Personnel assessment: psychological and psychophysiological methods. Moscow, 2009. 240 p. (In Russ.)
28. Popovichev S. V. The relationship between the need for the security of the subject and the probability of lie detection in a survey using a polygraph. Candidate of sciences dissertation (in Psychology). Moscow, 2011. 184 p. (In Russ.)
29. Alekseev L. G. Psychophysiology of lie detection. Methodology. Moscow, 2011. 108 p. (In Russ.)
30. Krapohl D. J., Show P. K. Fundamentals of Polygraph Practice. San Diego, 2015. 348 p.
31. Krapohl D. J. Short report: Update for the objective scoring system. *Polygraph*. 2002. Vol. 31. Pp. 298–302.
32. Pelenitsyn A. B., Soshnikov A. P., Zhbankova O. V. So what does a polygraph determine? *Bulletin of Criminalistics*. 2011. Issue 2(38). Pp. 7–11. (In Russ.)
33. Mailis N. P., Kholodny Yu. I. Some theoretical aspects of polygraph examinations' technology. *Investigation of Crimes: Problems and Solutions*. 2021. No. 1(31). Pp. 147–152. (In Russ.)
34. Kholodny Yu. I., Malakhov D. G., Orlov V. A., Kartashov S. I., Alexandrov Yu. I., Kovalchuk M. V. Study of neurocognitive processes in the paradigm of information concealment. *Experimental Psychology*. 2021. Vol. 14, No. 3. Pp. 17–39. (In Russ.)
35. Khamzin S. R. Abstract review of R. Nelson's article "Scientific substantiation of polygraph examination". *Legal Psychology*. 2016. No. 3. Pp. 36–40. (In Russ.)-
36. Kholodny Yu. I. Some theoretical aspects of polygraph examinations' technology (Article 2). *Investigation of Crimes: Problems and Solutions*. 2021. No. 2. Pp. 119–125. (In Russ.)

Submitted: 27.04.2022; approved after reviewing: 30.05.2022; accepted for publication: 30.08.2022.

All the authors have made an equal contribution to the publication.

The authors declare that there is no conflict of interest.

Обзорная статья

УДК 159.98+378.1+316.61 © Г. К. Касымова, Г. В. Валеева, Н. Н. Сетяева, М. Р. Арпентьева, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-491-456-466

5.3.4 Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

Социально-психологические проблемы развития субъектов цифрового образования

Гульжайна Куралбаевна Касымова^{1,2,3}, доктор философии (в области педагогики и психологии), преподаватель; g.kassymova@satbayev.university; <https://orcid.org/0000-0001-7004-3864>

Галина Валерьевна Валеева⁴, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры безопасности жизнедеятельности и медико-биологических дисциплин; valeeva-chel@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7004-3864>

Наталья Николаевна Сетяева⁵, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории и методики физического воспитания; nsetyaeva@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0181-3647>

Мариям Равильевна Арпентьева⁶, доктор психологических наук, доцент, член-корреспондент Российской академии естествознания, академик Международной академии образования; mariam_ira@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3249-4941>

¹ Институт металлургии и обогащения Сатбаевского университета, 0500010, Алматы, ул. Шевченко, 29, Республика Казахстан

² Институт педагогики и психологии Казахского национального педагогического университета им. Абая, 0500010, Алматы, пр. Достык, 13, Республика Казахстан

³ Высшая школа Государственного университета Джакарты, 13220, Восточная Джакарта, Особый столичный регион Джакарта, Равамангун, Пуло Гадунг, Jl. Равамангун Мука, RT.11 / RW.14, Индонезия

⁴ Высшая школа физической культуры и спорта Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, 454080, Челябинск, пр. Ленина, 69, Россия

⁵ Сургутский государственный педагогический университет, 628417, Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Россия

⁶ Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «Содействие», 248003, г. Калуга, ул. Достоевского, 44, Россия

Реферат

Введение. Проблемы цифрового образования следует изучать в ракурсе его социально-психологических процессов и эффектов, влияния на становление и развитие учеников и педагогов как субъектов. Цель — анализ социально-психологических проблем развития субъектов цифрового образования. Метод исследования — теоретический анализ проблем развития цифрового образования и его субъектов на примере использования систем искусственного интеллекта (смарт-технологий) в образовании. **Материалы, результаты и обсуждение.** Смарт-технологии предъявляют серьезные требования к культуре, и искусственный интеллект не является субъектом воспитания: он транслирует цели, ценности и модели поведения, которые предложены ему заказчиками и разработчиками. Эти цели могут служить как развитию субъектности, так и десубъективизации участников и стейкхолдеров образования. Поэтому смарт-технологии в образовании предъявляют серьезные требования к общечеловеческой и цифровой культуре и компетенции педагогов и учеников. При отсутствии культуры использования технологии искусственного интеллекта деформируют отношения человека с собой и миром, приводя к десубъективизации. **Выводы.** Центральными моментами продуктивного и эффективного образования, активно использующего цифровые технологии, позволяющего развивать субъектность его участников, выступают: а) формирование и развитие цифровой культуры; б) обращенность образования к формированию и развитию человека как субъекта. Эффективное смарт-образование должно быть ориентировано на формирование и развитие субъектности, цифровой культуры разработчиков, организаторов и пользователей смарт-технологий, осмысление места смарт-технологий в образовании разных ступеней и типов, а также повышение прозрачности и иных характеристик процессов и результатов их использования.

Ключевые слова: системы искусственного интеллекта; цифровое обучение; цифровые средства обучения; цифровая культура; смарт-образование; субъектность

Для цитирования: Касымова Г. К., Валеева Г. В., Сетяева Н. Н., Арпентьева М. Р. Социально-психологические проблемы развития субъектов цифрового образования // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 4(91). С. 456–466. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-491-456-466>

Review Article

UDC 159.98+378.1+316.61 © G. K. Kassymova, G. V. Valeeva, N. N. Setyaeva, M. R. Arpentieva, 2022

doi: 10.24412/1999-6241-2022-491-456-466

5.3.4 Pedagogical Psychology, Psychodiagnostics of Digital Educational Environment

Socio-Psychological Problems of Development of Subjects of Digital Education

Gul'zhaina K. Kassymova^{1,2,3}, Doctor of Philosophy (in Pedagogy and Psychology), lecturer;

g.kassymova@satbayev.university; <https://orcid.org/0000-0001-7004-3864>

Galina V. Valeeva⁴, Candidate of Sciences (in Psychology), Associate-Professor (rank), associate-professor at the chair of Life Safety and Biomedical Disciplines; valeeva-chel@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7004-3864>

Natalia N. Setyaeva⁵, Candidate of Sciences (in Pedagogy), Associate-Professor (rank), associate-professor at the chair of Theory and Methods of Physical Education; nsetyaeva@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0181-3647>

Mariyam R. Arpentieva⁶, Doctor of Sciences (in Psychology), Associate-Professor (rank), corresponding member of the Russian Academy of Natural Sciences, Academician of the International Academy of Education; mariam_ira@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3249-4941>

¹ the Institute of Metallurgy and Ore Beneficiation, Satbayev University, 29, Shevchenko st., Almaty, 0500010, the Republic of Kazakhstan

² Institute of Pedagogy and Psychology of Abai Kazakh National Pedagogical University, 13, Dostyk ave., Almaty, 0500010, the Republic of Kazakhstan

³ Higher School of State University of Jakarta, 13220, East Jakarta, Special Capital region of Jakarta, Rawamangun, Pulo Gadung, Jl. Rawamangun Muka, RT.11 / RW.14, Indonesia

⁴ Higher School of Physical Culture and Sport of South Ural State Humanitarian Pedagogical University, 69, Lenin pr., Chelyabinsk, 454080, Russia

⁵ Surgut State Pedagogical University, 10/2, 50 Let VLKSM st., Surgut, Khanty-Mansiysk Autonomous okrug – Yugra, 628417, Russia

⁶ Center for Psychological, Pedagogical, Medical and Social Support "Assistance", 44, Dostoevsky st., Kaluga, 248003, Russia

Abstract

Introduction. The problem of digital education should be considered with regard to its socio-psychological processes and effects, influence on the formation and development of students and teachers as subjects. The purpose of the research is to analyze social and psychological problems of development of subjects of digital education. The method employed includes the analysis of problems of development of digital education and its subjects based on the example of using the systems of artificial intelligence (smart technologies) in education. **Materials, Results and Discussion.** Smart technologies set serious requirements to the culture, while artificial intelligence, not being the subject of upbringing, transmits the objectives, values and behavior patterns which are suggested to it by customers and developers. These objectives may serve both as to the development of subjectiveness and desubjectivation of participants and stakeholders of education. Therefore, smart technologies in education set serious requirements to the universal and digital culture and competence of teachers and students. Without a culture of using artificial intelligence technologies, the latter deform a person's relationship with himself and the world, leading to desubjectivation. **Conclusions.** The central points of productive and effective education, actively using digital technologies, allowing the development of the subjectiveness of its participants, are: a) the formation and development of a digital culture; b) the focus of education on the formation and development of a person as a subject. Effective smart education should be focused on the formation and development of subjectiveness, digital culture of developers, organizers and users of smart technologies, understanding the place of smart technologies in education at different levels and types, as well as increasing transparency and other characteristics of processes and results of their use.

Keywords: systems of artificial intelligence; digital education; digital means of education; digital culture; smart education; subjectiveness

Citation: Kassymova G. K., Valeeva G. V., Setyaeva N. N., Arpentieva M. R. Socio-Psychological Problems of Development of Subjects of Digital Education. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27. No. 4(91). Pp. 456–466. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-491-456-466>

Основные положения

1. Цифровизация — процесс и результат внедрения многочисленных по своим функциям и видам цифровых технологий в различные сферы жизни и производства. Цифровое образование часто рассматривается как некая самостоятельная сфера образования, его инновационный тип. Но корректно говорить лишь о цифровых технологиях и средствах образования. Цифровое образование, или образование, опосредованное применением цифровых технологий, формирует и развивает субъектность и интересубъективные отношения там, где оно опирается на

цифровую культуру. Смарт-образование — образование, насыщенное использованием технологий искусственного интеллекта (одного из видов цифровых технологий). Значительная часть его проблем является социально-психологической. Цифровая культура — культура разработки, использования и коррекции цифровых технологий в образовании и иных сферах жизнедеятельности.

2. Проблема субъектности смарт-образования обнаруживает комплекс нерешенных вопросов разработки, применения и совершенствования искусственного интеллекта и иных цифровых технологий в образовании, иных

сферах деятельности человека. Цифровые технологии в образовании могут мешать развитию человека. Например, возникновение и развитие цифровой зависимости вызывается нарушением принципов субъектности взаимодействия людей, в том числе в рамках ситуаций, связанных с разработкой, использованием и коррекцией смарт-технологий.

3. Существуют различные опасности смарт-образования, но многие из них умалчиваются и недостаточно изучены. Искусственный интеллект не является субъектом воспитания: он транслирует цели, ценности и модели поведения, которые предложены ему заказчиками и разработчиками. Эти цели могут служить развитию как субъектности, так и десубъективизации участников и стейкхолдеров образования. Поэтому смарт-технологии в образовании предъявляют серьезные требования к общечеловеческой и цифровой культуре, а также и компетенции педагогов и учеников, неся угрозы десубъективизации.

4. Субъектность учащихся и обучающихся как человека есть потребность присутствовать в жизни и деятельности других людей, включаться посредством личностных вкладов в жизнь других людей, активного участия в совместной деятельности. Субъектность также предполагает способность человека быть автономным, самостоятельным, независимым от других людей, их мнений, норм, в том числе дистанцироваться от воздействия внешнего окружения и предлагать этому окружению свои мнения, нормы, влиять на них. Субъектность — критерий освоения человеком культуры, становления ее субъектом.

5. Продуктивное и эффективное смарт-образование должно быть ориентировано на формирование и развитие субъектности, цифровой культуры разработчиков, организаторов и пользователей смарт-технологий, осмысление места смарт-технологий в образовании разных ступеней и типов, а также повышение прозрачности и иных характеристик процессов и результатов их использования. Интерес педагогов и учеников к смарт-образованию связан с их ориентацией на самореализацию и самоактуализацию.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Осмысление проблем развития современного цифрового образования в контексте применения систем искусственного интеллекта является попыткой проанализировать перспективы, последствия и проекты современного образования. Ведущими аспектами анализа проблем внедрения искусственного интеллекта в обучение и воспитание выступают: 1) общекультурные трансформации, в том числе практик учебно-трудовых, семейных и иных человеческих отношений; 2) трансформации современного образования, возникающие и усиливающиеся в результате его цифровизации и изменений культуры; 3) изменения отдельных процессов

и результатов обучения и воспитания, а также конкретных субъектов образования в результате применения систем искусственного интеллекта [1–3].

Рассмотрение проблем цифрового образования, организованного посредством цифровых технологий, включая технологии искусственного интеллекта, невозможно без анализа всех трех выделенных аспектов. Оно также должно быть связано с осмыслением социально-психологических процессов и эффектов цифрового образования, его влияния на становление и развитие учеников и педагогов как субъектов. Большую часть данных типов трансформаций следует изучать в рамках социально-психологических изменений отношения человека с собой и другими людьми и регулирующих эти отношения ценностей и идей [1; 4; 5].

Проблема субъектности смарт-образования обнаруживает комплекс нерешенных вопросов разработки, применения и совершенствования искусственного интеллекта и иных цифровых технологий в образовании, других сферах деятельности человека [1; 3; 6].

Современное смарт-образование связано с системой деструктивных феноменов, основными причинами которых выступают отсутствие сформированной цифровой культуры, ориентация образования не на нее и развитие субъектов образования и их отношений, а на цели, нерелевантные образованию как институту передачи культуры. Эти цели, будучи заложенными в смарт-образование уже на этапе проектирования цифровых технологий и устройств, деформируют отношения и развитие субъектов. Образование будущего сможет продуктивно и эффективно использовать смарт- и иные цифровые технологии при условии формирования и развития цифровой культуры и переосмысления целей и ценностей, процессов и содержания образования в направлении их большей экологичности [7; 8].

Цель исследования — анализ социально-психологических проблем развития субъектов образования, опосредованного цифровыми технологиями (цифрового образования).

Материалы, результаты и обсуждение

Цифровизация и субъектность современного образования. Цифровое обучение и воспитание, или, точнее, образование, использующее цифровые технологии, — это способ организации образовательной среды, опирающийся на активное применение цифровых технологий. Цифровизация — процесс и результат внедрения современных цифровых технологий в различные сферы жизни и производства.

Цифровые технологии — технологии сбора, хранения, обработки, поиска, передачи и представления данных в электронном виде: искусственный интеллект и машинное обучение; технологии распределенного реестра (блокчейн) и криптовалюты; технологии сбора, обработки, анализа больших объемов данных; дополненная и виртуальная реальность, аддитивные и субтрактивные

технологии; чат-боты и виртуальные помощники; системы типа «умный город»; нейросети и т. д. В настоящее время в образовании используются только некоторые цифровые технологии, в том числе дистанционные и «закрытые», а их применение невозможно без существенных затрат и сложностей, сопровождающих любые нововведения, включая те, что в промышленности именуют «проклятием Г. Гартнера» [9]: чем раньше и чем масштабнее была сделана ошибка и чем позже ее обнаружили, тем выше стоимость ее исправления.

Так, одними из «проклятий» современной цифровизации уже стали цифровая зависимость как вид технологических аддикций и многие иные физиологические, психологические, нравственные и социальные деформации. Перечень нарушений развития, помимо цифровой зависимости, затрагивает личностные, межличностные и учебно-профессиональные аспекты функционирования и развития человека. Многие из них, как и в случае иных аддикций, прямо связаны с нарушениями субъектности: как причины и как последствия. Это порождает необходимость аналитического, сравнительного и интегративного осмысления процессов и содержания, причин и последствий каждой из трансформаций, которые возникают в отношениях субъектов образования в результате применения смарт- и иных цифровых технологий. Обычно личностные и индивидуальные аспекты цифровизации образования являются фокусом внимания психофизиологических и личностно-психологических исследований, учебно-профессиональные аспекты — психолого-педагогических, а социально-психологические исследования естественным образом сосредотачиваются на проблемах существования взаимодействия людей, опосредованных или иначе связанных с применением цифровых технологий. Субъектное измерение активности человека в цифровом образовании с социально-психологической точки зрения отражает процессы и результаты его становления как субъекта образования, включенного в интересующее взаимодействие с другими субъектами разного типа и уровня (посредством цифровых технологий, устройств и т. д.): от индивидов и их групп до организаций и социума.

С социально-психологической точки зрения субъектность есть способность вступать в отношения с другими (значимыми) людьми, вносить вклад в их развитие и развитие социальных ситуаций, становиться агентом изменений в их жизни и жизни «внешнего» мира в целом. Субъект как носитель учебно-профессиональной деятельности непосредственно включен с помощью этой деятельности в преобразование окружающей его действительности. Стать субъектом учебно-профессиональной деятельности означает освоить эту деятельность, т. е. стать способным и готовым к ее осуществлению и творческому преобразованию, сформировать свое отношение к ней и через него к другим людям и социальным ситуациям. Субъектность неразрывно связана со степенью

идентификации человека с миром культуры, формирующей те «внутренние условия, через которые всегда только и действуют внешние причины, влияния и т. д.» [10]. Субъектность также выступает в качестве интересующей субъектности, со-бытия людей в мире, умение и стремление строить значимые (референтные) отношения с другими людьми.

Самодетерминация (саморегуляция) — условие на пути согласования своих и партнерских способностей и готовности решать конкретные учебно-профессиональные и иные задачи. Она означает ориентацию партнеров на субъектный опыт, уважение к свободе и признание ответственности каждого и всех за совершаемые ими по отдельности или совместно жизненные выборы, процессы и результаты сотрудничества и иных форм деятельности.

Вместе с тем субъектность также может быть рассмотрена как направленный на преобразование себя, других, социальных ситуаций и мира в целом способ бытия человека [11]. Субъектность — способность человека быть автономным, самостоятельным, независимым от других людей, их мнений, норм, в том числе дистанцироваться от воздействия внешнего окружения, предлагать ему свои мнения, нормы, воздействовать на них.

Развитие субъектности связано с тем, насколько окружающие человека условия, его «внутренние» условия (мотивы развития, ценности и цели, опыт и т. д.) способствуют осознанию себя как члена сообщества, как носителя социально значимых представлений и норм: выбор стратегии учения и обучения, в частности активной или репродуктивной, «глубокой» или «поверхностной», зависит от уровня сформированности представления о себе как субъекте (акторе) и участнике сообщества.

Субъектность также предполагает способность и готовность отличить себя как актора и ко-актора от процесса и результатов учебно-педагогической деятельности, признать субъектом, человеком себя и другого. В контексте цифрового образования она есть способность понимать, что образовательные отношения складываются между людьми, иногда при помощи тех или иных технологий, умение понимать, что, кем и в каких целях говорится, делается.

Таким образом, субъектность — критерий освоения человеком культуры, становления ее субъектом. Поэтому и цифровое образование может поддерживать субъектность и развивать интересующие отношения там, где оно опирается на общую и специальную цифровую культуру. Ни одно орудие, технология, тем более те, что претендуют на статус «органопроекций», не могут развиваться и развивать человека и человечество вне культуры как системы предписаний и запретов, ценностей и целей. Примеры нарушений в этой области многочисленны: начиная с опасений по поводу того, что цифровые технологии в «точке Ω » — «технологической сингулярности» или «интеллектуального взрыва» (И. Гуд) — достигнут

уровня человека (что ожидается к 2030 г.), выйдут из-под контроля и затем начнут контролировать человека (что ожидается к 2045–2050 гг.), и заканчивая уже существующим у некоторых организаций и людей «сверхдоверием» к экспертным компетенциям смарт-устройств, активно практикующим попытки использования смарт-технологий в принятии решений об управлении сообществами. Ст. Хокинг и И. Маск говорили в связи с этим даже о возможности ликвидации человека как вида. Социологи и психологи отмечают другой процесс — дегуманизации или трансгуманизации отношений людей, потери человеком персональной субъектности и интересубъектности, необходимости и возможности становиться профессионалом, в том числе в результате его неконкурентоспособности по отношению к роботам и иным смарт-устройствам. Этот процесс ведет к уничтожению человека как субъекта, как социального существа [1].

Исследования субъектности в контексте цифрового образования. В исследованиях субъектности и ее развитии в контексте цифрового образования можно выделить несколько уровней.

1. *Общекультурный уровень.* Цифровизация — один из ведущих трендов социальных отношений, культуры в целом. Свобода использования, удобство, практичность и интерес к цифровым технологиям у большей части населения, особенно учащихся и обучающихся, целенаправленные шаги со стороны бизнеса и государства обуславливают повсеместность распространения цифровых технологий и качественные изменения отношений в организациях и сообществах, их применяющих. В настоящее время наблюдается уже переизбыток цифровых устройств, начиная со смартфонов и персональных компьютеров, в жизни людей. Становятся все более очевидными негативные последствия этого, в том числе отчуждение между людьми и увеличение пассивности (потеря субъектности) людей. Современные исследователи отмечают множество проблем, являющихся результатом технологических трансформаций, связанных с формированием, развитием и распадом общества потребления в культуре постмодерна [12; 13]. Это общество тотальных симуляций и имитаций, включая симуляции технологий и образования, человека и культуры, развития и жизни как таковой. Симуляция достигла ступени, при которой имитируются и социальные отношения, и культура, и человек, и его субъектность: социальность становится все более «легкой», связи между людьми устанавливаются и поддерживаются на основе представлений об их функциональности [2]. Согласно классическому психоанализу это фиктивные связи, формируемые на основе фиктивных жизненных целей: отсутствие человеческой привязанности, ответственности, обязательств и прав, достоинства и уважения, сведение социальных связей к биологическим и экономическим, ограниченный «коридор» толерантности и десакрализация. Дробле-

ние социума, разделение на («новые») «племена», формирует бесструктурно управляемый человек [14]. Потребление становится обязательным и значимым, а поиск смысла [15] подменяется имитациями. «Одномерное» понимание себя и мира, такие же «одномерные», упрощенные поведение и ценности означают потерю стремления и способности к рефлексии как критическому мышлению и, главное, к субъектности и оппозиции [16; 17]. Так, у многих учащихся и обучающихся, начиная с самых ранних ступеней образования, наблюдается потеря интереса к образованию, ощущения его ценности и смысла: активное внедрение мифологемы о якобы навязываемых школами и вузами «лишних знаний» и отсутствие реальных ограничений на использование в них цифровых устройств поддерживают лавину школярских симуляций, демонстрирующих нежелание значительного числа обучающихся учиться и, что самое опасное, развиваться как люди, субъекты [3; 6].

Цифровые средства (технологии) могут использоваться для того, чтобы закрепить эти отношения в качестве новой нормы и (или) помочь обществу выйти из этого состояния, в том числе через организацию интересубъективного управления. Выступая как акторы, люди, в том числе при помощи полиагентных и иных технологий искусственного интеллекта, могут восстановить, реализовать состояние и качество субъектности (интерсубъектности). Другим вариантом восстановления субъектности, ресубъективизации может быть тотальный отказ как реальная оппозиция всепроникающему контролю, десубъективизации. Однако, как показали эксперименты в школе В. Виттиха, даже студенты с трудом включаются в интересубъективный образовательный процесс [18].

2. *Уровень организации образования.* Образование — одна из сфер, в которых процессы цифровизации протекают наиболее интенсивно и вместе с тем противоречиво. В образовании декларируются время и место замены человеческого взаимодействия его цифровыми аналогами; имитирующими общение и заменяющими его «сверкой контакта» и «сверкой данных» [5]. Будущее образования соотносится с коренной трансформацией педагогических моделей, содержания и методов обучения и воспитания, с трансформацией процессов и результатов учения [6; 18]. При этом вопросы становления личностью, партнером и профессионалом в контексте данных перемен рассматриваются декларативно. Многие программы провоцируют лишь потерю образованием его ценности (десакрализацию образования и культуры), школярство у учащихся и псевдопрофессионализм (депрофессионализацию) у педагогов, приводят к состояниям социального инфантилизма, утрате субъектных проявлений. Свой вклад в этот процесс вносит и общая выхолощенность настоятельно рекомендуемых (как стандарты) для формирования и развития списков предметных компетенций, а ситуативные знания в этих деклара-

циях «метапредметного», «непрерывного образования» и т. п. ставятся выше постоянных знаний и умений [19]. Согласно нашим предварительным опросам в России, Казахстане, Германии, следствием этого является то, что уже в среде опрошенных нами родителей и тех, кто заботится об оптимизации образования, можно встретиться с мнением о ненужности образования, о том, что оно бесполезно и разрушительно и должно быть сведено к минимуму (например, к первым четырем классам начальной школы): в век смарт-технологий до 20% (из 360 опрошенных) родителей и до 45% (из 420 опрошенных) детей, подростков и молодежи, особенно в России, психологически и социально оказываются готовыми к тому, чтобы отказаться самим от качественного образования и лишиться его других людей. При этом до 80% (169 из 210 респондентов) российских студентов полагают, что образование мешает им реализовать и актуализировать себя: понятия (само)реализации и самоактуализации деформированы и выхолощены до успеха в достижении состояния экономической защищенности, карьерного роста и телесных наслаждений (комфорта). Образование не только десакрализуется, но и теряет смысл и содержание. На этом фоне педагоги-предметники кажутся ненужными, а компетенции — массово доступными: остается подождать, компетенции смогут быть «встроенны» в любого человека посредством тех или иных биологических и цифровых технологий (типа «чипирования»), когда педагогов заменит искусственный интеллект или его технологические аналоги.

3. *Десубъективизация как результат смарт-образования.* Здесь можно выделить несколько опасностей. Первая состоит в том, что интеллект человека будет сведен к интеллекту машины. Вторая, более актуальная, опасность — разрушение человеческого интеллекта и сознания как такового: его рудиментаризация и отмирание. Данный процесс уже зафиксирован исследованиями последствий цифровой зависимости: деменции, аналогичные старческим, появляются у многих геймеров и обычных школьников и студентов, много времени уделяющих компьютерам и гаджетам [20]. Предпосылкой и последствием последнего могут выступить рудиментаризация образования: сведение его минимального стандарта к системе в разной мере узких, специфических компетенций, позволяющих человеку в течение определенного времени в конкретном социуме (пространстве) выполнять функции обслуживания: 1) аналоговых, цифровых и иных устройств («конкурентоспособные специалисты»); 2) других людей («роботоустойчивые специалисты»). Такое образование закрепляет и усиливает разрушение его субъектности [4; 5]. Промежуточным вариантом является идея обслуживания потребностей и желаний человека разнообразными цифровыми и иными устройствами, управляемыми системами искусственного интеллекта, способными заменить его собственные интеллектуальные усилия: здесь вопрос об обучении как

присвоении знаний и умений снимается. Этот процесс активно прогрессирует в силу подмены понятий, поэтому мы, хотя и употребляем термин «цифровое образование», полагаем важным уточнить, что подразумеваем под ним обучение и воспитание детей, подростков, юношей и взрослых с использованием цифровых технологий [1].

В контексте цифрового образования также все чаще ведется диалог об образовании «глобальном». Изначально проблема глобального образования была аналогична проблеме дополнительного образования в России (СССР). Но затем расширено это понятие было примерно так, как это произошло в современной школе России, хотя и в меньших размерах по отношению к образованию в церковно-приходских школах: оно стало приравниваться к среднему. Не дискутируя о специфике высшего духовного образования, подготовки специалистов в сфере религиоведения и клира, отметим: такой сдвиг породил несколько эффектов, включая обеднение и упрощение и так максимально содержательно и формально упрощенных в нашей стране школьных и вузовских программ. Аналогичные проблемы можно увидеть и в рамках «глобального» образования [21–23].

4. *Уровень технологий образования.* Проблема цифровых технологий в образовании, в том числе проблема искусственного интеллекта, — одна из самых сложных и интересных проблем современного образования. Можно ожидать, что в ближайшие годы искусственный интеллект будет продолжать внедряться так, чтобы по возможности тормозить и блокировать развитие ученика. Большое внимание сейчас уделяется «облачным» технологиям и технологиям больших данных, их сращению с процессами мониторинга и управления сообществами, в том числе в рамках системы так называемых «цифровых концлагерей», апробированных в системах образования и труда Японии, Китая, иных стран, прибегающих к рейтинговым системам оценки разных аспектов учебной и трудовой деятельности.

В последние десятилетия данная проблематика исследовалась мало, современная «спираль умолчания» связана еще с одной смысловой подменой: тотальный контроль продвигается под именем «умных» технологий, использующих традиционный для общества потребления дискурс заботы [1; 12].

Дискурс заботы отчетлив и в описаниях цифрового образования [21–23]:

1. Отмечается отсутствие привязки ко времени и пространству обучения: у учеников имеется постоянный доступ к учебным материалам, они занимаются, когда у них есть возможность, а не только когда анонсирован вебинар (видеосвязь) и т. д. В силу этого возможен «адекватный тайминг», предполагающий учет пожеланий учащихся к образовательной организации ввиду законов познавательной и иной активности и т. д. Здесь задается индивидуальный темпоритм усвоения: каждый ученик сам выбирает свой режим изучения материала. Проблема

заключается только в том, что многие так и не находят возможности и желания ознакомиться с учебным материалом вне надзора со стороны родителей, наставников, педагогов. Опрошенные нами обучающиеся активно демонстрировали яркие признаки школярства: до 75% школьников и до 85% студентов, даже тех, кто сетовал на отсутствие качественного образования и невнимание педагогов, не стремились изучать рекомендованные им материалы без побуждения и контроля извне.

2. Прагматическая направленность цифрового обучения: в нем широко используются кейсы, практические задания. Знания и умения обязательно и неоднократно отрабатываются на практике. Кроме того, в ходе таких упражнений ученик получает неотсроченную, живую и конструктивную, адресованную персонально ему конкретную обратную связь. При отсутствии такой связи или ее деперсонализации, отсрочке цифровое обучение неэффективно и непродуктивно. Кроме того, богатство обратных связей при выполнении практических заданий в цифровом формате предполагает де факто обеднение таковых при вынужденно самостоятельном знакомстве с теоретическими основами профессиональных знаний и умений. Если же ученик не поставит задачи теоретического осмысления (базиса) этих компетенций, то высока вероятность того, что они вообще не будут изучены. Даже если опрошенные нами школьники и студенты принимали рекомендации педагогов, они обычно стремились «уловить их общую суть», в итоге не обращаясь ни к текстовым, ни к цифровым ресурсам. Пассивно-потребительское отношение проявлялось и в их собственной «серферской» активности в интернете и иных цифровых ресурсах: скользя по поверхности предлагаемых им знаний и умений, они реализовывали то, что является поверхностным обучением в его наиболее упрощенном виде. Констатации незнания не приводили к поискам знания: зафиксировав пробел, обучающиеся двигались дальше, не стремясь восполнить даже то, что ярко маркировало их практическую неспособность действовать.

3. Часто отмечается необходимость высокой мотивации, личной заинтересованности: при обучении, предполагающем использование цифровых устройств, нет места случайным слушателям. Все обучающиеся (в идеале) — люди, заинтересованные в получении достойного, эффективного результата, иначе обучение невозможно (или выступает как профанация, симуляция). Массовые онлайн-курсы (далее — MOOK) и многие иные виды цифрового обучения поэтому спорны по результативности. Мотивация тех, кто создает программы и системы типа MOOK, нередко является чисто экономической, как и тех, на кого они направлены: опрошенные нами школьники и студенты (около 65% в целом по выборке, до 85% — в России) выражали готовность участвовать в MOOK, если это было необходимо ради сдачи зачета. Поскольку в России ни среднее, ни высшее образование,

по данным международных исследований [18], не выступают результативными социальными лифтами, постольку и мотивация к ним крайне низкая. По оценкам некоторых российских специалистов, MOOK и иные режимы цифрового обучения особенно негативно сказываются именно на мотивации образования [18].

4. Техническое удобство обучающей смарт-системы. Использование обучающих смарт-систем является перспективным и весьма эргономичным средством обучения, однако таковым его делают люди — разработчики методик или программ обучения. Создание такой системы требует значительных усилий в анализе и соблюдении принципов эргодизайна. Оно также предполагает мультиформатное обучение, при котором ученик вправе выбрать один из нескольких форматов. Этот момент также связан с высокой стоимостью цифрового обучения: качественное цифровое образование — сложный в разработке продукт, поэтому его использование в целях экономии и оптимизации чаще всего означает, что образование в такой ситуации не является целью вообще. Особенно это касается смарт-технологий. Смарт-технологии в образовании — одна из последних ступеней цифровизации современного образования. Обращение к ним означает готовность и способность производителей и покупателей цифровых образовательных услуг идти на существенные траты. Обучение с применением цифровых технологий и устройств экономически невыгодно. Как ярко показала практика обучения детей, подростков, юношества в 2020–2021 гг. в России, Казахстане и Германии, при всей перенасыщенности повседневной жизни современных людей цифровыми технологиями, доступ к ним у разных людей неодинаков: не все обучающиеся и преподаватели имеют доступ к наиболее передовым, высокотехнологичным решениям, что усиливает цифровое неравенство, связанное с тем, что современное образование включает взаимодействие в разной мере склонных к общению, опосредованному этими технологиями, поколений цифровых туристов и цифровых аборигенов (X, Y, Z) [4]. Кроме того, не все дети, подростки, молодые и взрослые люди психологически адекватно реагируют на образование с использованием цифровых устройств. Помимо технических несовершенств цифровых устройств и экономического доступа к ним, главной является проблема подготовки методических материалов для цифрового образования: авральный метод подготовки таких материалов в период кризисных ситуаций не способствует их качеству, хотя и реализует общие цели «образования для избранных». Образовательное неравенство — один из современных бичей образования в России и многих странах бывшего СССР.

Список проблем такого обучения можно продолжать. Например, деструкция или блокада развития эмоционального интеллекта человека: злоупотребляющие контактом с цифровыми устройствами и программами интенсивно деградируют в плане способности к сопере-

живанию, в некоторых случаях отчуждение и агрессия обучающихся с симптомами цифровой зависимости перерастают в акты насилия [24]. Поэтому в образовании, основанном на цифровых технологиях, нужна культура их применения. Культура цифрового образования включает в себя и культуру взаимодействия и использования цифрового интеллекта и иных цифровых технологий. Пока как педагоги, так и обучающиеся (не имеющие специальной подготовки в сфере цифровых технологий, программирования и т. п.) отмечают, что их знания и умения в сфере взаимодействия с цифровыми технологиями чаще всего ограничены повседневными бытовыми операциями. Сотрудничать с роботом в процессе образования опрошенным кажется достаточно привлекательным, но готовности и способности к продуктивному и эффективному взаимодействию многим, очевидно, не хватает: не сформированы не только ценностные, но и собственно знаниевые аспекты компетентности (культуры), позволяющие ощущать себя субъектом, а не объектом (отметили 95% педагогов и 70% учащихся). К сожалению, вне рефлексивной дискуссии, помогающей оценить реальное состояние данных умений, знаний и отношений, ученики чаще всего полагают себя достаточно компетентными в цифровых технологиях.

Образование как интерсубъективное взаимодействие и будущее цифровизации. Многие в успешности смарт-образования решают увлеченность и интерес конкретных педагогов и разработчиков систем искусственного интеллекта, их цели и ценности. Так, опрошенные нами педагоги в целом не считают образовательные цифровые и смарт-технологии необходимыми (около 70%). В России до 95% педагогов, даже тех, кто относится положительно к цифровому образованию (около 40%), все же указывают, что внедрение этих технологий перекладывается на плечи преподавателей, чаще всего в них не заинтересованных: там, где технологией и устройствами планируют заменить педагога, последний никогда не будет выступать за ее использование, совершенствование и т. д. Педагог может быть на стороне смарт-технологий только в том случае, когда они помогают оптимизировать его диалог с учеником. Поэтому традиционная педагогика и «умирающее» (согласно высказыванию П. Лукши, Дм. Пескова, Т. Иглтона, М. Стронга и др.) образование пытаются сохранить свое, якобы устаревшее, по мнению разработчиков этих моделей и программ [18], представление об образовании как взаимодействию субъектов, в чем-то опосредованном аналоговыми, цифровыми и иными технологиями, но не сводимом к ним. Поэтому в будущем можно ожидать прогрессирующей персонализации образования, увеличения внимания к конкретному ученику, в том числе и за счет качественного и количественного развития оказываемой ему педагогической поддержки.

«Смерть» традиционных школ и университетов связывается с попытками сохранить социальное рассло-

ение и сложившийся статус-кво (разделение избранных, «элиты» и остальных), не оспаривая его даже во имя справедливости, благополучия человека и общества, традиционных ценностей. Но институты культуры, традиционные средняя и высшая школы работают не столько ради статус-кво, сколько ради развития человека и общества. Полноценно воспроизводиться и развиваться в рамках системы образования культура будет только при условии, что человеку, который является ее носителем и продолжателем, начиная от педагога и заканчивая учеником, будут гарантированы его достоинство, возможность отразить человеческие ценности, включая те, что заложены в работу смарт-устройств.

В целом смарт-технологии в образовании предъявляют серьезные требования к культуре и компетенции педагогов и учеников, их использование наиболее оправдано на высших ступенях образования. В случае же симуляций и при отсутствии культуры их использования технологии искусственного интеллекта способны деформировать взаимоотношения человека с собой и миром, приводить к десубъективизации. Это происходит посредством десакрализации или разрушения ценностей, в том числе ценности образования и культуры [18]. В итоге десубъективизации образования в нем становятся распространенными такие нарушения, как школярство и психологическое выгорание у учеников, симуляции и деформации профессиональной деятельности (псевдопрофессионализм) у педагогов, психопатизация и социопатизация субъектов образования, а также буллинг, ресентимент и иные проявления деформированных отношений и их последствия в виде матетогений и педиогений.

Современное смарт-образование имеет ряд негативных моментов, связанных с низким уровнем сформированности цифровой культуры образования как института передачи культурного опыта. В современные смарт-технологии чаще всего заложены цели, деформирующие взаимоотношения людей как субъектов, в том числе минимизирующие их собственные усилия, а значит, волю и компетенции в сфере поиска и переработки информации о себе и мире. Непрозрачность процессов и результатов работы многих цифровых технологий, особенно в контексте их взаимодействия с обучающимися, ведет к мифологизации и десубъективизации образования. Помимо нее, даже мультиагентность современных технологических разработок, позволяющая организовать пространство и время машинного диалога, аналогичного диалогу людей, не решает проблем, связанных с тем, что алгоритмы выводов, в том числе в рамках традиционных и современных («облачных») и иных процедур, не являются единственно правильными и возможными. Идеология смарт-образования, унаследованная от идеологии смарт-систем в целом, ориентирует школьников и студентов не столько на собственное развитие, творческий поиск, диалог и консенсус, сколько на потребление, ком-

форт и поиск неких «сверхрешений», дискуссия по поводу которых как будто бы лишена смысла: смарт-устройству придается статус «непогрешимого эксперта», а порой приписываются и функции принятия решений об образовательном процессе и т. д. Но за решениями и выводами устройств всегда стоят люди, субъекты, транслирующие с помощью этих устройств свою идеологию и модель мира [25].

Поэтому результативное (продуктивное и эффективное) смарт-образование требует формирования и развития субъектности как цифровой культуры разработчиков, организаторов и пользователей смарт-технологий, осмысления места смарт-технологий в образовании разных ступеней и типов, а также повышения прозрачности процессов и результатов их работы. Образование должно поддерживать развитие человека как целостности: становление индивида личностью, партнером и профессионалом и совершенствование в этих областях [26].

Выводы

Современное смарт-образование связано с системой деструктивных феноменов, основной причиной которых выступают отсутствие сформированной цифровой культуры, ориентация образования не на развитие субъектов образования и их отношений, а на цели, нерелевантные образованию как институту передачи культурного опыта. Эти цели, будучи заложенными в смарт-образование уже на этапе проектирования цифровых технологий и устройств, деформируют отношения и развитие субъектов. Образование будущего сможет продуктивно и эффективно использовать смарт- и иные цифровые технологии при условии формирования и развития цифровой культуры и переосмысления целей и ценностей, процессов и содержания образования в направлении их большей экологичности.

Пока же требование экологичности не соблюдается. Цифровое образование часто рассматривается как некая самостоятельная сфера образования, его инновационный тип. Но корректно говорить о цифровых технологиях и средствах не столько образования, сколько обучения. Воспитание может быть реализовано в контексте цифровых технологий и средств преимущественно по отношению к задачам становления и совершенствования общей и индивидуальной цифровой культуры — культуры использования цифровых средств и технологий обучения в рамках аудиторных и неаудиторных занятий, в самостоятельной или совместной учебной деятельности. Что касается систем искусственного интеллекта, то здесь может создаваться и поддерживаться иллюзия возможности использования этих систем в более широких целях, включая цели воспитания, развития человека как субъекта учебно-профессиональной деятельности. Однако искусственный интеллект не является субъек-

том воспитания: он транслирует цели, ценности и модели поведения, которые предложены ему заказчиками и разработчиками. В будущем использование цифровых технологий в образовании может стать важным способом повышения качества обучения и воспитания: при наличии разработанных, развивающих методик обучения и воспитания, соответствующего методического сопровождения, а также иных компонентов культуры использования цифровых технологий. Но оно может стать и способом снижения качества образования и блокады развития человека как субъекта: в том состоянии и с теми целями, с которыми оно предлагается сегодня.

Перспективы исследования. Перспективы исследования связаны с осмыслением условий и ситуаций результативности смарт-образования и иных видов обучения и воспитания, использующих различные цифровые технологии.

В настоящее время можно констатировать, что центральными моментами продуктивного и эффективного образования, активно использующего цифровые технологии и позволяющего развивать субъектность его участников, выступают:

1) формирование и развитие цифровой культуры — системы запретов и предписаний использования в образовании и иных сферах жизни различных цифровых технологий и устройств, приобщение к этой культуре всех субъектов образования, включая учеников, педагогов, руководителей образовательных организаций;

2) обращенность образования на формирование и развитие человека как субъекта: развитие его способностей и стремления к творчеству и самоактуализации, а также к самореализации в обществе, ответственности и самостоятельности (свободы), готовности и умения включаться и строить значимые, реальные отношения с другими людьми, сотрудничать с ними и помогать им, стремления развиваться как профессионал, внося вклад в развитие сообщества;

3) отдельным моментом является переосмысление роли педагогов, возвращение педагога в образовательное взаимодействие: даже в рамках смарт-обучения роль педагога никак несводима к фасилитации, «диспетчированию» и иным дополнительным функциям. Образование — взаимодействие людей, которое может опосредоваться технологиями, но не может быть ими заменено;

4) понятие субъектности смарт-образования и образования в целом тесно связано с представлением о важности обеспечения защиты достоинства человека (педагога, ученика) в образовательных отношениях. Такая защита помогает снять многие вопросы, связанные с переживаниями учениками и иными субъектами несправедливости, изоляции, некомпетентности и т. д., гармонизировать отношения в образовании.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Касимова Г. К., Валева Г. В., Сетяева Н. Н., Флиндт Н., Арпентьева М. Р. Социально-психологические проблемы smart-образования // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2021. № 2. С. 45–56.
2. Amin A., Thrift N. Cities: reimagining the urban. Cambridge, 2002. 192 p.
3. Espinoza Ch. Millennial Integration. Yellow Springs, OH, 2012. 151 p.
4. McCrindle M. The ABC of XYZ. Sydney, 2009. Pp. 202–204.
5. Reload: rethinking women + cyberculture / Eds. by M. Flanagan and A. Booth. N. Y., 2002. 595 p.
6. Scott C. L. The Futures of Learning. *ERF Working Papers Series, Paris: UNESCO Education Research and Foresight*. 2015. Vol. 1–3, No. 13–15. Pp. 1–21.
7. Bagadaeva O., Golubchikova M., Kamenskaya E., Arpentieva M. Ecological aspects of the education and resilience of preschool teachers. *E3SWeb of Conferences*. 2021. Vol. 138. Pp. 1–10.
8. Stepanova G., Demchuk A., Tashcheva A., Gridneva S., Yakovleva J., Zaichikov Ya., Arpentieva M. Inclusion as an environmental imperative of educational activity in university, secondary and preschool education. *E3SWeb of Conferences*. 2021. Vol. 138. Pp. 1–9.
9. ISTQB. What is a Defect Life Cycle or a Bug lifecycle in software testing? International Software Testing Qualifications Board. 2012. URL: <http://tryqa.com/what-is-a-defect-life-cycle/> (accessed: 21.04.2021).
10. Брушлинский А. В. Проблема субъекта в психологической науке (статья первая) // Психологический журнал. 1991. № 12(6). С. 3–10.
11. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности. М., 1995. 384 с.
12. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006. 269 с.
13. Smart V. Consumer Society. SAGE Publications, 2010. 264 p.
14. Зиновьев А. А. Глобальный человек. М., 2000. 459 с.
15. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. 368 с.
16. Соколова О. В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR. М., 2014. 304 с.
17. Marcuse H. One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society. N. Y., London, 2013. 338 p.
18. Foresight Education: Values, Models and Technologies of Didactic Communication of the XXI Century / Ed. by M. R. Arpentieva, etc. Canada, Toronto, 2018. 710 p.
19. Haraway D. Situated Knowledges. Simians, Cyborgs and Women / Ed. by D. J. Haraway. N. Y., London, 1991. 312 p. Pp. 183–201.
20. От века бронзового до века цифрового: феномен миграции во времени : коллективная монография / сост., ред. С. А. Панарин. М., Барнаул, 2018. 436 с.
21. Arpentieva M. R., Kassymova G. K., Lavrinenko S. V., Tyumaseva Z. I., Valeeva G. V., Kenzhaliev O. B., Duvalina O. N., Kosov A. V. Ecological education in the global and supplementary education system. *Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan*. 2019. Vol. 3(379). Pp. 158–168.
22. Kassymova G. K., Yurkova M. G., Zhdanko T. A., Gerasimova J. R., Kravtsov A. Yu., Egorova J. V., Gasanova R. R., Larionova L. A., Arpentieva M. R. Personal self-development in the context of global education: the transformation of values and identity. *Bulletin of National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan*. 2019. Vol. 6, No 382. Pp. 195–200.
23. Kassymova G. K., Stepanova G. A., Stepanova O. P., Menshikov P. V., Arpentieva M. R. and Merezchnikov A. P., Kunakovskaya L. A. Self-development management in educational globalization. *International Journal of Education and Information*. 2018. No 12. Pp 171–176.
24. Шаповалова А. Геймеры-убийцы. Как игроманы расправляются с людьми в реале // Life. Ru. 2018. 19 мая. URL: <https://life.ru/p/1118223> (дата обращения: 10.02.2021).
25. Lankford A. Public Mass Shooters and Firearms: A Cross-National Study of 171 Countries. *Violence and Victims*. 2016. Vol. 31(2). Pp. 187–99. <https://doi.org/10.1891/0886-6708.VV-D-15-00093>.
26. Арпентьева М. Р. Становление личностью, партнером и профессионалом: критерии и проблемы // Профессиональная ориентация. 2018. № 1. С. 10–19.

Поступила 22.01.2022; одобрена после рецензирования 11.03.2022; принята к публикации 30.06.2022.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

References

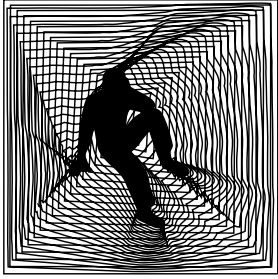
1. Kassymova G. K., Valeeva G. V., Setyaeva N. N., Flindt N., Arpentieva M. R. Socio-psychological problems of smart education. *Bulletin of Irkutsk State University. Series "Psychology"*. 2021. No. 2. Pp. 45–56. (In Russ.)
2. Amin A., Thrift N. Cities: reimagining the urban. Cambridge, 2002. 192 p.
3. Espinoza Ch. Millennial Integration. Yellow Springs, 2012. 151 p.
4. McCrindle M. The ABC of XYZ. Sydney, 2009. Pp. 202–204.
5. Reload: rethinking women + cyberculture. Ed. by Flanagan M. and Booth A. N. Y., 2002. 595 p.
6. Scott C. L. The Futures of Learning. *ERF Working Papers Series, Paris: UNESCO Education Research and Foresight*. 2015. Vol. 1–3, No. 13–15. Pp. 1–21.
7. Bagadaeva O., Golubchikova M., Kamenskaya E., Arpentieva M. Ecological aspects of the education and resilience of preschool teachers. *E3SWeb of Conferences*. 2021. Vol. 138. Pp. 1–10.
8. Stepanova G., Demchuk A., Tashcheva A., Gridneva S., Yakovleva J., Zaichikov Ya., Arpentieva M. Inclusion as an environmental imperative of educational activity in university, secondary and preschool education. *E3SWeb of Conferences*. 2021. Vol. 138. Pp. 1–9.

9. ISTQB. What is a Defect Life Cycle or a Bug lifecycle in software testing? International Software Testing Qualifications Board. 2012. URL: <http://tryqa.com/what-is-a-defect-life-cycle/> (accessed: 21.04.2021).
10. Brushlinsky A. V. The problem of the subject in psychological science (Article 1). *Psychological Journal*. 1991. No. 12(6). Pp. 3–10. (In Russ.)
11. Slobodchikov V. I., Isaev E. I. Fundamentals of psychological anthropology. Human psychology: An introduction to the psychology of subjectivity. Moscow, 1995. 384 p. (In Russ.)
12. Baudrillard J. Consumer society. Its myths and structures. Moscow, 2006. 269 p. (In Russ.)
13. Smart B. Consumer Society. SAGE Publications, 2010. 264 p.
14. Zinoviev A. A. Global human anthill. Moscow, 2000. 459 p. (In Russ.)
15. Frankl V. Man's search for meaning. Moscow, 1990. 368 p. (In Russ.)
16. Sokolova O. V. Typology of discourses of active influence: poetic avant-garde, advertising and PR. Moscow, 2014. 304 p. (In Russ.)
17. Marcuse H. One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society. N. Y., London, 2013. 338 p.
18. Foresight Education: Values, Models and Technologies of Didactic Communication of the 21st Century. Ed. by Arpentieva M. R. et al. Canada, Toronto, 2018. 710 p.
19. Haraway D. Situated Knowledges. Simians, Cyborgs and Women. Ed. by Haraway D. J. N. Y., London, 1991. 312 p. Pp. 183–201.
20. From the Bronze Age to the Digital Age: the phenomenon of migration in time. Collective monograph. Comp., ed. by Panarin S. A. Moscow, Barnaul, 2018. 436 p. (In Russ.)
21. Arpentieva M. R., Kassymova G. K., Lavrinenko S. V., Tyumaseva Z. I., Valeeva G. V., Kenzhaliev O. B., Duvalina O. N., Kosov A. V. Ecological education in the global and supplementary education system. *Bulletin of the National Academy of Science of the Republic of Kazakhstan*. 2019. Vol. 3(379). Pp. 158–168.
22. Kassymova G. K., Yurkova M. G., Zhdanko T. A., Gerasimova J. R., Kravtsov A. Yu., Egorova J. V., Gasanova R. R., Larionova L. A., Arpentieva M. R. Personal self-development in the context of global education: the transformation of values and identity. *Bulletin of the National Academy of Science of the Republic of Kazakhstan*. 2019. Vol. 6, No. 382. Pp. 195–200.
23. Kassymova G. K., Stepanova G. A., Stepanova O. P., Menshikov P. V., Arpentieva M. R. and Merezchnikov A. P., Kunakovskaya L. A. Self-development management in educational globalization. *International Journal of Education and Information*. 2018. No. 12. Pp. 171–176.
24. Shapovalova A. Killer gamers. How gamers deal with people in real life. *Life. Ru*. May 19. 2018. URL: <https://life.ru/p/1118223> (accessed: 10.02.2021) (In Russ.)
25. Lankford A. Public Mass Shooters and Firearms: A Cross-National Study of 171 Countries. *Violence and Victims*. 2016. Vol. 31(2). Pp. 187–99. <https://doi.org/10.1891/0886-6708.VV-D-15-00093>.
26. Arpentieva M. R. Becoming a personality, partner and professional: criteria and problems. *Professional orientation*. 2018. No. 1. Pp. 10–19. (In Russ.)

Submitted: 22.01.2022; approved after reviewing: 11.03.2022; accepted for publication: 30.06.2022.

All the authors have made an equal contribution to the publication.

The authors declare that there is no conflict of interest.

Теория и методика профессионального образования

Theory and methods of professional education

Научно-практическая статья
УДК 378 © В. В. Булгаков, 2022
doi: 10. 24412/1999-6241-2022-491-467-472
5.8.7 Методология и технологии профессионального образования

Организация профессионально-педагогической подготовки курсантов вузов МЧС

Владислав Васильевич Булгаков¹, кандидат технических наук, доцент, заместитель начальника — начальник института профессиональной подготовки; vbulgakov@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6012-6137>

¹ Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, 153040, Иваново, пр. Строителей, 33, Россия

Реферат

Введение. Подготовка курсантов в образовательных организациях МЧС России направлена на формирование знаний, практических умений и навыков в области пожаротушения и проведения аварийно-спасательных работ. Выпускник вуза, назначаемый на должность начальника караула, решает широкий круг служебно-профессиональных задач, одна из которых — организация и непосредственное ведение теоретических и практических учебных занятий с подчиненным личным составом в области профессиональной деятельности, связанной с тушением пожаров и проведением аварийно-спасательных работ. Уровень подготовки личного состава караула непосредственно влияет на эффективность тушения пожаров и спасение людей. Исследование образовательного процесса, реализуемого в вузах силового блока, включая вузы МЧС, выявило недостаточность внимания к профессионально-педагогической подготовке курсантов, в том числе будущих офицеров пожарной охраны. Актуальность работы заключается в разработке модели педагогической подготовки курсантов МЧС, реализуемой посредством рассредоточенной профессионально-педагогической практики. **Материалы и методы.** Для формирования концепции и модели организации и реализации профессионально-педагогической подготовки проведен обзор литературных источников, изучен опыт организации служебно-профессиональной подготовки в практических пожарно-спасательных подразделениях, а также вопросы подготовки курсантов в вузах силового блока и МЧС в области педагогической деятельности. **Результаты и обсуждение.** Определены и предложены этапы прохождения практики и педагогические задачи, которые направлены на формирование теоретических знаний с учетом тематики реализуемых дисциплин основной образовательной программы по специальности «Пожарная безопасность», рассматривающих вопросы педагогики, а также практические умения и навыки организации и ведения учебного процесса в пожарно-спасательных подразделениях. Представлен порядок организации педагогической практики, ее прохождения с третьего по пятый год обучения и контроль результатов. **Выводы.** Внедрение в учебный процесс вузов МЧС предложенной модели профессионально-педагогической подготовки не только позволит повысить уровень педагогических компетенций выпускников, но и будет способствовать росту качества образовательного процесса как непосредственно в вузе, так и в практических пожарно-спасательных подразделениях Государственной противопожарной службы МЧС России.

Ключевые слова: профессионально-педагогическая подготовка; педагогические компетенции; педагогическая практика; готовность выпускников МЧС

Для цитирования: Булгаков В. В. Организация профессионально-педагогической подготовки курсантов вузов МЧС // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 4(91). С. 467–472. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-491-467-472>

Scientific and Practical Article
UDC 378 © V. V. Bulgakov, 2022
doi: 10. 24412/1999-6241-2022-491-467-472
5.8.7 Methodology and Technology of Professional Education

Organization of Cadets' Professional Pedagogical Training in Higher Educational Institutions of the Ministry of Emergency Situations

Vladislav V. Bulgakov¹, Candidate of Technical Sciences, Associate-Professor (rank), Deputy-Chief, Chief of the Institute of Professional Training; vbulgakov@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6012-6137>

¹ the Ivanovo Fire and Rescue Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 33, Stroiteley pr., Ivanovo, 153040, Russia

Abstract

Introduction. The cadets' training at educational organizations of the Russian Ministry of Emergency Situations is aimed at the formation of knowledge, practical skills and abilities in the field of fire extinguishing and rescue service. The institute graduate appointed the chief of the fire watch guard solves a wide range of professional service tasks; one of them is to organize and conduct theoretical and practical lessons for subordinate personnel concerning the professional activity related to fire extinguishing and rescue works. The level of training of the staff engaged in the fire watch guard immediately influences the effectiveness of fire extinguishing and rescuing people. The study of the educational process implemented in the universities of the security, defence and law enforcement ministries, including institutions of the Ministry of Emergency Situations, revealed insufficient attention paid to the professional and pedagogical training of cadets, including future fire watch guard officers. The research is relevant due to the development of the model of pedagogical training of cadets of the Ministry of Emergency Situations implemented through dispersed professional pedagogical practice. **Materials and Methods.** To form the conception and model of organization and implementation of professional and pedagogical training the author reviewed the literature, studied the experience of organization of professional service training in the fire rescue units as well as the issues of training cadets of universities of security, defence and law enforcement ministries and the Ministry of Emergency Situations in the sphere of pedagogical activity. **Results and Discussion.** The author identifies and suggests the stages of practice and pedagogical tasks aimed at formation of theoretical knowledge with regard to the themes of the disciplines under study, constituting the main educational programme of the specialty "Fire Security", and exploring pedagogical issues, and practical skills and abilities of organization and conducting the learning process in fire rescue units. The paper comprises the routine organization of pedagogical practice, its continuation from the third to the fifth year of studies and control of the results. **Conclusions.** The introduction of the proposed model of professional and pedagogical training into the educational process of the universities of the Ministry of Emergency Situations will not only increase the level of pedagogical competencies of graduates, but will also contribute to the higher quality of the educational process both directly at the university and in the practical fire and rescue units of the State Fire Service of the Russian Ministry of Emergency Situations.

Keywords: professional and pedagogical training; pedagogical competencies; pedagogical practice; proficiency of graduates of the Ministry of Emergency Situations

Citation: Bulgakov V. V. Organization of Cadets' Professional Pedagogical Training in Higher Educational Institutions of the Ministry of Emergency Situations. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27. No. 4(91). Pp. 467–472. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-491-467-472>

Основные положения

1. Выпускники после окончания вуза Государственной противопожарной службы МЧС России распределяются на должности начальника караула, который отвечает за организацию служебно-профессиональной подготовки подчиненного личного состава.

2. Служебно-профессиональная подготовка личного состава караула включает в себя проведение непосредственно начальником караула теоретических и практических занятий, которые позволяют совершенствоваться и поддерживать на достаточном уровне знания, умения и навыки выполнения боевых действий по тушению пожаров и спасению людей.

3. Качество служебно-профессиональной подготовки пожарных зависит от наличия у начальника караула, ведущего занятия, необходимых знаний, умений и навыков в области педагогической деятельности, позволяющих эффективно и методически грамотно организовывать и проводить занятия, осуществлять текущий и итоговый контроль, а также анализ результатов обучения подчиненного личного состава.

4. Исследование образовательного процесса, реализуемого в вузах МЧС, выявило недостаточность внимания к профессионально-педагогической подготовке будущих офицеров пожарной охраны и наличие у них ограниченных знаний, умений и навыков для ведения педагогической деятельности.

5. Предложена модель педагогической подготовки, реализуемой посредством рассредоточенной профессионально-педагогической практики с третьего по пятый год обучения по специальности 20.05.01 Пожарная безопасность, которая направлена на фор-

мирование у обучающихся знаний, умений и навыков педагогической деятельности.

6. Ожидаемым результатом применения в образовательном процессе профессионально-педагогической практики является повышение уровня профессионально-педагогических компетенций у выпускников вуза МЧС, позволяющий без длительной адаптации и дополнительной подготовки организовывать и проводить качественное обучение подчиненного личного состава пожарно-спасательного караула.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Государственная противопожарная служба МЧС России решает важные государственные задачи по защите населения и территорий от пожаров. Подготовку офицерских кадров для пожарно-спасательных подразделений, которые непосредственно осуществляют пожаротушение и проведение аварийно-спасательных работ, реализуют вузы МЧС. Обучение молодых офицеров носит комплексный характер, начиная с профессионального отбора абитуриентов, внедрения новых форм теоретической и практической подготовки обучающихся и заканчивая непосредственным участием последних в ликвидации пожаров и чрезвычайных ситуаций в составе аэромобильных группировок вузов [1].

Выпускники вуза Государственной противопожарной службы МЧС России распределяются на должности начальника караула, который отвечает за организацию служебно-профессиональной подготовки подчиненного личного состава. Организация подготовки личного состава включает в себя проведение непосредственно начальником караула теоретических и практических занятий, направленных на совершенствование

и поддержание на достаточном уровне знаний, умений и навыков выполнения боевых действий по тушению пожаров и спасению людей. Качество подготовки пожарных зависит от наличия у начальника караула, ведущего занятия, необходимых знаний, умений и навыков в области педагогической деятельности, позволяющих эффективно и методически грамотно организовывать и проводить занятия, осуществлять текущий, итоговый контроль и анализ результатов обучения подчиненного личного состава.

В настоящее время в вузах Государственной противопожарной службы МЧС России у обучающихся навыки педагогической деятельности формируются не в полном объеме, что приводит к слабой подготовленности выпускников к организации и проведению занятий с подчиненным личным составом караула в рамках реализации служебно-профессиональной подготовки в пожарно-спасательном подразделении. Так, анализ содержания дисциплин основной образовательной программы по специальности 20.05.01 Пожарная безопасность показал, что количество часов, отводимых на педагогическую подготовку, является минимальным и реализация их осуществляется в рамках дисциплин «Основы службы и подготовки» и «Психология и педагогика». В первой из них предусмотрена тема «Организация подготовки личного состава подразделений Государственной противопожарной службы МЧС России», на которую запланировано 26 часов (14 часов занимает аудиторная работа с преподавателем). Содержание темы включает знакомство с различными видами обучения личного состава (специальное первоначальное обучение, специальная подготовка, переподготовка, повышение квалификации и стажировка), при этом не освещаются педагогические методы, приемы и формы проведения занятий. В практическую подготовку входит только составление расписания занятий с личным составом караула. Дисциплина «Психология и педагогика» охватывает 3 темы: «Предмет педагогики и ее основные категории», «Методы педагогики. Влияние образования на развитие личности» и «Обучение в целостном педагогическом процессе» и распределяется на 16 часов (из них 8 часов аудиторной работы с преподавателем). Изучаются общие вопросы педагогики, понятийный аппарат, предмет и методы педагогики. Отработка практических вопросов организации и проведения различных видов занятий не проводится.

Таким образом, с учетом актуальности и важности профессиональной подготовки пожарных, недостаточности отводимых часов на теоретическую подготовку обучающихся в образовательных организациях к профессиональной деятельности начальника караула, отсутствия практических занятий, направленных на формирование умений и навыков организации и ведения учебных занятий, предложено в рамках основной образовательной программы по специальности 20.05.01 Пожарная безопасность ввести рассредоточенную педагогическую практику с третьего по пятый год обучения.

Цель — разработка модели педагогической подготовки курсантов МЧС, реализуемой посредством рассредоточенной профессионально-педагогической практики.

Теоретические предпосылки и состояние проблемы. Литературный обзор показал актуальность поднятой проблемы, связанной с недостаточным вниманием, которое уделяется вопросам педагогической подготовки курсантов в вузах силового блока [2, с. 27; 3, с. 46]. Например, А. Д. Лопуха указывает на слабую педагогическую подготовку современных курсантов к решению задач обучения и воспитания подчиненных в силу ее критического объема [4, с. 114]. С этим мнением согласны А. Ю. Асриев и Р. В. Воронин, которые отмечают также малый объем изучения вопросов педагогики в военных вузах России, что не позволяет на должном уровне формировать у обучающихся навыки педагогической деятельности, и делают вывод о необходимости совершенствования педагогической подготовки курсантов военных вузов и повышения их педагогического потенциала [5, с. 27].

Кроме того, выявлено, что в подавляющем количестве вузов силового блока различной ведомственной принадлежности отсутствует специальная педагогическая практика, позволяющая выпускникам, в чьи должностные обязанности будут входить организация и проведение занятий с подчиненным личным составом, формировать и совершенствовать профессиональные знания, умения и навыки в области педагогической деятельности. Отдельные вопросы педагогической деятельности все же рассматриваются, но довольно редко в программах учебных и производственных практик, которые не носят педагогической направленности [6–8]. На основании проведенного мониторинга качества подготовки выпускников вуза МЧС нами ранее уже подчеркивался недостаточно сформированный уровень профессиональной компетенции в области планирования профессиональной подготовки пожарно-спасательного подразделения [9, с. 170].

Авторами предлагаются различные формы и методы повышения у курсантов педагогических компетенций [10–15]. Например, С. Ю. Сигиденко представляет организационно-педагогические условия и модель технологии эффективного формирования готовности курсантов к педагогической деятельности [10, с. 28]. А. А. Алиевым и М. В. Анкановым разработаны модель и инновационная образовательная технология для формирования готовности будущего офицера войск национальной гвардии к указанной деятельности [11, с. 187]. Ю. Ю. Дементьев важнейшим элементом подготовки курсантов к военно-педагогической деятельности считает прохождение войсковой стажировки на первичных офицерских должностях в подразделениях действующих воинских частей, в ходе которой курсанты должны проводить информирование и занятия по общественно-государственной подготовке с различными категориями военнослужащих [12, с. 50],

а также обосновывает шесть психолого-педагогических условий, обеспечивающих развитие у курсантов мотивации к военно-педагогической деятельности [13, с. 123]. По мнению М. Е. Комарова, для повышения результативности военно-педагогической подготовки будущих офицеров-преподавателей требуется разработка системы педагогического оценивания уровня готовности к военно-педагогической деятельности [14, с. 45].

Обзор научных работ в области формирования педагогических компетенций у курсантов вузов силового блока позволил выявить актуальные проблемы в области профессионально-педагогической подготовки обучающихся и определить возможные пути их решения.

Материалы и методы

Для формирования концепции и модели организации и реализации профессионально-педагогической подготовки курсантов МЧС проведен обзор литературных источников, изучен опыт организации служебно-профессиональной подготовки в практических пожарно-спасательных подразделениях Государственной противопожарной службы, а также рассмотрены вопросы подготовки курсантов в вузах силового блока и МЧС в области педагогической деятельности.

Концепция организации и реализации профессионально-педагогической подготовки разработана с учетом методов системного анализа, синтеза и моделирования профессионально-прикладной педагогической деятельности будущего начальника караула.

Анализ полученных сведений позволил сформировать концептуальную модель организации профессионально-педагогической подготовки курсантов вузов МЧС с учетом особенностей профессиональной деятельности начальника караула, который является ключевым звеном, обеспечивающим качественное обучение пожарных в рамках их служебно-профессиональной подготовки. Для формирования концепции применялись основные положения ассоциативно-рефлекторной теории (Я. А. Коменский, С. Л. Рубинштейн, Ю. А. Самарин), контекстного обучения (А. А. Вербицкий), модульного обучения (П. А. Юцявичене, М. А. Чошанов), формирующего этапы рассредоточенной практики в течение освоения курсантами основной образовательной программы по специальности 20.05.01 Пожарная безопасность. Применяемые педагогические теории направлены на формирование у курсантов личностной и профессиональной мотивации (А. Н. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, А. В. Брушлинский, А. А. Деркач) к овладению педагогическими инструментами, необходимыми в служебной деятельности начальника караула.

Результаты и обсуждение

В основе предложенной модели педагогической подготовки лежит рассредоточенная профессионально-педагогическая практика, которая направлена на формирование целостного представления обучающихся о профессиональной педагогической деятельности

начальника караула. Содержание профессионально-педагогической практики включает изучение предметно-профессиональной деятельности, методическую и психолого-педагогическую подготовку.

Предложенная модель профессионально-педагогической подготовки разработана для основной образовательной программы по специальности 20.05.01 Пожарная безопасность, она включает 3 основных этапа (модуля), реализуемых с 3-го по 5-й курс обучения (рис.).

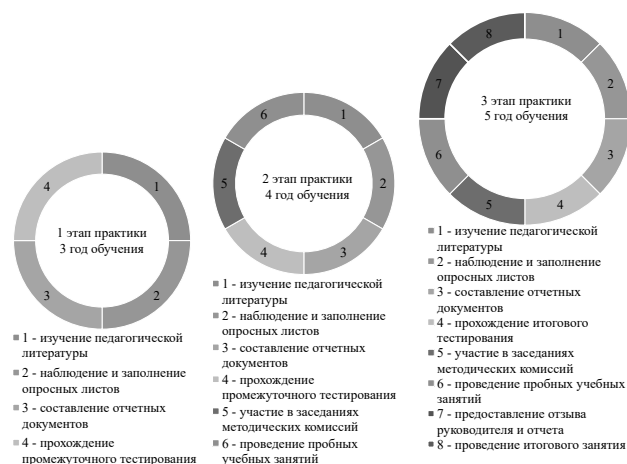

Рис. Этапы (модули) рассредоточенной профессионально-педагогической практики

(Fig. Stages (modules) of dispersed professional and pedagogical practice)

Каждый модуль направлен на формирование определенных компетенций, начиная с получения теоретических знаний в области педагогики на 3-м курсе и заканчивая формированием на 4-м и 5-м курсах практических умений и навыков организации и проведения учебных занятий, анализа результатов обучения и разработки мероприятий, направленных на повышение качества подготовки подчиненного личного состава. Предложенная концепция профессионально-педагогической подготовки позволит организовывать практику курсантов в своих учебных группах без отрыва от учебных занятий.

Рассредоточенная профессионально-педагогическая практика должна реализовываться в течение последних 3 лет обучения и включать решение курсантами ряда задач, дополняемых на каждом последующем курсе новыми. Например, на 1-м этапе (3-й год обучения) основной задачей будет являться изучение вопросов педагогики и служебно-профессиональной подготовки караула в рамках прохождения дисциплин «Основы службы и подготовки» и «Психология и педагогика» основной образовательной программы по специальности 20.05.01 Пожарная безопасность, а также самостоятельное изучение психолого-педагогической и методической литературы в области организации и реализации педагогической деятельности, минимальный перечень которой определяет задание на практику. Наблюдение и заполнение анкетных листов — важное направление

профессионально-педагогической практики, которое позволяет курсанту целенаправленно формировать мнение об учебном занятии, фиксируя порядок его организации и проведения. Составление курсантами формализованных отчетных документов по результатам 1-го и 2-го этапов практики поможет руководителю практики оценить соответствие объема выполненной работы курсантом поставленным задачам программы практики. Промежуточные тестирования на 1-м и 2-м этапах практики являются контрольными мероприятиями, посредством которых можно объективно оценить уровень теоретических знаний обучающихся в предметной профессионально-педагогической области.

На 2-м этапе профессионально-педагогической практики к 4 основным мероприятиям 1-го этапа добавляется участие курсантов в заседаниях методических секций кафедр, которое позволяет достаточно глубоко погрузить в область педагогической и методической работы профессорско-преподавательского состава. На 2-м этапе практики курсант впервые начинает проводить совместно с руководителем практики различные виды занятий, в том числе в качестве ассистента или второго преподавателя. Количество занятий, в которых курсант участвует как преподаватель, определяет программа практик. Контрольным мероприятием на 2-м этапе практики служит самостоятельное проведение курсантом пробного занятия в своей учебной группе в присутствии руководителя и преподавателей кафедры.

На 3-м заключительном этапе практики реализуются направления 1-го и 2-го этапов, а также курсант готовит итоговый отчет за всю практику, получает отзыв руководителя практики и проводит итоговое контрольное занятие. Пробные и итоговое контрольные занятия могут проводиться как в собственных учебных группах, так и в учебных группах на младших курсах.

Мотивированный отзыв руководителя практики и формализованный итоговый отчет о результатах прохождения профессионально-педагогической практики позволяют оценить объем выполненной курсантом работы. Оценка теоретических знаний по направлениям профессионально-педагогической деятельности осуществляется в процессе тестирования, включающего применение контрольно-измерительных материалов, разработанных для каждого этапа практики. Итоговое контрольное занятие демонстрирует наличие практиче-

ских умений и навыков организации и ведения учебных занятий. Одним из условий проведения итогового занятия является обоснованный выбор курсантом определенной методики обучения с учетом вида занятия.

Выводы

Применение в образовательном процессе предложенной модели профессионально-педагогической подготовки, реализуемой на базе рассредоточенной практики, позволит:

— усилить мотивацию курсантов к самообразованию в области профессионально-педагогической деятельности, к повышению своего уровня профессиональной подготовки для успешного проведения занятий в рамках профессионально-педагогической практики;

— повысить уровень профессионально-педагогических компетенций у выпускников вуза МЧС, с помощью которых без длительной адаптации и дополнительной подготовки они будут способны организовывать и проводить обучение подчиненного личного состава;

— внедрять в систему служебно-профессиональной подготовки, реализуемой в практических пожарно-спасательных подразделениях, высокие стандарты обучения и вузовские методики подготовки;

— выявлять среди выпускников лиц, имеющих педагогические способности, предоставляя им возможность выбирать траекторию профессионального развития, связанную с научно-педагогической деятельностью;

— получать курсантам дополнительные знания, умения и навыки в области педагогики, психологии и профессионально-служебной деятельности;

— повышать у обучающихся объективность оценки деятельности педагогов и взаимопонимание с профессорско-преподавательским составом, тем самым создавая оптимальную образовательную среду для эффективного учебного процесса;

— мотивировать профессорско-преподавательский состав к развитию личных педагогических и методических качеств и повысить уровень проведения учебных занятий.

Перспективы. Апробация предложенной профессионально-педагогической практики в учебном процессе по специальности 20.05.01 Пожарная безопасность и дальнейшее ее внедрение для подготовки курсантов по направлению 20.03.01 Техносферная безопасность.

Список источников

1. Малый И. А., Булгаков В. В. Обобщенный опыт контекстной подготовки кадров в ведомственных образовательных организациях МЧС России: организация, особенности подготовки и перспективы // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 3(24). С. 266–270.
2. Дементьев Ю. Ю. Сущность и структура военно-педагогической компетентности офицера, условия ее формирования у курсантов военных вузов РВСН // Гуманитарный вестник Военной академии ракетных войск стратегического назначения. 2017. № 3(7). С. 25–31.
3. Музыкантов А. Н., Музыкантова К. Е., Суюндукова А. А. Актуальные проблемы педагогической готовности выпускников ВУЦ к работе с личным составом // Гуманитарный научный вестник. 2021. № 1. С. 44–48.
4. Лопуха А. Д., Марковчин С. Г. Развитие педагогических идей становления педагогического потенциала будущих офицеров в российской и советской военных школах // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 5(84). С. 114–117.

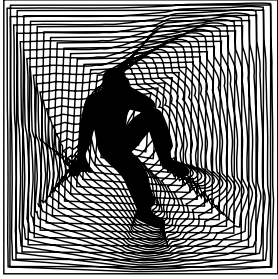
5. Асриев А. Ю., Воронин Р. В. Развитие педагогического потенциала курсантов военных вузов на тактических занятиях // ЦИТИСЭ. 2020. № 4(26). С. 25–34.
6. Логвиненко Д. В. Потенциал производственной практики в профессиональной педагогической подготовке курсантов военного вуза // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2018. № 1(18). С. 126–130.
7. Логвиненко Д. В., Маврин С. А. Моделирование производственной практики как организационно-педагогическое условие повышения качества профессиональной педагогической подготовки курсантов военного вуза // Научно-педагогическое обозрение. 2019. № 1(23). С. 84–89.
8. Пашкин С. Б. Формирование компетенций психолого-педагогической деятельности курсантов в период проведения военно-профессиональной практики и войсковой стажировки // Новая наука: Опыт, традиции, инновации. 2017. Т. 1, № 2. С. 64–69.
9. Булгаков В. В., Самойлов Д. Б., Маслов А. В. Мониторинг качества подготовки выпускников ведомственных образовательных организаций МЧС России // Проблемы современного образования. 2019. № 2. С. 162–174.
10. Сигиденко С. Ю. Модель технологии формирования готовности к педагогической деятельности курсантов военных вузов // ЦИТИСЭ. 2019. № 4(21). С. 26–31.
11. Алиев А. А., Аниканов М. В. Реализация педагогической модели процесса формирования готовности будущих офицеров войск национальной гвардии к военно-педагогической деятельности в опытно-экспериментальной работе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2(78). С. 186–190.
12. Баранчук Н. А., Дементьев Ю. Ю. Психолого-педагогические условия развития мотивации к военно-педагогической деятельности у курсантов военной академии ракетных войск стратегического назначения // Гуманитарные проблемы военного дела. 2018. № 4(17). С. 123–127.
13. Дементьев Ю. Ю. Не только командир, но и воспитатель: организационно-педагогические условия подготовки курсантов военных вузов к военно-педагогической деятельности // Вестник военного образования. 2018. № 3(12). С. 48–53.
14. Комаров М. Е. Педагогическое оценивание готовности будущих офицеров-преподавателей к военно-педагогической деятельности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 5-2. С. 44–48.
15. Плиев О. Т. Особенности организации мониторинга обучения курсантов военного института войск национальной гвардии по дисциплине «педагогика»: диагностический аспект // Педагогический журнал. 2019. Т. 9, № 5-1. С. 354–365.

Поступила 08.08.2022; одобрена после рецензирования 20.08.2022; принята к публикации 30.08.2022.

References

1. Maliy I. A., Bulgakov V. V. Generalized experience of contextual training in departmental educational organizations of the Russian Ministry of Emergency Situations: organization, peculiarities of preparation and prospects. *Baltic Humanitarian Journal*. 2018. Vol. 7, No. 3-24. Pp. 266–270. (In Russ.)
2. Dementiev Yu. Yu. The essence and structure of military-pedagogical competence of an officer, the conditions for its formation among cadets of military universities of the Strategic Missile Forces of the Russian Federation. *Humanitarian Bulletin of the Military Academy of Strategic Missile Forces*. 2017. Vol. 3, No. 7. Pp. 25–31. (In Russ.)
3. Muzykantova A. N., Muzykantova K. E., Suyundukova A. A. Actual problems of pedagogical readiness of military learning centre graduates to work with personnel. *Humanitarian Scientific Bulletin*. 2021. No. 1. Pp. 44–48. (In Russ.)
4. Lopukha A. D., Markovchin S. G. The development of pedagogical ideas for the formation of the pedagogical potential of future officers in Russian and Soviet military schools. *The World of Science, Culture, Education*. 2020. Vol. 5, No. 84. Pp. 114–117. (In Russ.)
5. Asriev A. Yu., Voronin R. V. Development of pedagogical potential of cadets of military universities in tactical classes. *CITISE*. 2020. Vol. 4, No. 26. Pp. 25–34. (In Russ.)
6. Logvinenko D. V. The potential of internship in the professional pedagogical training of military university cadets. *Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Studies*. 2018. Vol. 1, No. 18. Pp. 126–130. (In Russ.)
7. Logvinenko D. V., Mavrin S. A. Modeling of internship as an organizational and pedagogical condition for improving the quality of professional pedagogical training of military university cadets. *Scientific and Pedagogical Review*. 2019. Vol. 1, No. 1(23). Pp. 84–89. (In Russ.)
8. Pashkin S. B. Formation of competencies of psychological and pedagogical activity of cadets during the period of military professional practice and military internship. *New Science: Experience, Traditions, Innovations*. 2017. Vol. 1, No. 2. Pp. 64–69. (In Russ.)
9. Bulgakov V. V., Samoilov D. B., Maslov A. V. Monitoring the quality of training graduates of departmental educational organizations of the Russian Ministry of Emergency Situations. *Problems of Modern Education*. 2019. No. 2. Pp. 162–174. (In Russ.)
10. Sigidenko S. Yu. Model of technology of formation of readiness for pedagogical activity of cadets of military universities. *CITISE*. 2019. No. 4(21). Pp. 26–31. (In Russ.)
11. Aliev A. A., Anikanov M. V. Implementation of the pedagogical model of the process of formation of readiness of future officers of the National Guard troops for military pedagogical activity in experimental work. *Bulletin of the St. Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs*. 2018. No. 2(78). Pp. 186–190. (In Russ.)
12. Baranchuk N. A., Dementiev Yu. Yu. Psychological and pedagogical conditions for the development of motivation for military pedagogical activity among cadets of the Military Academy of Strategic missile forces. *Humanitarian Problems of Military Science*. 2018. Vol. 4, No. 17. Pp. 123–127. (In Russ.)
13. Dementiev Yu. Yu. Not only the commander, but also the educator: organizational and pedagogical conditions for preparing cadets of military universities for military pedagogical activity. *Bulletin of Military Education*. 2018. No. 39(12). Pp. 48–53. (In Russ.)
14. Komarov M. E. Pedagogical assessment of the readiness of future teacher officers for military pedagogical activity. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities*. 2020. No. 5-2. Pp. 44–48. (In Russ.)
15. Pliev O. T. Features of the organization of monitoring training of cadets of the Military Institute of the National Guard Troops in "Pedagogy": diagnostic aspect. *Pedagogical Journal*. 2019. Vol. 9, No. 5-1. Pp. 354–365. (In Russ.)

Submitted 08.08.2022; approved after reviewing: 20.08.2022; accepted for publication: 30.08.2022.

Общетеоретические и отраслевые проблемы юридической науки и практики

General theoretical and branch-related issues of juridical science and practice

Научно-теоретическая статья
УДК 343.9 © А. В. Ревягин, М. К. Алафьев, 2022
doi: 10. 24412/1999-6241-2022-491-473-479
5.1.4 Уголовно-правовые науки

Цена нераскрытой преступности

Александр Валерьевич Ревягин¹, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и профилактики преступлений; rav090@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4523-5890>

Михаил Константинович Алафьев², доцент кафедры безопасности жизнедеятельности и экологии; alafev55@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6074-4704>

¹ Омская академия МВД России, 644092, Омск, пр. Комарова, 7, Россия

² Омский государственный университет путей сообщения, 644046, Омск, пр. Маркса, 35, Россия

Реферат

Введение. На протяжении десятилетий в нашем обществе существует довольно значительный массив преступлений, остающихся нераскрытыми. Последствия преступности образуют новый криминологический феномен — цену преступности, которую платят общество и государство. Цель — определить понятие цены нераскрытой преступности как криминологического феномена, ее структуру и меры по ее минимизации для общества и государства. **Материалы, результаты и обсуждение.** В современных условиях общество неправильно оценивает риски, образующиеся при совершении преступлений, которые длительно остаются нераскрытыми. На макроуровне не существует комплексного противодействия такому криминологическому явлению, как нераскрытая преступность. Граждане не желают принимать участие в создании дополнительных инструментов и институтов по профилактике и предупреждению криминала. Только в случаях, когда люди сами становятся жертвами конкретных преступлений, появляется шанс на взаимодействие. **Выводы.** Нераскрытая преступность, обладая характерными признаками, образует накопительный (кумулятивный) массив нераскрытых противоправных деяний прошлых лет, что в свою очередь оказывает негативное воздействие на неотвратимость наказания за совершенные преступления и определяет реальную цену социальных последствий.

Ключевые слова: вред от преступлений; нераскрытая преступность; цена преступности; последствия преступности; минимизация последствий нераскрытой преступности; противодействие преступности

Для цитирования: Ревягин А. В., Алафьев М. К. Цена нераскрытой преступности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 4(91). С. 473–479. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-491-473-479>

Scientific and Theoretical Article
UDC 343.9 © A. V. Revyagin, M. K. Alafiev, 2022
doi: 10. 24412/1999-6241-2022-491-473-479
5.1.4 Criminal Law Sciences

The Cost of the Unsolved Crimes

Alexandr V. Revyagin¹, Candidate of Sciences (in Law), Associate-Professor (rank), chief of the chair of Criminology and Crime Prevention; rav090@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4523-5890>

Mikhail K. Alafiev², associate-professor at the chair of Life Safety and Ecology; alafev55@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6074-4704>

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, 7, Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

² Omsk State Transport University, 35, Marx pr., Omsk, 644046, Russia

Abstract

Introduction. During decades in our society there has been a rather big mass of crimes which remain unsolved. The consequences of crimes constitute a new criminological phenomenon, that is, the cost of unsolved crimes paid by the society and the state. The purpose of the research is to define the concept of cost of unsolved crimes as a criminological phenomenon, its structure and measures to minimize it for the society and the state. **Materials, Results and Discussion.** Under modern conditions the society,

unfortunately, fails to assess the risks arising during commission of crimes which long remain unsolved. On the macro-level there is no complex counteraction to the criminological phenomenon – unsolved crimes. Citizens are unwilling to participate in creation of additional tools and institutions aimed at prophylaxis and prevention of crimes. Only when people become themselves victims of particular crimes a chance for cooperation arises. **Conclusions.** Having their own characteristic features unsolved crimes constitute an accumulated mass of unsolved unlawful acts of previous years, which negatively influences the inevitability of punishment for committed crimes and determines the real cost of social consequences.

Keywords: harm from crimes; unsolved crimes; cost of the crimes; consequences of crimes; minimization of consequences of unsolved crimes; counteracting crimes

Citation: Revyagin A. V., Alafiev M. K. The Cost of the Unsolved Crimes. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27. No. 4(91). Pp. 473–479. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-491-473-479>

Основные положения

1. Нераскрытая преступность имеет характерные признаки и свойства, которые присутствуют в кумулятивной форме.

2. Цена нераскрытой преступности — это моральный вред обществу и государству, который не возмещен и не компенсирован. Цена преступности должна восприниматься в результате оценки последствий наступившего вреда здоровью.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Вряд ли общество адекватно оценивает и понимает реальный уровень и масштабы вреда от преступности. В то же время деятельность по минимизации и ликвидации последствий преступлений хотя и декларируется законодательством, но фактически не регулируется [1]. Проведенный нами опрос более 2700 граждан г. Омска в 2020–2021 гг. показал, что более 70% респондентов не представляют размера ежегодного материального ущерба от преступности, а также ее реальный уровень, интенсивность, структуру и характер. По данным МВД России, в среднем ежегодный ущерб от преступности составляет более 600 млрд рублей, от коррупции — более 53 млрд рублей. И это только за один год. Если учесть, что раскрывается чуть более половины всех учтенных преступлений, то материальная цена нераскрытой преступности составляет около 300 млрд рублей ежегодно. При этом среднегодовой объем бюджетных расходов Омской области равен примерно 120 млрд рублей. К сожалению, правовая неграмотность населения и правовой нигилизм в определенном смысле обуславливают отсутствие необходимого социального реагирования на криминальные последствия, как наступившие, так и потенциальные.

Тема последствий преступности изучалась многими авторами, причем одни считают, что понятия «цена преступности» и «последствия преступности» тождественны, а другие выделяют их существенные различия. Известный криминолог В. Н. Кудрявцев включил общественно опасные результаты совершенных преступных действий и бездействия в общее понятие преступности. Характеристика преступности как социального зла была бы неполной без рассмотрения

ее последствий — суммы вреда, который причинен общественным отношениям [2]. Исключительно для криминологов термин «последствия преступности» может позиционироваться как «цена преступности», поскольку существует реальная оплата обществом и государством наступивших криминальных последствий.

Цель — определить понятие цены нераскрытой преступности как криминологического феномена, ее структуру и меры по ее минимизации для общества и государства.

Материалы, результаты и обсуждение

Определение понятия цены преступности. Преступность как социальное, исторически изменчивое негативное явление существует с древних времен. Но отсчет преступлений ведется, конечно, не от Адама, он просто не послушался доброго совета Яхве и уступил давлению Евы, а от Каина, который, как ни странно, был прощен Богом. С тех пор множество каинов без угрызений совести жили в процветании и в свое удовольствие, в том числе совсем недалеко от Эдема [3].

Под последствиями преступности одни ученые понимают вредные и опасные социальные изменения, которые возникают как результат совершения отдельных преступлений, а также существования преступности как массового явления [4, с. 11].

Другие трактуют исследуемую категорию более широко и определяют ее как реальный вред, причиняемый преступностью и выражающийся в совокупности причинно связанных с преступными действиями прямых и косвенных, непосредственных и опосредованных негативных изменений (ущерба, урона, потерь, убытков и т. п.), которым в конечном счете подвергаются социальные (экономические, нравственные, правовые и др.) ценности, а также совокупность экономических и иных издержек общества, связанных с организацией борьбы с преступностью и профилактикой преступлений [4].

М. М. Бабаев и В. Е. Квашис отмечают, что понятие «цена преступности» в одном из своих значений является образным аналогом понятия «социальные последствия преступности». Понятие «цена преступности» лишь в одном из своих смыслов может рассматриваться как идентичное понятию «социальные последствия преступности». В таком значении они

оба отражают весь объем социальных деструкций, вызванных преступными действиями: экономических, политических, организационных, психологических, нравственных и т. д. Имеется в виду вред, причиненный криминалом, как некая объективная реальность, фактический объем всего того, что государство, общество, граждане теряют «по вине» преступности. Но принято употреблять термин «цена преступности» и в более узком его значении — как стоимостное выражение причиненного вреда или, проще говоря, его денежная оценка [5].

Некоторые авторы рассматривают в качестве характеристики преступности показатели ее общественной опасности [6].

В. С. Овчинский и Л. В. Кондратюк, изучая проблему цены преступности, выделяют следующие ее составляющие: а) цену криминальной экспансии (цена преступного захвата каких-либо благ); б) цену криминальной агрессии (цена преступных посягательств на жизнь и здоровье); в) цену криминального обмана [7].

Достаточно неординарными представляются подходы к определению цены преступности, предложенные М. М. Бабаевым и В. Е. Квашисом: «...стоимостное выражение причиненного вреда, состоящего из оценки непосредственных и опосредованных последствий криминальных деяний (противоправное причинение) и затрат государства и общества на борьбу с преступностью и профилактику правонарушений (легитимные, социально полезные и объективно необходимые расходы)» [5]. Такой подход, возможно, позволит разработать методологию оценки последствий преступности, по которой станет вероятным определение цены преступности.

В. В. Лунеев использует такое понятие, как «совокупная цена преступности», включая в ее объем две группы издержек — издержки, которые «навязываются обществу самой преступностью (прямые последствия преступности), и издержки, которые несет общество, противодействуя преступности (косвенные издержки)» [8, с. 35]. Несмотря на дискуссионный характер данного положения, именно совокупная цена преступности должна учитывать весь спектр вредоносных последствий от криминала.

Следует поддержать Б. А. Минина в том, что «настойтельно требуется введение социальной, причем обязательно количественной (а не только вербально выражаемой) экспертизы последствий, которая сумела бы заранее предсказать и затем по факту оценить (рассчитать) эффект и ущерб от всех социальных последствий для всех объектов воздействия и выразить изменения количественно, в стоимостной форме» [9, с. 7].

Сама идея о количественном измерителе социальных последствий преступности, отражающем экономический строй общества, скрыто заложена даже в унаследованной из советской юриспруденции российской системе наказаний, где главная роль отведена лишению свободы. Вот что по этому поводу писал известный криминолог Л. И. Спиридонов: «Время — всеобщий измеритель „стоимости“ социальных феноменов, в том числе и юридических».

И отнюдь неслучайно, что тяжесть содеянного, как правило, измеряется законодателем, в конечном счете, временем наказания, в течение которого виновный своим трудом производит новую „стоимость“ и тем самым устраняет причиненный ущерб, хотя буржуазный закон может указывать на иные задачи уголовно-правовых санкций. И хотя отечественное уголовное право ставит совершенно другие цели, чем право буржуазное, время наказания остается преимущественно критерием тяжести содеянного. При таком понимании роли оценивания может показаться правильным признание необходимости или во всяком случае целесообразности того, чтобы функция оценки была возложена на ученых-экономистов и социологов, а формулировка закона — на юристов» [10, с. 17].

Методологические споры по большей части касаются вариантов расчета тех или иных составляющих цены преступности, самой возможности оценки таких благ, как жизнь, половая неприкосновенность, чувство безопасности и др., в монетарных выражениях. Но все это решаемые проблемы, если мы придем к выводу, что эти расчеты нам нужны, так как они могут помочь в решении криминологических задач. В чем же выражается такая помощь?

Приведем несколько примеров. В феврале 2012 г. на сайте французской газеты «Фигаро» были опубликованы результаты исследований профессора Лионского университета Жака Бишо, согласно которым ежегодный ущерб от преступности во Франции равен 150 млрд евро, что составляет 7,5% ВВП страны¹. В данном случае важны не сами полученные цифры и не примененная методика, а то, как эти показатели могут быть использованы в борьбе с преступностью.

Вряд ли требует дополнительной аргументации тезис о том, что в обстановке, когда ресурсы на борьбу с преступностью объективно ограничены, нахождение экономически оптимальной модели уголовной политики (в широком понимании этого слова) превратилось в одну из главных криминологических задач нашего времени.

На основе анализа многочисленных статистических исследований профессор Бишо доказал, что

¹ Jacques Bichot. La delinquance estimee a 150 milliards d'euros par an. URL: <http://www.lefigaro.fr/actualitefrance/2012/02/20/0101620120220ARTFIG00491ladelinquanceestimeea150milliardsdeurosparan.php> (accessed: 27.03.2022).

30 тыс. дополнительных мест в тюрьмах дали бы возможность сократить преступность во Франции на 15%². В этом случае дополнительные государственные инвестиции составили бы 1 млрд евро в год, в то время как общая выгода для общества — 11 млрд евро.

Таким образом, разработка проблемы последствий преступности важна, поскольку при ее осмыслении государство обретает экономически выраженную мотивацию предупреждения преступления — самую сильную мотивацию, что доказано историей. Тем самым сведения о цене преступности могут способствовать созданию четкой концепции уголовной политики и выявлению, «сколько средств, усилий „не жалко“ положить на создание действенной профилактики правонарушений, чтобы в конечном счете „выгадать“ на уменьшении масштабов нынешней и будущей преступности, снижении объема ее общественно опасных последствий, но главное — на спасенных жизнях людей, их сохраненном здоровье, имуществе, покое» [5].

Кроме того, данные о цене преступности можно использовать при учете общественной опасности преступлений. Индексы, отражающие степень общественной опасности разных преступлений, представляют особый интерес для криминологов. Как правило, подобные индексы рассчитываются на основе общего числа учтенных деяний и размера наказания, назначенного судом [6].

В авторском курсе мировой и российской криминологии В. В. Лунеев приводит пример расчета индекса тяжести преступлений, взяв за основу формальный показатель общественной опасности — срок лишения свободы, предусмотренный за отдельные деяния [8]. Однако применяемый в большинстве случаев метод (когда за основу измерения общественной опасности берется размер наказания в виде лишения свободы, установленный в санкции статьи либо назначенный судом) не в полной мере отражает реальную общественную опасность преступности, так как при таком подходе не учитывается объективный масштаб вреда. Например, в случае причинения существенных негативных последствий, однако при наличии ряда обстоятельств (например, в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве при наличии смягчающих обстоятельств) суд может назначить совсем небольшой срок лишения свободы. Не меньше проблем возникает при сопоставлении наказаний за умышленные и неосторожные преступления, в результате которых наступают идентичные социальные последствия.

Применительно к проблеме нераскрытых преступлений следует иметь в виду, что статистический учет

таких преступлений не отражает реальное состояние преступности, поскольку берется во внимание только вред, нанесенный одним преступлением, независимо от количества жертв. Аналогичным образом искажаются сведения об общественной опасности преступности, когда она вычисляется, например, на основе размера наказания, назначенного судом. Включение же в формулу расчета степени общественной опасности преступности дополнительных параметров, отражающих цену этой преступности, будет способствовать получению более объективной криминологической информации.

Вместе с тем А. Е. Михайлов и Д. А. Зыков считают использование категории «цена преступности» неверным, поскольку «не может быть использована ни как показатель преступности, ни как характеристика последствий преступности» [11, с. 163]. Вряд ли с этим можно согласиться: как в материальном, так и в моральном выражении имеется конкретный размер вреда, ущерба и т. п., которые ощутимы реальными жертвами в реальном месте и времени.

Цена нераскрытой преступности. Нераскрытая преступность в определенном смысле является частью всей преступности, однако это наиболее проблемная ее часть, поскольку с учетом нераскрытых преступлений прошлых лет кумулятивный (накопившийся) массив невозмещенного вреда остается таковым и по сегодняшний день. В данном контексте должна идти речь о вреде и материальном, и моральном, а также пролонгированном и кумулятивном.

Как упоминалось ранее, граждане не осознают не только уровень материального и морального вреда, наносимого преступностью обществу и государству, но и его степень и характер. Настоящая цена преступности начинает восприниматься лишь в том случае, если человек либо его близкие непосредственно становятся жертвами преступления. И тогда наиболее максимально включается механизм социальной оценки последствий наступившего вреда.

Я. Г. Иващук и К. Г. Севагин рассматривают цену преступности через затраты на возмещение причиненного вреда, противодействие преступности и содержание правоохранительного аппарата. Анализируя их мнение, А. Е. Михайлов и Д. А. Зыков критично относятся к формированию последними понятия «цена преступности» без учета категории «вред от преступлений» [11].

Следует согласиться с позицией А. Е. Михайлова и Д. А. Зыкова, что затраты, о которых в данном случае идет речь, непосредственно связаны с вредом, причиняемым преступлением. В качестве яркого при-

² URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsenaprestupnostikakkriminologicheskijpokazatelnektoryemetodologi cheskieaspekty#:~:text=На%20основе%20анализа%20многочисленных%20статистических,преступность%20во%20Франции%20на%2015%25> (accessed: 27.03.2022).

мера можно привести антитеррористические нормы, предусматривающие порядок возмещения вреда, причиненного террористическим актом³. Целесообразно в данном случае включить вред в объем затрат на преступность. Именно он образует стоимость данных затрат. Однако в таком случае остается неясным место вреда, который не подлежит возмещению за счет федерального бюджета (а это основная масса вреда), т. е. формально исключен из системы государственных затрат. Сюда можно отнести, например, вред, причиненный латентными преступлениями, а также известный в связи с расследуемыми уголовными делами, которые остаются нераскрытыми [11].

Наиболее характерно объем данного вреда выражается в структуре преступлений против собственности, составляющих львиную долю в сегменте российской преступности [12], с раскрываемостью всего 36,4%⁴. Более того, даже по раскрытым уголовным делам возникают проблемы с возмещением вреда и его оценкой в контексте рассматриваемого подхода к определению понятия «цена преступности». Установленный вред подлежит возмещению за счет возвращения похищенного имущества, признаний сделок недействительными, компенсационных выплат подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осужденных и т. д. Однако затраты, связанные с возмещением этого вреда, как правило, несет само лицо, совершившее преступление, а объем этих затрат не покрывает фактически причиненный вред. Включать подобные затраты в объем цены преступности неверно, так как они являются элементом тех негативных последствий, которые составляют часть уголовной ответственности лица [13].

Следует согласиться с мнением А. Е. Михайлова и Д. А. Зыкова о том, что необходимо включение вреда, причиненного преступлением, в объем понятия «цена преступности» в качестве самостоятельной категории, что позволит наиболее объективно представить картину последствий от преступности и того, как страдает общество и государство от преступной деятельности.

В настоящей статье мы рассматриваем цену нераскрытой преступности именно как криминологический феномен, что, возможно, в будущем позволит разобраться и с видовыми характеристиками данной криминологической категории. Говоря о цене преступности, в том числе и нераскрытой, которую платит ежедневно само общество, государство и конкретные люди, следует проанализировать ее характерные признаки и свойства.

Каковы же основные стоимостные характеристики последствий от преступлений, которые прошли официальную регистрацию и остались нераскрытыми?

Как упоминалось выше, ежегодно почти половина учтенных преступлений не раскрывается в силу определенных объективных и субъективных причин. Принимая во внимание, что в 2021 г. официально зарегистрировано 933,3 тыс. нераскрытых преступлений (на 3,2% меньше аналогичного показателя за 2020 г.⁵), можно констатировать с учетом интерполяции, что за последние 20 лет в среднем общий объем нераскрытых преступлений составил более 18 млн преступлений. Нанесенный нераскрытой преступностью только имущественный вред обществу и государству составляет 400 млрд рублей в год. Трудно переоценить данные масштабы последствий для современного общества.

Что касается материальной цены нераскрытой преступности, то мы ее уже привели, именно данный вид цены криминальных последствий достаточно просто проанализировать. Но задача криминологов состоит в том, чтобы выявить факторы, детерминирующие пролонгированный эффект от таких последствий, и обратить на это внимание самих людей как потенциальных жертв от преступлений, которые впоследствии могут остаться нераскрытыми, соответственно, и вред, причиненный ими, не будет компенсирован.

Цена нераскрытой преступности в криминологическом смысле заключается прежде всего в отсутствии ощущения защищенности самих граждан. Родители, у которых убили сына, а правоохранители не нашли убийцу, помимо ощущения горя, испытывают совсем не позитивные эмоции в отношении своей защиты со стороны государства. Это в свою очередь коррелирует с наличием у людей правового нигилизма и развитием социальной аномии [14], в макросмысле влечет за собой отсутствие у граждан четкой гражданской позиции, что в современных геополитических реалиях наиболее актуализировалось.

Кумулятивный эффект нераскрытой преступности оказывает также негативное воздействие на самих субъектов борьбы с преступностью. Так, относительно низкие показатели раскрываемости преступлений негативно сказываются на деятельности органов внутренних дел. Например, штат участковых уполномоченных полиции, с которых почему-то в первую очередь требуют раскрываемость преступлений вместо повышения эффективности профилактической работы, сегодня укомплектован не полностью. В качестве наиболее конструктивного выхода из данной ситуа-

³ О противодействии терроризму: федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11, ст. 1146.

⁴ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2021 года. М., 2022. С. 6.

⁵ URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения: 27.03.2022).

ции следует на правовом уровне дифференцировать обязанности участковых уполномоченных сотрудников полиции. Исходя из того, что определенная часть нераскрытой преступности существует постоянно, целесообразно пересмотреть критерии оценки деятельности органов внутренних дел в части введения легитимных объемов нераскрытых преступлений, что снизит административное давление на аппараты уголовного розыска и следствия.

Третий нематериальный аспект цены нераскрытой преступности заключается в низкой реализации и эффективности принципа неотвратимости ответственности за совершенное преступление. В знаменитом романе братьев Вайнеров «Эра милосердия» Глеб Жеглов сказал, что правопорядок в стране должен определяться не по количеству преступников, а по умению правоохранительных органов их обезвреживать. Безусловно, художественный вымысел не стоит смешивать с реальными фактами, тем не менее в данной фразе как раз и заключается смысл принципа неотвратимости наказания. Каждый преступник должен быть уверен, что наказание за любое противоправное деяние неминуемо. На фоне развития современных телекоммуникационных технологий, киберпреступности и коррупционных правонарушений это особенно важно.

Ежегодно в результате преступных посягательств гибнет около 20 тыс. человек, более 30 тыс. претерпевают тяжкий вред здоровью. Это ли не повод к размышлению и анализу цены преступлений, половина из которых не раскрывается? Если выше мы говорили о материальных и моральных последствиях, то здесь речь идет о здоровье нации в полном смысле этого слова. Физический вред здоровью является основополагающим фактором определения цены как нераскрытых преступлений, так и преступности в целом. Исходя из этого, особое внимание требуется уделить реализации государственной политики, направленной на конечные результаты действия национальных проектов по защите граждан от преступности и правонарушений.

Таким образом, можно сформулировать понятие цены нераскрытой преступности. Итак, цена нераскрытой преступности — это результат совершенного нераскрытого преступления, а именно конкретный объем физического, материального и морального вреда

обществу и государству, который остался (либо оставался таковым на протяжении определенного времени), не возмещенным и не компенсированным потерпевшим.

Выводы

1. Нераскрытая преступность обладает характерными признаками: зарегистрированностью; условной раскрытостью; безусловной раскрытостью; пролонгированной социальной опасностью.

2. К свойствам преступности относятся накопительная (кумулятивная) статистика нераскрытых преступлений прошлых лет, стремление нераскрытой преступности к безнаказанности.

3. Для противодействия преступным проявлениям, их минимизации для общества и государства рекомендуются следующие меры:

— на государственном уровне изменить систему оценки деятельности органов внутренних дел в части пересмотра самих критериев и их комплексности;

— создать стимулирующие институты для участия граждан в антикриминальной деятельности. В свою очередь, это впоследствии позволит повысить в их сознании ощущение защищенности;

— проводить на постоянной основе правовое просвещение молодежи не только по вопросам противодействия преступности, но и по другим наиболее социально важным темам;

— в целях искоренения правового нигилизма среди граждан необходимо реализовывать на плановой основе различные научные представительские форумы, конференции, съезды, викторины под эгидой администрации субъектов Российской Федерации, где сами жители, привлекаемые в роли организаторов данных мероприятий, будут определять наиболее правильный вектор развития профилактической деятельности по тем или иным направлениям.

Перспективы. В целях снижения уровня преступлений, а также повышения их раскрываемости необходима разработка многоуровневой Концепции противодействия нераскрытой преступности, в которую в качестве основополагающих направлений должны быть включены вопросы формирования правопослушного поведения и нетерпимости к асоциальному поведению всего общества.

Список источников

1. Михайлов А. Е., Зыков Д. А., Семенов С. А. Место и характер минимизации и ликвидации последствий преступности в документах Организации Объединенных Наций // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 2(63). С. 52–55.
2. Карпец И. И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992. 431 с.
3. Антонян Ю. М. Почему люди совершают преступления. Причины преступности. М., 2005. 60 с.
4. Афанасьева О. Р. Социальные последствия преступности: понятие, признаки, показатели // Общество и право. 2013. № 3(45). С. 181–185.
5. Бабеев М. М., Квашиш В. Е. Цена преступности: проблемы методологии и уголовной политики // Современные проблемы и тенденции развития уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Республики Казахстан : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Караганда, 2009. С. 246–259.

6. Долотов Р. А. Цена преступности как показатель общественной опасности преступности // *Russian Journal of Economics and Law*. 2012. № 4. С. 20–24.
7. Овчинский В. С., Кондратьюк Л. В. Криминологическое измерение / под ред. К. К. Горяинова. М., 2008. 228 с.
8. Лунеев В. В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности // *Государство и право*. 2009. № 1. С. 34–36.
9. Минин Б. А. Возвратное право: правосудие, социальная безопасность и социальное развитие. М., 2007. 468 с.
10. Спиридонов Л. И. Социология уголовного права. М., 1986. 106 с.
11. Михайлов А. Е., Зыков Д. А. Проблематика определения понятия «цена преступности» // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2022. № 5. С. 163–166.
12. *Криминология (Особенная часть)*: учебник для бакалавриата и специалитета / под общ. ред. А. Е. Михайлова, А. В. Кудрявцева. Владимир, 2021. 237 с.
13. Конева А. А. Учение о ненаказанной преступности. Н. Новгород, 2004. 102 с.
14. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. 873 с.

Поступила 10.07.2022; одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 30.08.2022.
Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

References

1. Mikhailov A. E., Zykov D. A., Semenov S. A. The place and the character of minimization and eradication of consequences of crimes in the UN documents. *Bulletin of Vladimir Law Institute*. 2022. No. 2(63). Pp. 52–55. (In Russ.)
2. Karpets I. I. Crime: illusions and reality. Moscow, 1992. 431 p. (In Russ.)
3. Antonyan Yu. M. Why people commit crimes. Causes of crime. Moscow, 2005. 60 p. (In Russ.)
4. Afanasieva O. R. Social consequences of crime: concept, signs, indicators. *Society and Law*. 2013. No. 3(45). Pp. 181–185. (In Russ.)
5. Babaev M. M., Kvashis V. E. The cost of crime: problems of methodology and criminal law policy. Modern problems and tendencies of development of criminal law, criminology and penal execution law of the Republic of Kazakhstan. Proceedings of the international scientific and practical conference. Karaganda, 2009. Pp. 246–259.
6. Dolotov R. A. Cost of the crime as an indicator of social danger of crimes. *Russian Journal of Economics and Law*. 2012. No. 4. Pp. 20–24. (In Russ.)
7. Ovchinsky V. S., Kondratyuk L. V. Criminological dimension. Ed. by Goryainov K. K. Moscow, 2008. 228 p. (In Russ.)
8. Luneev V. V. Social consequences, victims and cost of crimes. *State and Law*. 2009. No. 1. Pp. 34–36. (In Russ.)
9. Minin B. A. Reversionary law: justice, social security and social development. Moscow, 2007. 468 p. (In Russ.)
10. Spiridonov L. I. Sociology of criminal law. Moscow, 1986. 106 p. (In Russ.)
11. Mikhailov A. E., Zykov D. A. Problems of definition of the concept “cost of crimes”. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. 2022. No. 5. Pp. 163–166. (In Russ.)
12. Criminology (special part). Textbook for bachelor’s and specialist’s degree students. Ed. by Mikhailov A. E., Kudryavtsev A. V. Vladimir, 2021. 237 p. (In Russ.)
13. Koneva A. A. The study of unpunished crimes. Nizhny Novgorod, 2004. 102 p. (In Russ.)
14. Merton R. Social theory and social structure. Moscow, 2006. 873 p. (In Russ.)

Submitted 10. 07. 2022; approved after reviewing: 20.07.2022; accepted for publication: 30.08.2022.
All the authors have made an equal contribution to the publication.
The authors declare that there is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Требования к представляемым материалам

1. Общие правила. Принимаются статьи, отражающие результаты самостоятельных и завершенных исследований. Описания пилотажных исследований, отчетов, не имеющих научных выводов, дублирование ранее опубликованных работ в качестве отдельной статьи к рассмотрению не принимаются. Материалы статьи не должны содержать некорректных заимствований.

Автор рукописи гарантирует, что не нарушает законодательство Российской Федерации, включая нормы об охране авторского права, принимает на себя ответственность за точность и информативность излагаемых сведений.

2. Авторы представляют в редакцию:

— статью, оформленную в соответствии с требованиями (название статьи до 14 слов). Название должно быть информативным, лаконичным, соответствовать научному стилю текста, содержать основные ключевые слова, характеризующие тему (предмет) исследования и содержание работы. Заглавие должно легко восприниматься читателями и поисковыми системами;

— индекс УДК, соответствующий теме статьи, шифр научной специальности;

— сведения об авторе (Ф. И. О. (полностью), ученые степень и звание, должность), ORCID, адрес электронной почты;

— полное название организации, с указанием формы собственности, ведомственной принадлежности каждого из авторов, адрес с почтовым индексом. Необходимо придерживаться унифицированного названия организации, как правило, зафиксированного в уставе организации;

— аннотацию (abstract). Она должна быть информативной, оригинальной, содержательной, структурированной в соответствии с логикой изложения материала, компактной (от 100 до 250 слов);

— ключевые слова (key words) (6–8 речевых единиц) из текста статьи;

— основные положения.

3. Требования к представляемым материалам:

— статьи принимаются в формате doc, docx, rtf. Шрифт — Times New Roman, кегль 14, межстрочный интервал 1,5;

— объем рукописи — до 30 тыс. знаков, включая рисунки и таблицы, больший объем допускается в индивидуальном порядке, по решению редакции. Текст тщательно вычитывается и подписывается авторами;

— иллюстративный материал должен быть ориентирован на черно-белую печать. Формат графических файлов для растровой графики — TIFF или JPEG, разрешение — 300 dpi (пиксели на дюйм). Графики, схемы, диаграммы и т. д. должны быть сделаны в векторных программах (не в Word) и сохранены в формате EPS или AI;

— сокращения и символы, единицы измерения должны соответствовать принятым стандартам (в системе СИ и ГОСТ 7.0.12-2011);

— в списке литературы авторы упоминаются в порядке цитирования, в него следует включать и произведения зарубежных авторов, а также источники, входящие в ведущие научные базы (Scopus, Web of Science). Число источников должно быть достаточным для оптимального раскрытия темы статьи. Все ссылки на литературные источники в тексте статьи печатаются арабскими цифрами в квадратных скобках, например: [5, с. 6]. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой, например: [10, с. 9; 12, с. 50] (ГОСТ Р 7.0.5-2008). При повторном цитировании источника ему присваивается номер первоначального цитирования;

— источники без указания автора материала, нормативные документы (постановления, законы, инструкции и т. д.), пояснения, замечания, которые не будут проиндексированы в базах данных цитирования, указываются в сносках внизу страницы и в список литературы не выносятся;

— самоцитирование автора допускается, но не более 20% от количества источников в списке.

Журнал является рецензируемым. Все статьи рецензируются, независимо от ученых званий и степеней авторов. Рецензирование осуществляют специалисты по тематике рецензируемых материалов, которые имеют в течение последних трех лет публикации в указанной сфере.

Рукописи принимаются к рассмотрению по электронной почте в режиме online. E-mail редакции: karavaevmvd@mail.ru. Авторы могут присылать рукописи по адресу: 644092, г. Омск, пр. Комарова, 7. Омская академия МВД России, журнал «Психопедагогика в правоохранительных органах» (с пометкой «Караваяеву А. Ф.»), тел.: +7 (913) 971-80-28.

Электронные архивы выпусков журнала находятся в открытом доступе на сайте журнала <https://pp.omamvd.ru>, <https://ppe.omamvd.ru> и на сайтах научных электронных библиотек по адресу: <http://www.elibrary.ru>; <http://www.cyberleninka.ru>. Номера размещаются в РИНЦ (Science Index), ERICH PLUS.

С подробными требованиями к оформлению статьи можно также ознакомиться в разделе «Информация для авторов» на сайте журнала.

Публикации в журнале бесплатные.

Подписные индексы 41979; 41980 в объединенном каталоге «Пресса России». **Интернет-подписка** <http://www.pressa-rf.ru>; <http://www.akc.ru>.

Редакция приглашает Вас к сотрудничеству!